

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение

«Институт стратегии развития образования

Российской академии образования»

На правах рукописи

ХААДИ Тарим Анверовна

**РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАР-МУСУЛЬМАН
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научные руководители:
доктор педагогических наук,
профессор
Оганесян Сергей Саядович;
доктор педагогических наук, доцент
Пичугина Виктория Константиновна

Москва – 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Основы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья	19
1.1. Историко-педагогические предпосылки становления и развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.....	19
1.2. Коран как мировоззренческая основа педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья	54
Выводы к главе 1	67
Глава 2. Факторы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.	70
2.1. Влияние трансформации этноконфессиональной политики российского государства конца XVIII в. на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья	70
2.2. Роль Казанского университета и университетской типографии в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.	80
2.3. Вклад русских ученых и педагогов-миссионеров в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.	93
2.4. Влияние джадидизма на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XIX – начала XX в.	122
Выводы к главе 2	139
Глава 3. Вклад прогрессивных татарских ученых-богословов и педагогов-просветителей в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.	141
3.1. Тенденции возрожденчества и религиозного реформаторства в богословской и педагогической мысли Габденнасыра Курсави и Габдерахима Утыз-Имяни	143

3.2. Развитие и взаимовлияние педагогических культур в богословских и философских трудах Шигабутдина Марджани и Хусаина Фаизханова	153
3.3. Просветительско-педагогические воззрения Каюма Насыри и их влияние на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья.....	164
3.4. Вопросы воспитания и образования подрастающего поколения в творчестве Ризаэтдина Фахретдина	176
3.5. Значение просветительско-педагогических воззрений Мусы Бигиева для педагогической культуры татар-мусульман.....	183
Выводы к главе 3	193
Заключение.....	197
Список использованных источников	202
Список использованной литературы.....	215

Введение

Актуальность темы исследования. Российское государство, являясь полиэтническим, многоконфессиональным и поликультурным, имеет уникальный исторический опыт сосуществования и образовательного взаимодействия самых различных по цивилизационной ментальности и культурному своеобразию этносов. В нормативных документах последних лет особое внимание обращено на средства и условия развития личности с опорой на сохранение и развитие традиций народов России. Достижение поставленных перед системой образования целей невозможно без концептуального осмысления педагогических идей и образовательных практик прошлого, основанных на межкультурном диалоге и межэтнической толерантности.

Обращение к истории педагогической культуры и к образовательным традициям народов России актуализирует внимание к истории развития идей, принципов, концепций и практик толерантного воспитания детей и молодежи в мировом масштабе. В этом отношении большой научный и практический интерес представляет педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX вв., а также способы концептуального осмысления педагогических воззрений представителями мусульманской педагогики.

Историко-педагогическое изучение татаро-мусульманской педагогической культуры Поволжья и Приуралья, необходимо для пересмотра роли и миссии образования в современном мире, где важно сохранить бережное отношение к прошлому, обеспечить преемственность поколений и национальную безопасность нашего государства. Значимость изучения истории развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья обусловлена тем, что в недавнем прошлом нашей страны многие нравственные ценности ислама были искажены или преданы забвению. Перед лицом глобальных вызовов, сложность и масштабность которых такова, что они не

могут быть преодолены в настоящем и будущем без научно-практических достижений прошлого, изучение педагогической культуры татар-мусульман значимо для переосмысления роли образования при формировании новой парадигмы миропонимания, мироизменения и мироустройства

Основным понятием, отражающим авторскую позицию в контексте исследуемой проблемы, является понятие «педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья», которая рассматривается нами как часть общей татаро-мусульманской культуры, объединяющая духовные и материальные ценности, нашедшие отражение в идеях и практике педагогической деятельности, и сложившаяся под воздействием общих условий жизни, геополитических обстоятельств, экономических и культурных связей региона.

Хронологические рамки объекта исследования (конец XVIII – начало XX вв.) – период, который открывается так называемой «эпохой веротерпимости», связанной с началом царствования Екатерины II, когда произошла смена политики по отношению к татарам-мусульманам, и они были органически интегрированы в сословную систему России. Завершается исследование периодом интенсивных репрессий духовенства и богословов-просветителей в 30-х гг. XX столетия, когда происходит секуляризация образования и утверждение идеологии воинствующего атеизма. Вместе с тем логика изучения процесса развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья обусловила необходимость обращения и к более ранним периодам, что позволило выявить исторические предпосылки становления этой культуры.

Географические рамки исследования. Несмотря на то, что значительное число татар, исповедующих ислам, проживало во многих регионах России, основное этническое ядро татар-мусульман находилось в пределах исторически сложившегося региона Поволжья и Приуралья. Все губернии Волго-Уральского региона были теснейшим образом связаны между собой как в административном и экономическом отношениях, так и в плане общественно-политической и

религиозной жизни. Именно в Поволжье и Приуралье в период с VIII по начало XX вв. происходило формирование монотеистического (исламского) мировосприятия, а также соответствующих ему образа жизни и педагогических воззрений татар-мусульман.

Степень разработанности темы. Накопленное веками богатое наследие татар-мусульман в области образования и воспитания подрастающего поколения имеет уникальную историю изучения. Большую значимость для нашей работы имеют исследования отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к вопросам обучения и воспитания татар в XIX в. (В.В. Бартольта, Я.Д. Коблова, Г. Курсави, К.Насыри, Ш.Марджани, В.В. Радлова, Г.Утыз-Имяни, Р.Фахретдина, К.Ф. Фукса и др.), сторонников изучения и преподавания татарского языка и языков других этнических групп региона (Н.А. Бобровникова, В.А. Богородицкого, М.В. Иванова, Н.Ф. Катанова, С. Хальфина, и др.).

Наибольший интерес к эволюции татаро-мусульманской педагогической системы и истории развития образования татар-мусульман Поволжья и Приуралья наблюдался во второй половине XX в. Наиболее значимыми являются труды Я.И. Ханбикова «Из истории педагогической мысли татарского народа» (1967), «Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа» (1968) и др., где определены периоды развития татарской педагогической мысли, а также дан историко-теоретический анализ научно-педагогического наследия как татарских, так и русских учёных-просветителей. Существенный вклад в изучение истории татарского образования внесли такие учёные, как А.Г. Мухаметшин, Р.Ш. Маликов, Р.Р. Сафиуллина-Ибрагимова, З.Т. Шарафутдинов, В.М. Беркутов, Н.Г. Краснов, М.М. Махмутова, Т.Н. Петрова, Ф.Г. Ялалов и др. Важный вклад в изучение феномена джадидизма как важного фактора, оказавшего влияние на особенности развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XIX начала XX в., внесли труды Р.И. Нафигова, Я.Г. Абдуллина, Д.М. Исхакова, Т.К.

Ибрагим, Ф.М. Султанова, А.Н. Юзеева, Р.М. Мухаметшина, Р.С. Хакимова, Р.Р. Шангараева, Д.А. Шагавиева и др.

Особенно отметим ученых, в работах которых проанализированы исторические предпосылки становления и развития татаро-мусульманской педагогики (Р.М. Мухаметшин, А.Н. Юзеев, Т.М.Аминов, Г.Ю.Хабибуллина и др.), а также миротворческие (Э.Р. Тагиров, Р.Р. Фахрутдинов, Ф.Т. Мамедов и др.) и религиозно-философские (Т.К. Ибрагим, С.С. Оганесян, В.С. Полосин, В.М. Порохова, М. Рошд и др.) аспекты этой культуры.

В связи с этим на первый план выходит **проблема** создания целостной картины процесса развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.

Объект исследования: педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.

Предмет исследования: особенности становления и развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.

Цель исследования: охарактеризовать и целостно представить процесс развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.

Задачи исследования:

- 1) определить мировоззренческую основу и историко-педагогические предпосылки развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.;
- 2) выявить и охарактеризовать факторы, которые оказали существенное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.;
- 3) охарактеризовать вклад русских ученых и педагогов-миссионеров в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.;

- 4) оценить роль Казанского университета как центра изучения и просвещения всех народов региона, а также университетской типографии в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья;
- 5) выявить и проанализировать педагогические воззрения прогрессивных татарских ученых-богословов и педагогов-просветителей, предопределивших особенности развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья изучаемого периода.

Теоретико-методологические основы исследования:

- концептуальные идеи о природе историко-педагогического знания (В.Г. Безрогов, М.В. Богуславский, А.Н. Джурицкий, Г.Б. Корнетов, В.К. Пичугина и др.);
- культурологический подход в педагогическом знании, идея формирования человека культуры (Б.М. Бим-Бад, Л.П. Буева, А.С. Запесоцкий, Н.Б. Крылова);
- концепции и взгляды ученых на генезис этнонационального образования, роль традиционной культуры и исторического опыта национального воспитания (Л.Н. Беленчук, Р.С. Бозиев, Г.Н. Волков, А.Б. Панькин, К.И. Султанбаева, Э.Н. Хужиахметов, Ф.Г. Ялалов);
- комплекс теоретических подходов к историко-педагогическому изучению Священных Писаний единобожия (Т.К. Ибрагим, Р.М. Мухаметшин, Д.М. Мухутдинов, С.С. Оганесян и др.);
- историко-педагогические основы изучения образовательной культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья (Д.Д. Валиди, В.М. Горохов, Р.Ш. Маликов, З.Т. Шарафутдинов, Я.И. Ханбиков, и др.);
- историко-педагогические работы по вопросам теории и практики обучения и воспитания татар-мусульман в разные исторические периоды (Т.М. Аминов, А.Г. Мухаметшин, М.М. Махмутова, Т.Н. Петрова, Р.Р. Фахрутдинов, Г.Ю. Хабибуллина, и др.).

Методы исследования объединили общенаучные и специальные историко-педагогические методы. Первая группа методов, включавшая

концептуализацию, контент-анализ а также логический, системный и герменевтический виды анализа, позволила выстроить общую стратегию развития татаро-мусульманской педагогической культуры и проследить её эволюцию. Вторая группа методов, включавшая историко-структурный метод, методы исторической реконструкции и историко-педагогической интерпретации, позволила обосновать историко-педагогическую идентификацию педагогического наследия народа, исповедующего ислам в рамках христианского государства. Особо выделим сравнительно-сопоставительный анализ и метод экзегетики в работе с текстами Священных Писаний единобожия (Торы, Библии, Корана).

Источниковую базу исследования составляют источники на русском, татарском, старотатарском, староосманском и арабском языках:

- нормативные документы изучаемого периода (манифесты, указы, "учреждения", грамоты государей Российской империи, уставы и др.), а также документы Министерства народного просвещения, Оренбургского Магометанского Духовного Собраниа (положения, циркуляры, распоряжения);
- архивные материалы (фонды Российского Государственного исторического архива, Российской Государственной библиотеки, Национального архива Республики Татарстан, Национального архива Республики Башкортостан), отражающие процесс становления и особенности организации практики образования в Поволжье и Приуралье;
- прошения, жалобы и доклады, направленные официальным лицам государства, а также личная переписка современников (в том числе переписка Ш. Марджани и Х. Фаизханова в 1860–1864 гг.);
- труды прогрессивных татарских богословов–педагогов и просветителей: Г. Утыз-Имяни, Г. Курсави, Ш. Марджани, Х. Фаизханова, Р. Фахретдина, К. Насыри, И. Гаспринского, Г. Баязитова, М. Бигиева, в которых раскрываются особенности мусульманского воспитания и обучения и прослеживается влияние богословской мысли на педагогическую культуру татар-мусульман;

- труды прогрессивных русских ученых, педагогов-просветителей: Н.И. Лобачевского, В.В. Радлова, Н.И. Ильминского, Н.А. Бобровникова, в которых пропагандировались передовые для рассматриваемого периода педагогические идеи;
- работы отечественных и зарубежных ученых, исследовавших просветительскую деятельность в регионе, историю возникновения татарских школ в Поволжье и Приуралье, а также обращавшихся к вопросам обучения и воспитания татар-мусульман в конце XVIII – начале XX вв. (В.В. Бартольда, Н.А. Бобровникова, Н.Н. Булича, В.А. Грингмута, Я.Д. Коблова, А. Мюллера, В.В. Радлова, К.Ф. Фукса и др.);
- публикации общественных деятелей XX в.: изданный в 1923 г. в Москве и Петрограде под грифом «Татарская литература в переводах на русский язык» труд Джамалетдина Валиди (1887–1933), «Очерки истории образованности и литературы среди татар», в котором охарактеризованы основные периоды развития татарской общественно-педагогической мысли и ее влияние на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья, а также некоторые аспекты становления нового течения – джадидизма – в татаро-мусульманской образовательной системе во второй половине XIX – начале XX вв.; изданный в 1923 г. и ставший библиографической редкостью научный труд М. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», работы Н.Ф. Калинина (1888–1959) и др.;
- материалы из фондов отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ, центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, в том числе материалы периодической печати изучаемого периода (газеты «Тарджеман» и «Нур», журналы «Мэктэб» и «Шура» и др.).

Этапы исследования:

- 1) **2018 – 2019 гг.** – отбор, изучение, систематизация историко-педагогических источников, позволяющих провести анализ основ и

предпосылок развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья; исторический обзор литературы прогрессивных татарских ученых-богословов педагогов-просветителей изучаемого периода; концептуальный анализ научных работ, исследующих особенности развития педагогической культуры татар-мусульман;

2) **2020 – первая половина 2021 г.** – анализ теоретико-методологических подходов к историко-педагогическому изучению педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья; обобщение и систематизация данных, характеризующих факторы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.; подготовка статей по теме исследования;

3) **вторая половина 2021 – начало 2023 г.** – систематизация и обобщение результатов и выводов исследования; оформление текстов диссертации и автореферата; подготовка статей по теме исследования; апробация результатов исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что: *впервые* осуществлено историко-педагогическое исследование, которое вводит в научный оборот терминологизированное словосочетание «педагогическая культура татар-мусульман»; *впервые* на основе анализа и сопоставления комплекса источников определены предпосылки и факторы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.; *впервые определено*, что педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья рассматриваемого периода формировалась на мировоззренческой основе Корана, в котором отражены педагогические принципы: реляции, взаимодействия, осознанного познания; *уточнен* вклад русских ученых и педагогов-миссионеров в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.; *выявлены* аспекты деятельности Императорского Казанского университета и университетской типографии, направленные на развитие педагогической

культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья; *уточнено и дополнено представление* о роли татарских ученых-богословов в формировании педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.; *актуализированы* прогрессивные идеи татаро-мусульманской педагогической культуры, задающие векторы научного поиска в современном образовании.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что оно обогащает историко-педагогическую теорию и исследовательскую практику опытом актуализации уникального и универсального в педагогическом наследии татарского народа, исповедующего религию Ислам. В научный оборот введены источники, ранее не рассматривавшиеся в качестве историко-педагогических, что существенно расширяет возможности дальнейшего изучения эволюции педагогической культуры татар-мусульман. Полученные результаты и выводы позволяют демонстрировать и популяризировать богатство и разнообразие педагогического наследия татар-мусульман, что способствует расширению знаний у подрастающего поколения об историко-культурном и историко-педагогическом наследии России, а также воспитанию уважения к религиозным традициям как неотъемлемой части культуры.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они открывают новые источники для поиска в современных условиях педагогических стратегий и тактик с учетом богатого научно-практического опыта педагогической культуры татар-мусульман. Результаты исследования и использованная в нем база источников могут использоваться при разработке и внедрении системы учебных программ и тренингов во всех ступенях образования, с целью распространения знаний о социально одобряемых нормах этико-религиозного поведения, для ознакомления с особенностями различных культур, с духовными ценностями и образцами культурно-исторического и социального опыта народов России. Логика исследования и его результаты могут стать основой для: включения историко-педагогического компонента в содержание курсов

«Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Основы религиозных культур и светской этики» и др.; разработки спецкурсов «История педагогической культуры Волжской Булгарии», «История педагогического поиска в Поволжье и Приуралье» и др.; создания материалов для организации круглых столов и научных диспутов по педагогическому наследию народов России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья формировалась на мировоззренческой основе Корана, в котором выражены следующие педагогические принципы: 1) принцип реляции, реализующийся через особую социальную природу преподавания и обучения, в соответствии с которой теплые человеческие отношения играют роль основы для обучения и развития личности в направлении все более сознательных состояний; 2) принцип взаимодействия, предполагающий преподавание, обучение и развитие как совместные усилия на протяжении всей жизни как учителей, так и учеников; 3) принцип осознанного познания, связанного с выделением смысла изучаемого, повышением уровня сознательного самообразования учащихся и практическим применением охарактеризованных выше педагогических принципов. Историко-педагогическими предпосылками развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв. стали: а) проникновение на территорию Волжской Булгарии (VIII–XIII вв.) религии ислама с ее развитой письменной культурой, предписывающей своим последователям стремиться к приобретению знаний; б) культивирование знаний, просвещения и развитие разных способов передачи информации для управления империей Золотой Орды (середина XIII–XIV вв.); в) превращение Казани в XV–XVI вв. в часть исламского культурного мира и положение Казанского ханства в исламо-христианском пограничье, что обеспечивало возможность мирного сосуществования всех этно-конфессиональных групп; г) после присоединения Казанского ханства в 1552 г. к России развитие педагогической культуры татар-

мусульман продолжало протекать в ареале влияния мусульманской цивилизации, развиваясь под воздействием восточного калама и суфизма.

2. Факторами, оказавшими существенное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв., явились: а) трансформация с конца XVIII в. этноконфессиональной политики российского государства по отношению к татарам-мусульманам, связанная с объявлением свободы вероисповедания, отменой насильственного крещения, разрешением мусульманам строить мечети и открывать при них школы; б) деятельность открытого в 1804 г. Казанского Императорского университета, профессора и выпускники которого участвовали в формировании правительственной политики, в общественных инициативах и в создании концепций, легших в основу становления и развития педагогических учебных заведений; в) активное функционирование открытой в 1797 г. Азиатской типографии; г) джадидистское течение (с 80-х гг. XIX в.), направленное на реформирование татаро-мусульманской школы и педагогической мысли и обеспечившее стремительный рывок развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

3. Вклад русских ученых и педагогов-просветителей в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв. осуществлялся по двум основным направлениям: а) деятели светской научной направленности Н.И. Лобачевский (1792–1856 гг.), В.В. Радлов (1837–1918 гг.) и др. стремились к распространению грамотности среди татар на основе добровольного изучения ими русского языка, помогали национальной интеллигенции Поволжья и Приуралья в творческом росте, привлекали ее к обучению и к работе в русских смешанных учебных заведениях и обществах, желающих подготовить научные кадры из народов Поволжья и Приуралья; б) миссионеры Н.И. Ильминский (1822–1891 гг.), Н.А. Бобровников (1854–1921 гг.) и др. реализовывали политику насильственной русификации и христианизации; их деятельность стала своеобразным катализатором развития

педагогической культуры татар-мусульман Волго-Уральского региона и способствовала тому, что эта культура стала достоянием русскоязычной педагогической общественности.

4. Важную роль в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в. сыграло открытие в 1804 г. Казанского Императорского университета, который стал основой развития высшего светского педагогического образования в Поволжье и Приуралье, функционируя как авторитетный научно-методический центр изучения и просвещения всех народов региона. Университет был ориентирован на подготовку управленческих кадров для Востока России и готовил европейски образованную татарскую национальную элиту. Существенное значение для развития педагогической культуры татар-мусульман Волго-Уральского региона имело открытие и функционирование Казанской Азиатской типографии, которая способствовала широкому распространению передовых научных трудов и изданию учебно-методической литературы.

5. Особенности развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья изучаемого периода были предопределены педагогическими воззрениями прогрессивных татарских ученых-богословов педагогов-просветителей: Габденнасыра Курсави (1775–1812 гг.), Габдрахима Утыз-Имяни (1754–1835 гг.), Шигабутдина Марджани (1818–1889 гг.), Хусаина Фаизханова (1828–1866 гг.), Каюма Насыри (1825–1902 гг.), Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936 гг.), Мусы Бигиева (1873–1949 гг.). Благодаря им педагогическая культура татар-мусульман смогла возродить свои прогрессивные традиции, связанные с отходом от педагогической схоластики и устаревшей религиозной догматики. Ими была обоснована мысль о том, что научное знание не противоречит религиозному, а закономерно существует наряду с ним. Было раскрыто значение толерантного отношения к представителям других конфессий, что способствовало реформаторству богословской и педагогической мысли и повышению уровня интеллектуализации общества. Внедрив изучение

светских наук и русского языка, они заложили основы татарской педагогики как науки, пронизанной идеями толерантности, патриотизма, воспитания гармоничной личности с широким интеллектуально-эстетическим кругозором. Они пропагандировали непосредственное приобщение к первоисточникам монотеизма, в частности к Корану и Сунне пророка, а также к Торе и Библии. Благодаря их творчеству педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья стала востребованной в поликультурном и поликонфессиональном пространстве.

Достоверность полученных результатов обусловлена методологическими и теоретическими основами принципиальных положений работы; использованием комплекса методов, соответствующих цели и задачам исследования; существующими принципами и методами проведения историко-педагогических исследований; репрезентативностью источниковедческой базы, включающей обширный корпус текстов, раскрывающих особенности развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX вв.

Апробация основных результатов исследования осуществлялась на следующих научных мероприятиях: 1) IV Международном симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (Рязань, 2022); 2) международных форумах «Богословское наследие мусульман России» (Болгар, 2019, 2021, 2022), форуме «Ислам в мультикультурном мире» (Казань, 2019), VII евразийском научно-практическом форуме «Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты и форматы реализации» (Казань, 2019); 3) международных научно-практических конференциях: «Фахретдиновские чтения» по теме «Ислам в глобальном мире: мусульманское наследие и межкультурный диалог» (Москва, 2019), «Образовательное пространство в информационную эпоху» – ЕЕИА (Москва, 2021, 2022), «Уголовно-исполнительная система и русская православная церковь, другие традиционные для России религиозные объединения:

взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных» (Санкт-Петербург, 2021), «Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании» (Москва, 2021), «Взаимодействие русской православной церкви и уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (Санкт-Петербург, 2022), «Гуманитарное знание и духовная безопасность» (Грозный, 2022); 4) международной образовательной конференции «Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия» (Уфа, 2022) 5) межрегиональной научно-практической конференции «III Чтения имени Ш. Марджани «Поиск богословских решений в эпоху глобализации» (Болгар, 2019), региональной конференции «Актуальные вопросы педагогики и психологии в теологическом образовании» (Казань, 2019); 6) круглом столе «Информационная, научная и образовательная сфера: перспективы взаимодействия» в рамках международной конференции «Россия – Азербайджан: исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия» (Казань, 2021); 7) всероссийской школе мусульманского лидера «Махалля» (Казань, 2018).

Основные результаты исследования представлены в 25 публикации автора, в том числе в 8 статьях в изданиях, входящих в перечень, рекомендованный ВАК РФ, также в объемном тематическом справочнике с краткими комментариями «Кораническая цитата».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности: тема и результаты научного исследования соответствует требованиям паспорта специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования: п.7 - история развития педагогической науки и практики образования татар-мусульман Поволжья и Приуралья исследуемого периода, п.8 - исследование прогрессивных идей представителей татаро-мусульманской педагогической культуры исследуемого периода, п.29 – этнокультурные основы обучения и воспитания прошлого, которые могут использоваться в качестве основ для выстраивания векторов развития современного образования.

Структура и объем исследовательской работы. Работа включает введение, три главы, заключение, список использованных источников (163 источников), список использованной литературы (227 наименований). Текст диссертации составляет 201 страницу.

Глава 1. Основы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья

1.1. Историко-педагогические предпосылки становления и развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья

Понятие «педагогическая культура» давно используется в науке и в практике педагогической деятельности, но в современной педагогической науке нет его общепринятого определения. Теоретическое обоснование понятия «педагогическая культура» дается И.П. Подласым, Н.Е. Щурковой, А.М. Столяренко, О.Е. Костенко, И.Ф. Исаевым, В.Б. Успенским, А.П. Чернявской и другими учеными. Особый вклад в историко-педагогическое исследование педагогической культуры внесли Г.Б. Корнетов, более двадцати лет организующий научные мероприятия и выступающий научным редактором монографий по истории педагогической культуры¹, а также В.Г. Безрогов и В.К. Пичугина, изучающие педагогическую культуру разных эпох² и участвующие в издании научного журнала по истории античной педагогической культуры «Nurothekai».

Изученные нами определения «педагогической культуры» можно разделить на два основных типа.

Первый тип включает определения, в которых педагогическая культура рассматривается как интегральное качество личности – педагога, учителя,

---

¹ Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия : постижение педагогической культуры человечества. Материалы Шестой национальной научной конференции. М. : АСОУ, 2010; Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: традиции и новации в истории педагогической культуры: материалы седьмой нац. науч. конф. М. : АСОУ, 2011; Традиции и новации в истории педагогической культуры: монография в 2 т. М. : АСОУ, 2011 и др.

² Безрогов В.Г., Пичугина В.К. Между эпимелией и пайдейей: забота о себе как о ближнем в античной педагогической культуре // Между прошлым и будущим: теория и история педагогики XXI века: матер. межд. заоч. научно-практич. конференции, посв. пам. Ф.А. Фрадкина. 18–25 декабря 2013 года. Владимир : Изд-во ВлГУ; ВИТ-принт, 2014. С. 104–111; Пичугина В.К., Крыхтина С.Ю. Воспитание музыкой и театром в древнегреческой педагогической культуре // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2017. Том 3. № 4. С. 217–228.

воспитателя, наставника и т. д., как творческие способы педагогической деятельности и профессионального педагогического поведения. Аспект, в котором дается анализ особенностей педагогической деятельности, ведется изучение педагогических способностей, педагогического мастерства преподавателя, в той или иной степени нашел отражение в психолого-педагогических работах З.Ф. Абросимовой, Н.Е. Воробьева, З.Ф. Есаревой, Т.В. Ивановой, Г.М. Коджаспировой, А.Ю. Коджаспирова, Н.В. Кузьминой, В.Г. Максимова, А.И. Мищенко, П.И. Решетникова, В.К. Суханцевой, В.А. Сластёнина, Н.Е. Щурковой и др.

В этих работах педагогическая культура определяется так:

– «интегральное качество личности учителя, проектирующее его общую культуру в сферу профессии, синтез высокого профессионализма и внутренних свойств педагога, владение методикой преподавания, наличие культуротворческих способностей»³;

– «совокупность высокого уровня развития и совершенствования всех компонентов педагогической деятельности и такого же уровня развития и реализации сущностных сил педагога, его способностей и возможностей»⁴;

– «сложная социальная характеристика личности учителя, отражающая его педагогическую позицию»; «показатель уровня его духовного, нравственного, интеллектуального развития, его знаний, умений и навыков, высокого профессионализма, профессионально-значимых качеств личности, необходимых для успешного решения педагогических задач»⁵;

Второй тип включает определения, в которых педагогическая культура рассматривается применительно не к отдельному педагогу, а к человечеству в целом или к социальной группе, формирующей и осуществляющей педагогическую деятельность, – как подсистема общей культуры человечества с

³ Воробьев Н.Е. О педагогической культуре будущего учителя // Педагогика. 1992. № 1–2. С. 67.

⁴ Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь : для студентов высш. и ср. пед. учеб. заведений / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. М. : Академия, 2000. С.68.

⁵ Абросимова З.Ф. Педагогическая культура учителя // Наука и образование Зауралья. 1998. № 2 (3). С. 18.

определенными ценностями, идеями, доктринами, установками, формами и методами деятельности. Данный аспект нашел отражение в работах Е.В. Бондаревской, В.П. Беспалько, Л.А. Григорович, Т.Д. Марцинковской и др.

В этих работах педагогическая культура получает почти идентичные определения:

– «часть общечеловеческой культуры, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой педагогической деятельности, необходимые для обслуживания образовательно-воспитательных процессов»⁶;

– «часть общечеловеческой культуры, в которой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой деятельности, необходимые для социализации личности, осуществления образовательно-воспитательных процессов»⁷.

Наиболее полная характеристика педагогической культуры содержится в определении, данном Л.А. Григорович и Т.Д. Марцинковской: педагогическая культура – это «часть общей культуры, в которой в наибольшей степени отразились духовные и материальные ценности, а также способы творческой педагогической деятельности, необходимые человечеству для обслуживания исторического процесса смены поколений и социализации личности»⁸.

В исследовании исходим из определения педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья как части общей татаро-мусульманской культуры, объединяющей духовные и материальные ценности, нашедшие отражение в идеях и практике педагогической деятельности и сложившейся под воздействием общих условий жизни, геополитических обстоятельств, экономических и культурных связей.

---

⁶ Бондаревская Е.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: учеб. пособие / Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич. М., Ростов н /Д, 1999. С. 104.

⁷ Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М. : Педагогика, 1989. С. 70.

⁸ Григорович Л.А. Педагогика и психология : учеб. Пособие. М. : Гардарики, 2006. С. 86.

Мы согласны с мнением В.Л. Бенина, который в своей работе, посвященной практической актуальности изучения педагогической культуры, констатирует: «Педагогическая культура представляет собой требования, предъявляемые к деятельности по обучению и воспитанию, и выступает интегративной характеристикой педагогического процесса в единстве его объекта, субъекта, содержания, механизма, системы и целей. Она не исчерпывается профессиональной культурой педагога, ибо обучением и воспитанием в той или иной мере занимаются практически все члены общества»⁹. В работе В.Л. Бенина различаются три вида концепций в определении понятия «культура» – аксиологическая, этносоциологическая и духовная. Это дает нам основание для изучения педагогической культуры татар-мусульман в трех направлениях, акцентирующих внимание на 1) совокупности «материальных и духовных ценностей», 2) специфическом способе человеческой деятельности, 3) процессе «творческой самореализации сущностных сил личности»¹⁰.

По мнению сторонников аксиологической концепции изучения культуры, культуру возможно рассматривать как совокупность накопленных людьми материальных и духовных ценностей. Этот подход в определенной степени можно отнести и к педагогической культуре. С опорой на мнение А.Д. Швейцера, который придерживается аксиологической концепции («В наиболее общих чертах культура – это прогресс, материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ»¹¹), мы считаем целесообразным рассматривать педагогическую культуру как процесс, то есть последовательную смену состояний в развитии. Это позволяет выявить закономерности и определить специфику этапов эволюции педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. Исходя из определения

---

⁹ Бенин В.Л. Педагогическая культура: философско-социологический анализ. Уфа : Изд-во БГПИ, 1997. 160 с.

¹⁰ Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.Ф. Исаев. М. : Академия, 2002. С. 84.

¹¹ Швейцер А.Д. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993. С. 250.

А.Д. Швейцера, педагогическая культура охватывает исторический опыт человека и общества по социализации индивида, освоение уже накопленного культурного опыта. В то же время характер педагогической культуры во многом определяется целями и задачами общества и в русле этих задач направляет педагогическую деятельность. Таким образом, к основным чертам педагогической культуры можно отнести то, что она органически связана с культурой общества и с теми культуросообразными целями и задачами, которые стоят перед обществом на конкретном этапе его развития.

Ретроспективный анализ педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья позволил нам выделить предпосылки, противоречия и факторы, влиявшие на развитие образования и педагогической мысли в разные эпохи эволюции татаро-мусульманского общества, с позиции исторической преемственности и изменений мирового историко-педагогического процесса, а также определить место педагогической культуры в общей культуре татар-мусульман.

Возникновение и формирование педагогической культуры татар-мусульман: эпоха Волжской Булгарии. Начальный период становления татаро-мусульманской педагогической культуры уходит в историю Хазарского каганата – могущественного тюркского государства, находившегося в зените своего могущества в VII–IX вв. и исчезнувшего с исторической арены в конце X в. Ислам проникал в Хазарию также через общение местного населения с мусульманами савирами (они же сувары) – одним из наиболее многочисленных народов каганата, жившим в Среднем Поволжье и имевшим свое государство со столицей – городом Суваром. Известный арабский историк и географ Абу ал-Хасан ал-Масгуди (896–956), перс по происхождению, в труде «Мурудж аз-захаб ва му`адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов») пишет, что в хазарском государстве «есть мечети со школами, в которых дети обучаются

Корану»¹², что из семи казыев (судей) Хазарии двое являются мусульманами и они судят по шариату Корана.

Распространение ислама среди древних тюрков в конце VII в. отразилось и на образовании, которое развивалось как часть общей культуры. Как и в Восточной религиозной системе образования, преподавательская работа возлагалась на религиозно образованных наставников. При ханском дворце работали школы, религиозно образованные преподаватели считались большим авторитетом среди тюркских аристократов. И те, и другие не довольствовались тем, что можно получить образование только в своей стране. Считалось престижным получить образование и за границей. Например, то время было особенно почетно продолжить образование в Китае. В Сунне¹³ пророка существуют хадисы, которые гласят: «Ищите знание, даже если оно в Китае. Так как получение знаний является фардом для каждого мусульманина. И ангелы расстилают свои крылья под ноги ищущего знаний»¹⁴, «Приобретение знаний является обязанностью для каждого мусульманина!»¹⁵, «Поистине, ангелы окружают человека, который занят поисками знания, (касаясь друг друга) своими крыльями, а потом (поднимаются ввысь), возвышаясь друг над другом, пока не достигают нижнего неба от любви к тому, что он ищет...»¹⁶.

Исламское учение распространяется на территории современного Поволжья и Приуралья примерно до начала X века. К моменту официального принятия ислама Волжской Булгарией (до 922 г.) ее население уже практиковало эту религию: жители совершали намаз, была своя дворцовая мечеть, в которой имам

---

¹² Magoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861–1877. Т. I–IX (репринтное издание: Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар... Аби-л-Хусайн 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди... Каир, 1958. – Т. I–IV); Masudi. Murudj al-dhahab / Ed. and tr. Ch. Pella. Beirut, 1966-1989. Т. 1–2.

¹³ Сунна (араб. سنة – «обычай; пример») – мусульманское священное предание, излагающее примеры жизни пророка Мухаммеда как образец и руководство для всей мусульманской общины (уммы) и каждого мусульманина. Сунна является вторым после Корана источником мусульманской доктрины, тесно связана с ним, объясняет и дополняет его.

¹⁴ Джамииус-Сагыр. Как понимать хадис «Ищите знание...?» : 1/310 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberpedia.su/25xd625.html> (дата обращения: 13.10.2021).

¹⁵ Мухаммад Насиру-д-дина аль-Албани. «Сахих ат-Таргъиб ва-т-тархиб» 72.

¹⁶ Мухаммад Насиру-д-дина аль-Албани. «Сахих ат-Таргъиб ва-т-тархиб» 71.

перед намазом провозглашал хутбу¹⁷ в честь правителя. Ахмед Ибн Фадлан¹⁸ – секретарь арабской делегации отмечает достаточно зрелую мусульманскую учтивость правителя и его окружения, знание ими мусульманских обычаев, в сознании и культовых обрядах болгарского общества того времени уже доминируют исламские приоритеты¹⁹.

Арабский историк и географ X в. Абу Гали Ибн Даста (Русте) в труде «Ал-галяк ан-нафиса» («Книге драгоценных сокровищ»), датированном 903–912 гг., писал следующие сведения о болгарях: «Правитель и большая часть населения страны их исповедует ислам, и даже есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»²⁰. То, что болгарам арабское письмо было известно еще в VIII–IX вв., подтверждается находками на территории Татарстана монет Волжской Булгарии, отчеканенных арабскими буквами еще до принятия ислама. При этом исследователями отмечается высокое искусство резчиков монет, «обладающих великолепным почерком особого стиля»²¹. Арабские письмена на благородном металле (серебро) и обработанной кости, относящиеся к раннебулгарскому времени и датируемые рубежом IX–X вв., надписи на ювелирных изделиях, многочисленные эпиграфические памятники, орнаментальное письмо на соборной мечети города Булгара и др. говорят, что в Волжской Булгарии была широко развита письменность на основе арабской графики, которая вытеснила бытовавшую у болгар еще в VIII–IX вв. руническую письменность. В древности болгары для письма использовали восковые таблички, бересту (о чем свидетельствует сохранившаяся с древних времен татарская поговорка «Тузга язмаганны сөйләмә» (Не говори того, что не

---

¹⁷ Хутба – молитва, речь, выступление или проповедь, совершаемые имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети по праздникам или в особых случаях.

¹⁸ Ахмад ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид аль-Багдади – арабский путешественник и писатель 1-й половины X в., лично побывавший в Восточной Европе и посетивший 921–922 гг. в качестве секретаря посольства аббасидского халифа аль-Муктадира Волжскую Булгарию.

¹⁹ Ибн-Фадлан А. Путешествие Ибн-Фадлана на М.– Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 34.

²⁰ Хвольсон Д.А. Известия о Хозьрах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу -Али Ахмеда бен Омар ибн Даста. СПб., 1869. С. 5.

²¹ Шарафутдинов З.Т. Педагогическое пространство татарского народа. Монография. Казань: Изд-во КГПУ, 2000. 180 с.

написано на бересте). Писали костяной, потом тростниковой палочкой (тростью). Позднее в широкое употребление проникает привезенная из Средней Азии бумага.

Формирование педагогической культуры, как и других сфер жизни экономики, торговли, права, дипломатии, было ускорено тем, что «переход осуществлялся не административными методами, а протекал как естественно-исторический процесс “выхода” болгарской культуры на уровень развитой письменной культуры»²².

Ислам обладал более развитой, чем язычество, философской и литературной традицией, и поэтому усвоение его интеллектуального и духовного богатства требовало высокого уровня письменной культуры, немыслимого без широкой системы образования, которая, согласно косвенным свидетельствам, начала складываться у болгар практически одновременно с распространением ислама. В первые столетия ислама центрами мусульманской учёности были мечети. В этих ранних домах Аллаха находили приют и душевное успокоение простой ремесленный люд и знатные эмиры, ученые, поэты, мастера и рядовые воины. В мечети собирались и оттачивали высокое искусство диспута имамы и теологи, знатоки ислама факихи (богословы-законоведы), мударрисы (учителя-наставники) и кази (судьи), мухаддисы (хадисоведы) и рави (сказители-летописцы). Здесь трудились над сокровенным словом переписчики. Будучи поначалу своеобразными просветительскими центрами, мечети постепенно вырастали в очаги духовного преобразования. При них стали возникать особые типы зданий, отвечавшие задачам и потребностям духовного образования и научной деятельности мусульман, – медресе, или мадраса, что по-арабски буквально означает «место, где учатся». В первую очередь в них шло обучение арабской азбуке и Корану.

---

²² Тагиров Э.Р. Татары в оптике Большой истории человечества: миротворческий аспект. Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. С. 173.

Много внимания и времени уделялось изучению арабского языка и арабской литературы. Овладение арабским языком для «неарабоязычных» мусульман очень сложно, большинство учащихся лишь заучивало его, не понимая смысла фраз. Это можно объяснить тем, что арабский язык по лексическому составу и грамматическому строю далек от языка тюрки, он не был связан с повседневной жизнью²³. Тем не менее некоторые исследователи отмечали, что учащиеся готовятся «весьма последовательно и даже, по-видимому, рационально, начиная с изучения вещества своих священных книг, то есть с грамматики арабского языка, и переходя постепенно к изучению строения речи и различных способов выражения мысли на этом языке»²⁴.

В распространении грамотности среди широких слоев болгарского населения было заинтересовано прежде всего мусульманское духовенство, ибо умение читать и писать по-арабски давало возможность непосредственно познакомиться с Кораном, религиозными книгами, осваивать дидактическую литературу, направленную главным образом против языческих традиций. Для этого в каждой деревне были либо медресе, либо начальная школа – мектеб, в которой учили читать и писать.

Мектебы как начальная школа существовали при каждой мечети и содержались в основном на средства населения. Обучение в мектебе было платное, однако оплата за учебу представляла собой приношения мугаллиму (учителю) в виде еды и даже полена для топки печи. В сельских школах эти подарки были единственным вознаграждением за труд учителя, а в больших богатых школах вообще не принято было приносить подарки.

---

²³ Доклад А.И. Емельянова о татарских сочинениях по обучению грамоте, объяснительному чтению, русскому языку и отечественной истории. Инородческое обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за март и июнь 1916 года. Том II. № 2 и 3. Казань : Центральная Типография, 1916. С. 234.

²⁴ Марков Е.Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников директором Таврических училищ Марковым. // Сб. документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1869. С. 110.

Мальчиков в возрасте 7–8 лет отдавали в мектебы, где они обычно учились в течение 5–6 лет – сроки обучения точно не определялись. Получив начальное образование, ученик мог продолжить учебу в медресе. По количеству их было меньше, чем мектебов, медресе считались школой высшего типа. Несмотря на то что обучение в медресе было бесплатным, продолжить обучение в медресе могли, главным образом, дети из состоятельных семей, так как далеко не все родители могли выдержать расходы, связанные с учебой детей в школе вдали от родного селения. Медресе открывались в городах и в тех деревнях, где были богатые люди, способные содержать медресе, а также мугаллимы, мударрисы²⁵, галимы (ученые) или казый²⁶ с хорошим образованием, способные организовать учебное заведение высшего типа.

Описывая процесс обучения в медресе, Д. Валиди отмечает: «В каждом медресе имелось по несколько хальф, каждый из которых имел своих учеников, принадлежащих только ему. <...> Хальфа давал уроки следующим образом: приглашал к себе в определенное время всех учеников одной ступени, сначала спрашивал он прежние уроки. <...> Потом начиналось преподавание нового урока, и тогда уже должны были присутствовать и ученики старших их ступеней, с целью повторения своих предшествующих уроков или в силу их обязанности помогать своим младшим товарищам в заучивании уроков»²⁷.

Процесс распространения элементарной грамотности шел параллельно с процессом исламизации болгарского общества. Со временем грамотность получает широкое распространение среди населения. В результате единая графика и общепонятное письмо способствовали накоплению культурного опыта, формированию государственного и литературно-художественного языка.

---

²⁵ Мударрис (араб. مُدرِّس «преподаватель») – факих, преподаватель медресе, знаток методики юриспруденции и этико-правовых норм ислама.

²⁶ Кады (араб. قاضي «судья»), кази, казый – мусульманский судья-чиновник, назначаемый правителем и вершащий правосудие на основе шариата.

²⁷ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) / Москва; Петроград, 1923. С. 38.

Формированию татаро-мусульманской педагогической культуры способствовала обеспеченность доступа к достижениям исламской цивилизации – развивавшимся в эпоху Средневековья в арабском мире научным знаниям в области математики, астрономии, медицины, географии, текстам, заимствованным из античности и древности, которые широко осваивались в Волжской Булгарии. Аксиологическое насыщение педагогической культуры татар-мусульман стало возможным благодаря знакомству с Кораном и Сунной, трудами мусульманских теологов, философов, ученых, поэтов. Впоследствии создание собственных центров просвещения на территории Волжской Булгарии стимулировало получения населением образования, а также пробуждало интерес к науке.

В Волжскую Булгарию приезжают преподавать выдающиеся ученые из разных уголков мусульманского мира. «Арабо-персидские авторы X–XIII вв. отмечают, что в столице страны были крупные высшие мусульманские учебные заведения, в которых даже учились приезжие из Багдада и Ирана»²⁸.

Историко-педагогическая наука не располагает подробными сведениями о программе, формах обучения, о предметах, входивших в программу болгарских медресе. Очевидно, они не отличались кардинальным образом от подобных же учебных центров в мусульманских государствах, но исторические данные говорят, что в это время создаются первые учебные пособия «Бэдэвам» («Всегда»), «Насыхат эсслихин» («Наставление на добрые дела») и др. Исследования показывают, что учебно-образовательный процесс был поставлен на высоком уровне, о чем свидетельствует появление собственных учёных в области медицины, астрономии, истории, богословия и т. д. «История сохранила имена болгарских учёных-историков Якуба Ибн Ногмана, который жил в XII в. в городе Биляр, Бурхан-эд-дина Ибрагима Ибн Юсуфа Булгари, жившего в

---

²⁸ Халиков А.Х. Волжская Булгария XII–XIII вв. и особенности формирования общеполгарской народности // Поэт-гуманист Кул-Гали. Казань, 1987. С. 96.

городе Булгаре. Они были первыми создателями оригинальной учебной литературы»²⁹.

Сами же болгары отправлялись получать знания у знаменитых мусульманских ученых, которые преподавали в центрах науки, религии, культуры и образования Бухары, Самарканда, Нишапура, Балха, Багдада, Мерва и др. Они с невероятными трудностями преодолевали тысячи километров для того, чтобы получить знания «из первых уст», непосредственно в авторитетных учебных центрах стран Ближнего и Среднего Востока.

В болгарском обществе находят свое продолжение научные и литературные традиции мусульманского мира. Первые книги имели преимущественно религиозный характер и являлись списками привозных сочинений, среди которых главным был Коран. На арабском языке создавали свои произведения «автор сочинений “Ал-Джами”, “Ат-Тарика”, “Ал-Фаваид” – преподаватель султана Махмуда б. Сабуктегина Газнави (967–1030) факих Ахмад Булгари; автор “Истории Булгар”, последователь Абу-л-Ма`али ал-Джувайни времен Низам ал-Мулка, историк Я`куб б. Ну`ман (1028–1086); Абу-л-Ала Хамид б. Идрис Булгари (Сувари или Саксини) (1106-е гг.)»³⁰.

Одним из памятников татаро-мусульманской письменности и литературы является поэма Кол Гали (Мухаммадхаджи Гали ибне Мирхуджа) (1183 – середина XIII в.) «Кыйссаи Йосуф». Исследователи Р.Г. Фахрутдинов, Н.Э. Нажиб, М.А. Усманов определяют, что поэма написана на кыпчакском языке под влиянием языков огузской языковой группы и что она «была популярна прежде всего у казанских татар»³¹. Важная роль поэмы Кол Гали в педагогической культуре Волжской Булгарии обусловлена тем, что она была популярна в народе на протяжении очень большого периода времени. Не случайно татарские

---

²⁹ Мухаметшин А.Г. Становление и развитие педагогической мысли в казанском крае VIII – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 403 с.

³⁰ Ал-Марджани Шихаб ад-дин (Шиһабетдин Мәржани). Мустафад алахбар фи-ахвал Казан ва-Булгар. Казань : Типография Б.Л. Домбровского, 1897. Т. 1. Б. 378–379, 381, 383.

³¹ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 97.

солдаты, уходя на войну или на заработки в чужие края, в качестве амулета брали с собой книгу «Йосуф-Зулейха» (это произведение оформлялось по-разному: выходило маленькой книжечкой, большой книгой в дорогом переплете и т. д).

На заре формирования педагогической культуры в период Волжской Булгарии образование в Булгарском государстве состояло из следующих аспектов: воспитание в семье, духовное и светское обучение в начальных школах, мектебе, медресе. Причем эта педагогическая культура включала в себя следующие компоненты: а) духовное обучение, которое предполагало подготовку религиозных деятелей – имамов, мул, муадзинов, суфиев, кадиев; б) светское обучение, нацеленное на подготовку послов, астрологов, врачей, фармацевтов, языковедов, купцов.

Историко-педагогическими предпосылками возникновения и формирования педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья стали проникновение на территорию Волжской Булгарии (VIII–XIII вв.) религии ислама, с ее развитой письменной культурой, предписывающей своим последователям стремиться к приобретению знаний; обеспеченность доступа к достижениям исламской цивилизации. Мусульманская система образования стала важнейшей частью государственной политики; получение знаний признавалось богоугодным делом для каждого мусульманина независимо от сословия и социального происхождения.

Становление татаро-мусульманской педагогической культуры: эпоха Золотой Орды («Улус Джучи»). Созданное в середине XIII в. (точнее, в 1242 г.) государство просуществовало два столетия, занимая большие территории от низовьев Дуная до Иртыша, от Северного Урала до Каспийского, Черного и Аральского морей. Такой цивилизации с политико-общественными институтами, географическими условиями в геополитическом мире не было до него никогда. «Этот важнейший исторический фактор усиливается еще и тем, что основным, государствообразующим, государстодержащим народом

Золотой Орды был тюркоязычный татаро-кыпчакский суперэтнос с единым государственным, разговорным и литературным языком»³².

Одним из факторов, способствовавших созданию мировой империи, которая доселе не знала аналога, стало культивирование знаний, просвещения и развитие разных способов передачи информации на бескрайних просторах среди кочевого населения. С развитием торгово-коммерческой сферы связано, как пишут Э.Д. Зиливинская и Д.В. Васильев, главное цивилизационное достижение Золотой Орды – расцвет городской культуры: «...столица Волжской Булгарии – город Биляр – приходит в упадок, зато возвышается и становится столичным центром Булгар. В золотоордынский период Булгар достигает такого расцвета, который был невозможен ранее»³³.

Большое внимание уделяется грамотности и письменной культуре горожан. Многочисленные источники, относящиеся к периоду «Золотой Орды», свидетельствуют о наличии довольно широкой и структурированной системы образования. Кроме начальных мектебе в столице и крупных городах действуют большие медресе. Они являются самыми крупными очагами науки и образования, а также культурными центрами. Естественно, что в рассматриваемый период образование находится в тесной связи не только с наукой, но и с религией. Строительство мечетей и медресе считается среди высших должностных лиц городов и регионов (ханов) делом, достойным уважения. Самые знаменитые учебные заведения находятся в городах Сарае, Хорезме, Булгаре, Астрахани, а также в Крыму.

Об организации учебного пространства в сельских медресе Д. Валидов пишет так: «Вдоль трех стен медресе протягивались занавески, и образованное ими пространство разделялось на маленькие комнатки, по одному окну в каждой. Перед занавесками оставалось довольно просторное место, называвшееся

---

³² Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 109.

³³ Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории: колл. моногр. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 634.

«“джамагат секесе” (“общая скамейка”); оно служило и залом, и коридором, и классом. Во время лекции все занавеси поднимались, и шакирды размещались, образуя полукруг перед мударрисом»³⁴.

Организация учебно-воспитательного процесса в медресе не была устроена как постоянная система в пределах учебного года для группы учащихся, обучающихся по единой учебной программе. Не существовало распределения по классам, не было определенных сроков обучения. «Учащиеся живут и учатся в медресе до тех пор, пока учитель или сами они не сочтут себя достаточно усвоившими курс мусульманских наук, десять или более лет»³⁵. Полный курс обучения был разбит на 10 ступеней с различным уровнем сложности. Каждая ступень имела свое название, совпадавшее с названием той книги, которая служила неизменным учебником данной ступени. Шакирдов (обучающихся) также именовали по названию ступени. Например, шакирда самой младшей ступени называли тафир-ханом, а самой высшей ступени – мулла-джелал-ханом. И надо отметить, что посещение уроков было свободным.

Экзаменов при переходе в старший класс не существовало: окончив изучение известной книги и переходя к следующей, учащиеся тем самым становились учениками высшего класса. Наиболее способному шакирду мударрис в устной или письменной форме передавал право преподавания определенной книги (иджаза). Такая форма подготовки кадров была очень популярной и логичной. Шакирд, ставший теперь хальфа, под руководством своего наставника начинал преподавать. Определенных сроков для пребывания в том или в другом классе не существовало, фактически пребывание в каждом из трех классов продолжалось в среднем от 3 до 4 лет, все зависело от личных способностей и устремлений самого обучаемого: иногда ленивый шакирд мог сидеть в одном классе от 8 до 10 лет. Не доучившись в одном медресе, шакирды

---

³⁴ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). Москва; Петроград : Гос. изд-во, 1923. С. 11.

³⁵ РГИА. Ф. 821, Оп. 150. Д. 420. Л. 13.

могли перейти в другое, к более авторитетному мугаллиму, где обучались уже по иным книгам. Такая конкуренция среди преподавателей медресе имела побудительный мотив для саморазвития учителей, развивала индивидуальный подход к шакирдам на основе учета их индивидуальных особенностей, улучшала качество образования, а ученикам давала возможность переходить к более известному или знающему преподавателю, и они пользовались этим правом.

В системе образования этого периода начинают преобладать взаимоотношения «устаз-шакирд» («учитель-ученик»). Считалось большой честью получить знания у прославленного (именитого) учителя. Уровень образованности человека определяется именем его учителя. Ученики упоминают своих преподавателей с уважением и почтением, возвеличивая их.

Говоря о формировании и становлении педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, хотелось бы остановиться еще на одной важной характеристике государства Золотая Орда. Уже в XIV в. господствующим литературным языком в Золотой Орде стал не монгольский, а тюркский, включавший в себя значительное количество половецких³⁶ и огузских³⁷ лексических единиц. Велика была также доля арабских и персидских заимствований. Тюркский язык ордынского периода отличался от древнетюркского языка тем, что в нем широко использовались различные диалекты и усиливалась кыпчакская составляющая. Результаты такой эволюции языка отражены в латино-половецком словаре *Codex Cumanicus* («Кодекс куманикус» – кыпчакско-латинско-персидский словарь), хранящемся в настоящее время в библиотеке Святого Марка в Венеции.

---

³⁶ Половецкий язык (кыпчако-половецкий, западно-кыпчакский, куманский) – язык половцев (куманов, западных кыпчаков), живших в степи между Дунаем и Волгой в XI–XIV вв. Относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Из современных языков наиболее близкими к половецкому считаются крымско-татарский, караимский, крымчакский, карачаево-балкарский, кумыкский.

³⁷ Огузский язык – ныне мертвый язык огузов. Относится к тюркским языкам. Был распространен в регионах Приаралье, северном Прикаспии, в низовьях Сырдарьи. В X–XI вв. являлся языком общения в Огузском Государстве; позже лег в основу турецкого, азербайджанского, туркменского, гагаузского и некоторых других языков.

Кыпчакский язык, на котором написан «Кодекс», «очень близок к современному татарскому языку, во многих случаях тождественен с этим языком»³⁸. Результаты конвергенции разных языков и, соответственно, языковых культур сохранились в официальных грамотах ханов – например, в ярлыках Тохтамыша 1382 и 1393 гг. Именно этот язык сохранился в таких литературных памятниках, как «Мухаббат-наме» и «Гулистан».

Гигантская информация, заключенная в художественной литературе и поэзии рассматриваемого исторического периода, в которой отражены способы воспитания подрастающего поколения, взаимоотношения членов семьи между собой, отношения к власти, к окружающей среде позволяет проследить развитие педагогической культуры эпохи.

С целью нравственно-этического воспитания в медресе и мектебе большой популярностью пользовались шедевры средневековой татарской поэзии как «Гулистан («Гулистан бит-тюрки» – «Гулистан Тюркский») Саифа Сарай (1391 г.), «Хосров и Ширин» Котба (1342 г.), Махаббат-намэ» (Книга любви) Хорезми (1353 г.), «Джумджума-султан» Хисама Кятиба (1369 г.), поэтико-прозаические сочинение «Кисас ал-анбия» («Книга пророков») Рабгузи (1311 г.), проза «Надж ал-Фарадис» («Светлый путь рая») Махмуда ибн-Гали ас-Сарай ал-Кардари ал-Булгари, ряд других произведений»³⁹.

Правители Улус Джучи прикладывали огромные усилия для развития образования, ремесел и торговли. Например, «в период правления Берке хана, в пределах своего государства он построил многочисленные мечети и школы, болгары-мусульмане часто осуществляли хадж-паломничество в священные города Мекку и Медину»⁴⁰, тем самым не только подключаясь к

---

³⁸ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа : монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 73.

³⁹ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография / Р.Г. Фахрутдинов, Р.Р. Фахрутдинов. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 96.

⁴⁰ Абдулхаков Р.Р. Краткая характеристика литературы периода Золотой Орды // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 253–255. URL: <https://moluch.ru/archive/46/5568/> (дата обращения: 29.02.2020).

фундаментальным мировоззренческим основам ислама того периода, но и к культуре быта других народов, в том числе арабов.

Центром духовной и педагогической культуры Золотой Орды была его столица – город Сарай. Там преподавали и творили выдающиеся ученые мусульманского Востока: Кутбаддин ар-Рази, Камаладдин Худжанди, Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди; знаменитый имам и знатный факих Ибн Баззази (начало XIV в.), создавший произведение «Ал-Фатави ал-Баззази» («Изречения ал-Баззази»), высоко оцененное современниками, и многие другие. Тафтазани в дар хану Джанибеку в Гулистане в 1357 г. пишет свой знаменитый труд «Талвих `ала Тавдих» («Разъяснения») ⁴¹.

Важными элементами педагогической культуры золотоордынского периода являются художественные стихотворные, прозаические и смешанные сочинения в жанрах повестей, стихотворных романов, поэм, басен – газели, касыды, рубаи и др. (оригинальные произведения и их переводы), а также нехудожественные тексты – ярлыки, битики, эпитафийные надписи, словари, научные трактаты и др. Одним из важнейших учебных материалов периода Золотой Орды был «Кыйссас аль-анбия» («Сказание о пророках») (1311), автором которого является Насреддин Бурханеддин углы Рабгузи. Это сочинение с несколькими вложенными в него образцами поэтических текстов (касыда, газель, рубаи) написано на основе образов и сюжетов Корана, а также других духовных источников. Оно состоит из 72 сказаний («кыйсса»), в которых повествуется о деяниях и поступках пророков.

Светское произведение романтического содержания – выполненное Котбом (1297 – сер. XIV в.) переложение на татарский язык эпической поэмы «Хосров и Ширин» (1342) персидского поэта Низами – затрагивает проблемы,

---

⁴¹ Татар әдәбияты тарихы сигез томда [Текст] = История татарской литературы в восьми томах / Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, Галимжан Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты; төз. Р.Ф. Рахмани Борынгы чор һәм урта гасырлар. Т. 1. Казан : Татар китап нәш-ты, 2014. С. 164.

связанные с наследственной передачей трона, и прославляет высокую нравственность властелина страны.

«Мухаббат-наме» («Послания о любви») (1353) Хорезми (Абдулрахим Хафиз Хорезми, XIV в.) – образец тюркской поэзии XIV в., созданный на территории Золотой Орды. Этот памятник письменной культуры, состоящий из 11 писем возлюбленного, отражает становление жанра «наме» в тюркоязычной литературе Средней Азии. Произведение, начинающееся восхвалением Всевышнего, пророка и его сподвижников, воспекает справедливого правителя, разумного властелина.

Оригинальное высокохудожественное поэтическое сочинение «Джумджума султан» (770 / 1369), написанное Хисамом Кятиби, начинается с философского размышления – монолога об ограниченной продолжительности человеческой жизни. Так, справедливый правитель Джумджум, обладающий щедростью, внимательностью, чуткостью, ученостью, добротой, красотой, отвагой, как и все остальные живые существа, рано или поздно обречен на гибель.

Изложенное на болгаротатарском языке в 1358 г. крупное прозаическое произведение «Нахдж ал-Фарадис» («Светлый путь рая») Махмуда ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кэрдари (Курдари-Курди) стало памятником болгаротатарской литературы Поволжья XIV в. Широко распространенное в среде татарского народа, оно стало средством просвещения, обучения и нравственного воспитания татар-мусульман. Педагогические идеи данного произведения – добывание хлеба честным трудом, проявление щедрости и благодеяния, уважительное и сочувственное отношение к простым, обиженным людям. «Нахдж ал-Фарадис» утверждает: «Получение знаний – фард (основная обязанность) для каждого мужчины и каждой женщины»; «Знайте же, дети мои, получение знаний не означает только выучивание истории, легенд и хадисов. Это

знание является светом Всевышнего, которым он благодетельствует того, кого пожелает»⁴².

В творчестве Махмуда Булгари тесно переплетаются религиозные и светские мотивы, оно насыщено гуманистическими идеями, и этим объясняется его активное бытование в рукописном наследии татарского народа в течение веков. В татарских медресе произведение Булгари было хрестоматийным для шакирдов, которые любовно переписывали его.

Педагогическая культура татар-мусульман в эпоху Золотой Орды акцентировала внимание на формировании высокой нравственности и приобретении обширных познаний с помощью разума, которым Всевышний наградил человека, а также опиралась на мысль, что жить и трудиться следует на благо людей, чтобы тобой был доволен Всевышний и чтобы оставить после себя доброе имя.

Становлению педагогической культуры в эпоху Золотой Орды (середина XIII – XIV в.) способствовало то обстоятельство, что культивирование знаний, просвещение и развитие разных способов передачи информации на бескрайних просторах среди кочевого населения воспринимались как важное условие для создания империи и управления ею.

Развитие педагогической культуры татар-мусульман в эпоху Казанского ханства. В начале XV в. на территориях в прошлом обширного и мощного Булгарского государства возникло самостоятельное ханство, получившее название Казанского (1437–1552). Как обычно бывает в истории становления новых государств, Казанское ханство стало преемником не только материального, но и духовного наследия Волжской Булгарии (в составе Золотой Орды), включая, конечно же, педагогическую культуру и традиции организации педагогической деятельности. Как отмечает И.Р. Тагиров, «не приходится сомневаться в том, что, с одной стороны, оно [Казанское ханство. – Т. Х.]

---

⁴² Булгари М. Нәһжел-фәрадис: Төз. Ф. Нуриева. Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. Б. 159.

являлось осколком Золотой Орды и во многом было ее продолжением, а с другой стороны – продолжением Булгарского государства»⁴³.

Татарский этнокультурный элемент доминировал в государстве, а духовной скрепляющей основой нового государства стал ислам. В Казанском ханстве все стороны жизни регулировались прежде всего мусульманской идеологией, мировосприятием, системой ценностей, а также нормами и правилами поведения – шариатом, который стал законодательной основой для судопроизводства феодальной формации. Поэтому «в регулировании общественных и частных отношений значительным авторитетом пользовались судьи (кадии), которые по характеру своей деятельности были знатоками мусульманского права»⁴⁴.

По мнению исследователей, «возвышению Казанского ханства способствовали внутрисистемные резервы и ресурсы, новая геополитическая и геоэкономическая ситуация, благоприятные внешнеполитические реалии»⁴⁵, «грамотность была распространена не только среди верхушки общества и духовенства, но и среди населения»⁴⁶.

Важнейшим социокультурным фактором, который способствовал формированию педагогической культуры Казанского ханства, была городская культура, расцвет которой пришелся на рассматриваемый период. Возникают и растут города Арск, Лаишев, Алатырь, Елабуга, Тетюши, Малмыж и др. Все шире распространяется символ идентификации – этноним «татары».

Мусульманские традиции, характерные для архитектуры и искусства, в рассматриваемый период эволюционируют в сторону светскости. «Казань

---

⁴³ Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008, 2008. С. 108.

⁴⁴ Тагиров Э.Р. Татары в оптике Большой истории человечества: миротворческий аспект. Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. С. 205.

⁴⁵ Тагиров Э.Р. Татары в оптике Большой истории человечества: миротворческий аспект. Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. С. 207.

⁴⁶ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография / Р.Г. Фахрутдинов, Р.Р.Фахрутдинов. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 128.

становится центром мусульманской культуры Поволжья, пережив в XV–XVI вв. период наивысшего расцвета»⁴⁷.

Следующий социально-культурный фактор, оказавший влияние как на повышение образовательного уровня населения Казанского ханства, так и на его тягу к мирному сосуществованию с иноплеменниками и иноверцами, – оседлость населения. Исследователи отмечают: «Оседлый образ жизни населения Среднего Поволжья (в отличие от преимущественного кочевого населения Золотой Орды) оказал решающее влияние на все стороны жизнедеятельности этносов, проживающих в крае. <...> ...Что не менее важно, стимулировал появление общего для различных тюркских племен языка межплеменного (межэтнического) общения»⁴⁸.

Наиболее распространенным языком межэтнической коммуникации стал татарский (тюркский) язык, в основе которого лежал так называемый старотатарский. «Именно на его основе осуществлялось делопроизводство, дипломатическая переписка и литературное творчество, а это, в свою очередь, стимулировало появление общего для всех тюркских этносов ханства литературного языка, который стал основой изложения литературы педагогической направленности»⁴⁹.

Отсутствие крепостничества в Казанском ханстве и личная независимость крестьян-хлеборобов не могли не способствовать интенсивному росту экономики, развитию ремёсел, городов, сёл, внутренней и внешней торговли в государстве, что, несомненно, приводило местное население к обогащению научными знаниями и стимулировало открытие новых школ, мектебе и медресе

---

⁴⁷ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство Казанского ханства: раритеты и методика их изучения // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. С. 269.

⁴⁸ Оганесян С.С., Хаади Т.А. Фактор формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности в системе образования казанского ханства XV–XVI вв. // Отечественная и зарубежная педагогика, 2020. Т. 1. № 5 (71). С. 158–166.

⁴⁹ Оганесян С.С., Хаади Т.А. Фактор формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности в системе образования казанского ханства XV–XVI вв. // Отечественная и зарубежная педагогика, 2020. Т. 1. № 5 (71). С. 164.

не только в городах ханства, но и, что не менее важно, также в селениях, деревнях.

Установление же торговых отношений с регионами России, с Арменией, Персией, Ногайским княжеством и Туркестаном способствовало интенсивному и широкому товарообмену и развитию знаний в самых различных областях человеческой деятельности, а также проникновению в педагогическую культуру не только передовых идей зарубежных педагогов, но и учебной, научной и художественной литературы. Вслед за Волжской Булгарией в Казанском ханстве широкое распространение получила письменность на арабской графике, и она стала основой грамоты в Золотой Орде. С.М. Червонная, характеризуя культуру Казанского ханства, отмечает, что, письменная культура региона в этот период развивалась «в лоне ислама ... <...> при всё более возрастающем значении в нём светского, реалистического и человеческого»⁵⁰.

Педагогическая культура Казанского ханства, являясь частью общей культуры мусульманского мира, базировалась преимущественно на исламском мироощущении, умонастроении, традициях исламской культуры в целом и искусства в частности. Характерные особенности самобытной культуры Казанского ханства в полной мере проявились как в прозаических и поэтических произведениях целого созвездия поэтов и писателей татар-мусульман того периода, так в искусстве, ремеслах, архитектуре, в творчестве ювелиров и т. п. «В Казани, на казанской земле зачитывались великими поэтами Востока, творениями предшествующей татарской литературы от Баласагуни до Саифа Сарай... Появились новые поэты: Мухаммед-Эмин (он же хан), Мухаммадьяр, Умми Камал, Максуди, Кул Шариф...»⁵¹.

Так, в период правления хана Мухаммед-Эмина (конец XV – начало XVI в.), который сам писал стихи и был автором крупного произведения о пророке

---

⁵⁰ Червонная С.М. Искусство Татарии. М. : «Искусство», 1987. С. 137.

⁵¹ Червонная С.М. Искусство Татарии. М. : «Искусство», 1987. С. 128.

Мухаммаде под названием «Книга чудес»⁵², политика государственного покровительства просвещению, искусству и культуре в целом достигает своего расцвета и приводит к поощрению грамотности населения, которое стремится получить достойное образование. А это в свою очередь закономерно ведет к значительному расширению сети учебных заведений – медресе.

В ханстве существовала развитая литературная жизнь, сильно пропитанная идеями суфизма. Из поэтов и писателей XVI в. наиболее известны Мухаммедьяр, Кол Шариф, Касим шейх, Эмми Камал, Гариф-бек, Мухаммед Шариф и др.

Самым известным литератором и мыслителем-педагогом этого периода является Махмуд Хаджи оглы Мухамедьяр (1496/97–1552), создавший такие крупные поэтические произведения, как «Тухвай мардан» («Дар мужей») (1539–1540), «Нуры содур» («Свет сердец») (1542), а также отдельные стихотворения («Насихэт»). Аксиологический анализ творчества Мухамедьяра позволяет утверждать, что оно имеет прежде всего назидательно-педагогическую направленность и носит ярко выраженный дидактический характер, воплощая в себе идеалы нравственности и добродетели, гуманизма, мечты о свободе и мире.

Опираясь на поэтические свидетельства Мухамедьяра и легенд о ханском книгохранилище периода царицы Сююмбике, можно говорить о существовании в Казани в XVI в. местной разновидности широко распространенной на Востоке китабхане – «одновременно библиотеки и мастерской книжного искусства, где работали каллиграфы-переписчики, ученые, поэты»⁵³.

Татарское рукописное книжное дело как компонент педагогической культуры было составной частью общей художественной культуры мусульманского мира. Каллиграфия как одна из областей педагогической деятельности татар-мусульман, тесно связанная с духовной культурой, во всем

---

⁵² «Книга Чудес» – сборник рассказов, написанных в стихотворной форме (завершен в 1515, впервые опубликован в 1848); в ней Мухаммад-Эмин воспекает дух свободы при условии подчинения воле Всевышнего, рассматривает некоторые философские проблемы.

⁵³ Червоная С.М. Искусство Татарии. М. : «Искусство», 1987. С. 157.

своем великолепии предстает в форме декоративного оформления рукописных книг и настенных панно-шамаилей.

Шедевром литературного творчества периода Казанского ханства можно назвать послание последнего верховного сеида ханства Кол Шарифа турецкому султану Сулейману Кануни – «Зафер-наме-и вилаяте Казан» (1550)⁵⁴, в котором проповедуются идеи мира, добра и созидания.

В Казани издавалась и духовная литература. В 1507 г. здесь был подготовлен тафсир (толкование) Корана на тюрко-татарском языке, в 1552 г. переведен и составлен сборник хадисов пророка Мухаммада.

Кроме того, в этот период сохранялись и активно читались такие известные произведения более ранней эпохи, как «Кисекбаш», «Бадавам», «Насихатэс-салихин», «Дастан Бабахан» и др. В народной среде были распространены многочисленные баиты, которые являлись лиро-эпическим родом татарской и башкирской поэзии («Соембикэ бэете», «Шацгали бэете», «Хан кызы бэете», «Ханэкэ солтан бэете», «Казан алынган бэете»). Бытовали и дастаны, которые относились к эпическому роду литературы («Идегей», «Алпамша», «Амет»).

В области просвещения важную миссию выполняли священнослужители. Именно на них было возложено функции образования и просвещения населения. Грамотность считалась обязательной для духовного сословия, членов правительской администрации, светских феодалов, купцов. В книге татарского историка Хисамутдина Муслими «Таварихе Булгария» («История Булгар»), относящейся середине XVI в., приводится внушительный перечень поселений ханства с действовавшими в тот период учебными заведениями (мектебе и медресе), которые возглавлялись известными всей стране священнослужителями-учителями⁵⁵.

⁵⁴ Зафер-наме и вилает-и Казан // Эхо веков. 1995. № 1.

⁵⁵ Мөслими. Тәварихы Болгария // Миранстан биш сәхифә : XVII-XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкәрләре. Казан : КГПИ, 2011. Б. 128–190.

Первоначальное образование дети Казанского ханства получали в мектебе. Окончив их, учащиеся могли продолжить учебу в средних и высших учебных заведения – медресе. Медресе, как и мектебе, организовывались при мечети и находились под руководством муллы. Однако медресе как высшее учебное заведение функционировали только в тех поселениях Казанского ханства, где были богатые меценаты, покровительствовавшие наукам и образованию. Для работы в них, как правило, приглашались не только муллы, но и именитые ученые, получившие образование за границей.

Основной тенденцией развития педагогической культуры в Поволжье и Приуралье в XIV – первой половине XVI в. выступает развитие научного содержания, форм, методологии и приёмов обучения и воспитания детей в Казанском ханстве. Данная тенденция конкретизируется в следующих положениях: появление целого ряда учебников и пособий по образованию и эстетическому воспитанию учащихся-шакирдов не только духовного, но и светского характера, научной литературы (по медицине, астрономии, истории, математике); улучшение кадрового обеспечения уроков в мектебе и медресе, связанного с образованием субкультурного пространства – тюркоязычного мира.

Герменевтический анализ учебных пособий и трактатов в мусульманских учебных заведениях показывает изобилие ссылок на конкретных лиц при передаче научных знаний. Как отметил А.Б. Халидов⁵⁶, объяснение этому явлению можно усмотреть в обстоятельствах зарождения и дальнейшего пополнения арабской литературы: огромный ее пласт представляет собой запись произведений устной словесности. Арабская литература отличается большей насыщенностью внутритекстовыми ссылками. Это та самая опора на авторитет и признание заслуг ученого.

Основным методом обучения являлась устная форма передачи знаний, разбор текста вслух. Учитель передает некое сообщение с необходимыми

---

⁵⁶ Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. Москва : Наука, 1985. 304 с.

пояснениями, ученик слушает и запоминает, а потом воспроизводит услышанное дословно, демонстрируя учителю степень усвоения (запоминания) текста. Учитель контролировал дословность, буквальность воспроизведения текста – без искажений и перестановок. Он также был обязан разъяснить, когда, как и от кого он сам узнал то, что он сообщает, а ученик обязан четко представлять себе путь, по которому данное сообщение попало к учителю.

Способы передачи выраженного в слове знания сложились в целую систему, которая прошла длительный период апробации и получила наиболее полное развитие в сфере хадисоведения, но она применялась также в коранических дисциплинах, в историографии и филологии. С XI в. эти способы широко распространяются в сфере общего образования как в медресе, так и вне специальных учебных заведений. В ходе занятий шакирд обычно изготовлял новый «список» изучаемого сочинения, а после завершения работы испрашивал и получал разрешение (иджазу) учителя на самостоятельную передачу (ривайу) текста сочинения с соответствующей ссылкой. После этого он мог на законных основаниях цитировать это сочинение устно и письменно, обучать по нему других. Существенным было полученное им от учителя «право передавать» (хакк ар-ривайа или ал-ривайа).

При повторении актов обучения по определенной книге образовывалась цепочка ее передатчиков, связанных отношениями «учитель – ученик». С добавлением имен предшественников учителя и указаний о способах передачи от звена к звену получался иснад (совокупность ссылок на рассказчиков) книги. «Искатель знания» (талиб ал-'илм) прорабатывал под руководством учителя одно сочинение за другим и на каждое получал иджазу, затем переходил к другому преподавателю или одновременно занимался у нескольких преподавателей. Бывало так, что он совершал учебное путешествие (рихла), после завершения образования в одном месте перебирался в другой город и проходил курс у новых преподавателей по новым сочинениям; иногда он дважды штудировал то же сочинение и получал возможность сравнить метод и глубину

обучения у разных учителей. Практиковалось и взаимное обучение: меняясь ролями наставника и ученика, двое читали друг другу поочередно разные сочинения. Мерилом образованности и авторитета ученого служили количество проработанных им книг и репутация его учителей. В учебных заведениях разного типа программа обучения по существу воплощалась в изменении списка изучаемых сочинений. Градация обучения и учености юридически не оформлялась и официально не закреплялась каким-либо обрядом, посвящением, дипломом. Но примечательно, что арабская формула обоснования «права передачи» послужила названием ученой степени бакалавр (от «би-хакк ал-ривайа») в западноевропейских университетах, испытавших на себе арабское влияние на начальном этапе XII в.

Уровень учебных заведений также определялся именами преподававших в них ученых и наставников. Широкое распространение получает суфийское образование, которое представляет собой продолжение и развитие философских и богословских учений первых веков ислама в виде традиции обретения и наследования непосредственно пережитого духовного знания. Эта специфическая форма передачи знаний, которая предполагает тесную связь ученика и наставника, сложилась на протяжении долгих веков в системе мусульманского образования татар. В ней превалирует индивидуальное начало и нравственно-воспитательная составляющая, так как это путь обретения не просто знаний в общепринятом понимании, а именно духовного знания.

В Казани при центральной соборной мечети располагалось крупное медресе высшего типа, руководимое видным педагогом, философом-энциклопедистом и поэтом Кол Шарифом. Преподаватели в медресе при соборной мечети наряду с преподаванием основ ислама обязаны были обучать учащихся письму и чтению на арабском языке. В их обязанности входило также обучение основам вероучения, а также азам персидского языка, который считался изысканным языком поэзии и других литературных жанров. Данное учебное заведение было широко известно далеко за пределами Казанского

ханства высоким уровнем учебно-воспитательного процесса. Именно благодаря разнообразию типов и уровней учебных заведений Казанского ханства, несмотря на схоластику и догматизм, свойственный средневековой образовательной системе всего мира, «грамотность даже среди простого народа была достаточно высокой»⁵⁷.

Контент-анализ учебных планов, программ и способов обучения в медресе в эпоху Казанского ханства позволил исследователям выявить следующую их особенность: «Они были чисто клерикально-схоластические, бухарского типа, а предметы обучения в них распадалась на две категории: на улумуль-алия и на улумуль-шаргия. Первая из них состояла из наук, служащих орудием основательного всестороннего понимания религии ислама, а вторая “улумуль-шаргия” – из изучения собственно религии ислама. Улумуль-алия сами разделяются на две группы наук: на улумуль-арабия, или, короче, арабият, т. е. науки, изучающие арабский язык и литературу, и на улумуль-аклия, или, проще, – аклият, т. е. “умственные науки”»⁵⁸. В последующем на Д. Валиди стали ссылаться и другие ученые-педагоги – Я.И. Ханбиков, Р.Р. Сафиуллина-Ибрагимова, М.М. Гибатдинов.

Шакирд после изучения «аклията» переходил к «наклияту», т. е. к собственно религиозным наукам (от арабского слова «накль» – «перенести», «перевести», «сообщить», «передать»; слово означает науки, опирающиеся не на разум и не на опыт, а на внушение со стороны Бога и пророка). Акида, калам, фикх и усул-фикх преподаваемые в мусульманских медресе, относились к наукам именно этой категории. «Келям, защищая основные положения мусульманской веры – писал Д. Валиди, – опирался на накль, т. е. на слова Бога и пророка, но вместе с тем и на разум и опыт, претендуя в то же время на разрешение вопросов о сущности бытия и человеческого знания»⁵⁹. Таким

⁵⁷ Ибрагим Т.К. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте / Т.К. Ибрагим, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев. Казань : Татар. кн. изд-во (ГУП ИПК Идел-Пресс), 2002. С. 80.

⁵⁸ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань : Издательство «Иман», 1998. С. 34.

⁵⁹ Там же, с. 32.

образом, мусульманские мугаллимы, защищая свою веру от вторжения философской мысли, сами стали философами. «Некоторые ученые проявляли отрицательное отношение к келяму, находя такое углубление в вопросы веры небезопасным с точки зрения мусульманского правоверия; но место келяма в татарских медресе было непоколебимо»⁶⁰.

И здесь не последнюю роль сыграло то, что на протяжении столетий учебные заведения ревностно хранили заложенные предшественниками традиции организации учебного процесса. Об этом, в частности, свидетельствует множество учебников и учебных пособий как светского, так и духовного характера, а также методические материалы по общему образованию и эстетическому воспитанию шакирдов, которые были ориентированы на отражение передовых научных концепций и научно выверенных сведений своего времени в самых различных областях научного познания мира (медицины, астрономии, истории, математики). Система образования не забывала и о повышении уровня педагогических кадров в мектебе и медресе.

Таким образом, можно выделить следующие важные историко-педагогические предпосылки, которые оказали существенное влияние на развитие педагогической культуры в Казанском ханстве. Не только Казань рассматриваемого периода стала частью исламского культурного мира, но и сам ислам теперь «оказывал определяющее влияние на жизнь татарского народа, составляя порой главный компонент татарской духовной культуры»⁶¹. Самобытная педагогическая культура исторически сложилась под воздействием как единых условий проживания населения и геополитических обстоятельств (межгосударственных экономических и культурных контактов и связей). Расцвет культуры совпал по времени и перекликался по формам и содержанию с культурными процессами, протекавшими как на Востоке, так и на Западе. Казань

---

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Ибрагим Т.К. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань, 2002. С. 73.

стала одним из мировых центров взаимодействия и взаимопроникновения самых разнообразных социокультур. Расположение Казанского ханства в исламо-христианском пограничье, на пересечении евроазиатских торговых путей, в зоне столкновения экономических интересов крупных восточноевропейских стран предполагало мирное сосуществование между всеми этническими группами населения государства в соответствии с предписаниями Корана.

Декаданс татаро-мусульманской педагогической культуры в эпоху потери государственности и присоединения к Русскому царству. Возможно, что при сохранении своей государственности и дальнейшем социально-экономическом развитии общества образование и просвещение у татар обрело бы все более значительные масштабы, поскольку интересы крупного феодального государства требовали подготовки кадров, способных трудиться в различных сферах политической, экономической и общественной жизни. Однако этот процесс был прерван захватом Казани войсками Ивана Грозного 2 октября 1552 г. – завоеванием, положившим начало духовному давлению на татар-мусульман со стороны христианской церкви Руси.

Насильственное выселение татар из Казани и запрещение им даже входить в город сопровождалось указом русского правительства: «Мечети татарские все велено посметати, а вперед татарам однолично ставити не велите, конечно б эти мечети извели»⁶². В Казани была учреждена кафедра архиепископа, и иерархи Русской православной церкви приступили к христианизации населения Поволжья и Приуралья.

Потеря государственности казанскими татарами в 1552 г. привела к существенному ослаблению духовной и материальной самобытности татар-мусульман и, как следствие, к значительному падению ранее налаженной системы школьного образования.

---

⁶² Список с государевы грамоты о новокрещенных татарах. Об отведении для них особых пашен и истреблении мечети. 18 июля 1593 г. // История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 149.

Измененное состояние экономической, политической и духовной культуры татар-мусульман после падения Казанского ханства описал в 1923 г. М.Г. Худяков в работе «Очерки по истории Казанского ханства: «В войне за независимость погибли тысячи жизней, казанский народ лишился лучших своих сыновей, не говоря уже о материальных потерях». И только по истечении многих лет, как отмечается в работе, городское население, вынужденно перешедшее к крестьянскому быту, утратив свои культурные приобретения, приспособилось к новым условиям существования⁶³.

Однако глубоко укоренившаяся в сознании и в быту прежняя система мусульманского образования позволила все же сохранить духовное своеобразие татарского народа даже после потери государственности. После завоевания Казанского ханства, как подчеркивал известный татарский историк, богослов и просветитель Р. Фахретдин, «было уничтожено почти все татарско-мусульманское: научные произведения многочисленные книги по всем отраслям, вообще все письменное»⁶⁴.

Когда Казанское ханство и другие восточные территории были присоединены к Руси, центры мусульманской культуры и учености, которые охватывали и городских, и сельских жителей, стали смещаться в сельскую местность. Очаги исламского образования продолжали находиться при мечетях в том случае, если позволялось их иметь в поселении. Если же мечетей не было, то самые грамотные мусульмане общины обучали детей и взрослых на дому. Турецкий путешественник Авлия Челеби⁶⁵ утверждал, что среди кочевых племен существовали даже кочевые медресе. Он сообщал о тех медресе, которые лично видел. О передвижной форме книжного обучения на кочевьях пишет и

---

⁶³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань : Гос. изд-во, 1923. С. 158–162.

⁶⁴ Фахреддин Р. Асарь: Мәмләкәтемездә улан ислам галимләрәненң вә мәшһүркәмсәләрәненң тәржемә вә табәкаләре, тарихе вәләдәт вә вафатлары вә башка әхвалләре хакында язылмыш китабдыр, 2 жилд, 15. Оренбург : «Шәрәкь» к-ханәсе, 1908. Б. 504–564.

⁶⁵ Эвлия Челеби (осман. اوليا چلبى, тур. Evliya Çelebi, 25 марта, 1611–1682) – османский путешественник, более 40 лет путешествовавший по Османской империи, сопредельным государствам и территориям.

современный исследователь М.Н. Фархшатов: «Вплоть до конца XVIII – начала XIX в. мударрисы со своими шакирдами выезжали на кочевья»⁶⁶.

Русская православная церковь видела в исламе своего конкурента, способного на равных бороться за влияние среди языческих народов. «По логике христианских миссионеров, уничтожение мечетей должно было привести к уничтожению мусульманского духовенства, следовательно, и ислама. <...> В результате за короткий срок в Казани и уезде из 536 мечетей было разрушено 418, в Сибирской провинции – из 133 мечетей сломано 98, в Астраханской – из 40 уничтожено 29 мечетей»⁶⁷.

Контент-анализ источников татарской народной литературы, показывает, что народ впадал в безграмотность и непросвещенность. К. Биккулов в «Истории деревни Новые Тинчали» пишет: «“Русские” власти рушили мечети, школы, убивали мулл и учителей, многих насильственно крестили и любыми способами старались изжить со свету. Русской властью им не давалась возможность учиться и просвещаться. Законы ислама учили тайно, прячась в лесах»⁶⁸.

Так, Новокрещенская контора, созданная в 1731 г., нанесла основной удар по центрам духовности и просвещения татар – мечетям. Вместе с мечетями исчезали и учебные заведения при них, подвергались гонениям их руководители – муллы. Была разрушена складывавшаяся веками традиционная система мусульманского образования, характерная для Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства.

В итоге разрушения главных очагов просвещения получение высшего классического исламского образования в своем отечестве для мусульман Поволжья стало практически недоступным. Единственным выходом в сложившейся ситуации оставалось обучение за пределами русского государства, в странах с исламским вероисповеданием.

---

⁶⁶ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90 гг. XIX в. М. : «Наука», 1994. С. 14.

⁶⁷ История Татарии в материалах и документах. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 52.

⁶⁸ ОРРК НБ КГУ. - Ед.хр. 2386 т. – 24 лл.

В XVI–XVIII вв. мусульманское духовенство сыграло определяющую роль в сохранении духовных ценностей и самобытности татарского народа. Конечно, сохранению национальной идентичности способствовали также родной татарский язык и различные виды народного творчества, которые, как правило, имели религиозное содержание.

Татарские богословы остались единственной социальной силой, способной сохранить духовные ценности татарского этноса. Свой теоретический уровень они поддерживали, обучаясь, в основном, в известных мусульманских образовательных центрах – в Средней Азии и на Северном Кавказе (в Дагестане). В течение всего периода средневековья, вплоть до XVIII в., мусульманское сообщество поддерживало тесные связи с арабским Восточным Средиземноморьем, Йеменом, Ираном. Из этих стран выпускники медресе возвращались с книгами. Это была в основном литература традиционно-нравоучительного характера: «Устувани», «Анвар ал-‘ашикин», «Алты бармак», «Тарика-и Мухаммадийа». Появление последнего произведения было обусловлено сложившейся к тому времени в мире ислама ситуации, связанной с развитием суфизма. Устойчивость позиций ислама в жизни татарской общины в колониальный период была достигнута не столько благодаря традиционной системе догматики и ритуала, сколько суфийской его интерпретации как «религии сердца».

С потерей политической самостоятельности, экономическим упадком и духовным гнѐтом со стороны христианских миссионеров идеология суфизма стала единственной опорой для человека и его веры в то, что все тяготы земной жизни временны и что вместе со смертью человек обретет то счастье на небесах, которого он был лишѐн в земной жизни. Роль суфизма в сущности педагогической культуры татар-мусульман уникальна. Суфийская идеология выполняла воспитывающую функцию педагогической культуры, способствовала углублению религиозного чувства и, побуждая к духовному самопознанию и самосовершенствованию, развивала в человеке высокие

нравственные начала. Суфизм учит: «Бәла угы кадалса, ормагай аһ, Кылыч башыга килсә, бозмагай раһ...» («Не стенай, когда стрела несчастья поразит, не сворачивай с пути, даже если меч коснется головы... [Перевод наш. – Т. Х.]», – так писал Суфи Аллахийар.

Суфи Аллахийар является автором четырех значительных произведений, имевших педагогическую значимость: «Масляк ал-мотгакыйн» («Путь благочестивых»), «Мурад ал-'арифин» («Цель мудрых»), «Михзан ал-мотый'ыйн» («Сокровищница праведных») и «Субат ал-'аджизин» («Опора обреченных»). Последнее произведение получило наиболее широкое распространение среди татар Среднего Поволжья и Приуралья. Оно служило учебным пособием в медресе в силу того, что в нем, помимо выражения суфийской морали, автор подробно разъясняет важные вопросы исламского вероучения на основе Корана и Сунны.

Педагогические идеи суфизма нашли своё отражение и в творчестве Мавля Колый (XVII в.). В его произведениях наставления для молодёжи пронизаны духом гуманизма, взаимоуважения и милосердия как основных аспектов толерантного мышления. В своих хикметах (цикл стихов) «Мавля Колый опирался на наследие предшествующих поэтов-суфиев – Сулеймана Бакыргани (ум. в 1186 г.), Кул Губайди (ум. в 1539 г.) и др. Творчество Мавля Колый продолжает традиции среднеазиатской суфийской поэтической школы (А. Ясави, С. Бакыргани)»⁶⁹.

Татарская педагогическая мысль этого периода тяготела к арабской письменности. Изучая документы Отдела редких рукописных книг КГУ, мы выяснили, что Имам-мударрис из деревни Оры Заказанья Йунус б. Иванай б. Усай (1636–?), получивший знания в Мавераннехре, составил учебник

---

⁶⁹ Большая электронная библиотека. Мавля Колый. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2151047> [дата обращения 06.04.2020].

грамматики на арабском языке, Баймурад Булгари (1786–1850) – комментарий на арабском языке на сочинение Кондыки по арабской стилистике⁷⁰.

В то же время, несмотря на колонизаторский характер политики царизма, присоединение в 1552 г. Казанского ханства к России обеспечило взаимопроникновение двух монотеистических духовных воззрений, а это имело в конечном итоге прогрессивное историческое и социокультурное значение как для развития образования, так и для совершенствования педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья:

а) сближение народов в известной степени способствовало взаимному обогащению культурных традиций, включая сферу воспитания и образования подрастающего поколения;

б) исчезновение границ между государствами сыграло немалую роль в распространении научных знаний;

в) татаро-мусульманская педагогическая культура, оставаясь в сфере влияния мусульманской цивилизации и являясь ее составной частью, продолжала развиваться под воздействием калама и суфизма; но одновременно эта культура, вбирая в себя и элементы российской православной системы образования, начала обогащаться новыми идеями и подходами к организации всей системы образования и просвещения народных масс в новую историческую эпоху.

1.2. Коран как мировоззренческая основа педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья

Обосновывая, что Коран является мировоззренческой основой педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, выделим и охарактеризуем те его фрагменты, которые несут в себе непосредственно

---

⁷⁰ ОРРК НБ КГУ. 73 г. (э. № 86). Рисалат фи аксам-ал-хакикат ва-л-маджаз.

педагогическое содержание. Мы исходим из того, что «в исламской культуре целенаправленного деления жизни индивида и общества на так называемую светскую и духовную составляющую не существует»⁷¹. В Коране описан весь процесс бытия и смены поколений, а это в свою очередь говорит «об однозначном наличии в мусульманских религиозных первоисточниках педагогических потенциалов»⁷². Ниспосланные через пророка Мухаммада принципы Корана являются «педагогическим ресурсом, который будет использоваться сменяющимися друг друга поколениями мусульман, живущих в различных культурных и исторических контекстах»⁷³.

Выдающийся мусульманский богослов и педагог Поволжья и Приуралья Шигабутдин Марджани о религии, основанной на Коране, констатировал: «Исламская религия, при всей ее очевидности, ясности предписаний, твердости основ, призывает посредством чистой и удивительной речи, ясного изложения к тому, что является благом по неотвратимости и принимается естественным всеми людьми, утверждено посредством многочисленных аргументов и неопровержимых доводов из единства Всемогущего и Великого Аллаха – во-первых, Его очищения [от недостатков], во-вторых, Его восхваления, в-третьих, добрых нравов и высоких качеств, как то: справедливость, мудрость, воздержанность, смелость и пр.»⁷⁴.

Коран изучен как на языке оригинала (арабском языке), так и в переводах смыслов Корана на русский и татарский языки Ш. Аляутдинова, Ю. Крачковского, Э. Кулиева, М.Н. Османова, Г. Саблукова, У. и Р. Шариповых, Ногмани. Все цитаты в данной работе, кроме специально отмеченных случаев, приводятся в переводе смыслов Корана Иман Валерии Пороховой, поскольку

---

⁷¹ Абу Хамид ал-Газали. Начало праведного пути / перевод с арабского Р.Л. Саяхова. Уфа: «Яшель», 2006. С. 4.

⁷² Саяхов Р.Л. Активизация педагогического потенциала мусульманских религиозных первоисточников // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivizatsiya-pedagogicheskogo-potentsiala-musulmanskih-religioznyh-pervoistochnikov> (дата обращения: 13.10.2021).

⁷³ Sahin, Abdullah. 2013. New Directions in Islamic Education: Pedagogy and Identity Formation. Paperback : Kube Publishing Ltd; Reprint edition (May 12, 2015). P. 168.

⁷⁴ Ал-Марджани Шихаб ад-дин. Ал-Хакк ал-мубин фи махасин ауда' аддин / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань : Матба'ат Чирков, 1889. 18 с.

именно этот перевод, данный в стихотворной форме, является наиболее легко читаемым для носителей русского языка.

Применяя герменевтический анализ для распознавания педагогических принципов, ценностей и практик в первоисточниках ислама (Корана и Сунны) убеждаемся, что ислам изначально направлен на приобретение знаний: «И, истинно, ислам – религия Аллаха, и не делились меж собою те, кто следовал Писанию Святому, а несогласье родилось, когда пришло знание и зависть» (Коран, 3:19). Уникальные социокультурные и исторические ситуации в виде притч формируют интерпретации знаний.

В Коране существительное «знание» (*гыйлем* – по-татарски, *ильм* – по-арабски) и производные от него глаголы «знать» (*алима*), «знают» (*яълямунa*), «знает» (*яълямy*), «знающий» (*алимун*) повторяются 782 раза, а синонимы *aeи'eesh* и *аль-ма'рифa* («знание» и «просвещение») – 29 раз. Таким образом, слова «знание-просвещение» повторяются в Коране 811 раз⁷⁵.

Пример из Корана (сура 39 стих 9) «Скажи: “Ужель пред Богом будут наравне: Кто знает – с теми, кто неведущ?” Лишь те, в ком разумение живет, Предупреждение сие приемлют» (Коран, 39:9) доказывает разное отношение Бога к людям, которые *знают*, и тем, которые *не знают*. «Отправной точкой, актуализирующей и регламентирующей отношение Корана к знанию, можно считать уже сам факт того, что слово “знать” в различных его интерпретациях встречается в Коране несколько сот раз»⁷⁶.

Для понимания сущности мусульманского образования народов Волго-Уральского региона необходимо понимать, что для мусульман «Коран – источник всех остальных наук и всевозможных благ» (Коран, 6:155)⁷⁷ и что это знание нисходит к человеку в виде «Писания». Контент-анализ Корана

⁷⁵ Коран и компьютерные исследования. URL: <https://cyberpedia.su/13x13be8.html> (дата обращения 21.09.2022).

⁷⁶ Саяхов Р.Л. Активизация педагогического потенциала мусульманских религиозных первоисточников // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivizatsiya-pedagogicheskogo-potentsiala-musulmanskih-religioznyh-pervoistochnikov> (дата обращения: 13.10.2021).

⁷⁷ Тафсир Ас-Саади. URL: <https://xn----8sbemuhsaeiwd9h5a9c.xn--p1ai/chitat-koran-na-arabskom/al-anam/#ayat-155> (дата обращения 21.09.2022).

доказывает, что именно поиск и приобретение знаний есть священная обязанность для каждого человека, исповедующего единобожие. Доказывающим высокую значимость просвещения для ислама является тот факт, что первым словом, которое услышал пророк Мухаммад от Всевышнего, было «читай»: «Читай во имя твоего Господа, Который сотворил всё сущее» (Коран, 96:1).

В мусульманском первоисточнике педагогический потенциал сконструирован в установке, что «всеобъемлющие блага», а также мудрость могут обрести лишь те, кто обладает знанием и разумением: «Он мудростью дарит того, кого захочет, – И тот, кому дарована она, Получит всеобъемлющие блага, Но осознают это те, Кто обладает разумением» (Коран, 2:269).

Сюжет произведения Кол Гали «Кыйссаи Йосуф», датируемого 1233 г. и считающегося одним из шедевров литературы XIII в., восходит к 12 суре Корана. Сам этот факт свидетельствует о том, что тюрки Поволжья и Приуралья обладали способностью поэтического осмысления Корана. Например, в Коране (сура 12 стих 77) сформулировано: «И схоронил в душе это Юсуф и им не выказал (своих обид и намерений). (А про себя) сказал: “Вы в худшем положении, чем мы. Аллах ведь лучше знает то, О чем вы речь ведете”» (Коран, 12:77). А в «Кыйссаи Йосуф» читаем: «Он начал с их мешков до того, как обыскал мешок своего брата, а затем вытащил чашу из мешка своего брата. Мы научили Йосуфа этой хитрости, ибо по законам царя он не мог задержать своего брата, если бы того не захотел Аллах. Мы возносим по степеням тех, кого пожелаем, и выше любого обладающего знанием есть более знающий. Они сказали: “Если он украл, то ведь еще раньше воровал его брат”»⁷⁸.

Возникновение педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья уходит корнями в первоисточник ислама – книгу, о которой выдающийся мусульманский богослов, просветитель педагог Шигабутдин

---

⁷⁸ Кол Гали. Йосыф китабы / Әхмәт Исхак күчәрмәсе. Казан : Татар. кит. нәшр., 1999. Б. 98.

Марджани в своем трактате 1889 г. «Ал-Хакк ал-мубин фи махасин авда‘ ад-дин» («Очевидная истина относительно достоинств предписаний ислама») писал: «Она призывает к получению всякого рода знаний, повелевает размышлять, поминать Аллаха, страшиться Милостивого, остерегаться уловок [животной] души и дьявола, что является основой мудрости и позволяет достичь всякого совершенства и добра, [побуждает к] терпению, благодарности, правде в речах, набожности в поступках, доброму нраву, довольству, мягкости и милосердному отношению к творениям, исполнению обещания, справедливости, добродетели, почтению родственных связей, запрещает мерзости, предосудительные деяния, бесчинства и притеснение, разрешает благое и запрещает мерзости, указывает на различные ремесла и средства, другие достоинства и похвальные качества как внешние, так и внутренние»⁷⁹.

В Коране представлены разные педагогические методы и приемы формирования личности, развития ее нравственных и интеллектуальных качеств, психологической готовности к функционированию в различных ситуациях бытия. Приемы и методы получения, обобщения и систематизации знаний представлены в аяте 20:114, где Всевышний советует пророку Мухаммаду не торопить Его с ниспосланием всех сур Корана, а просить увеличить его познания мира: «А говори: “Господь мой, увеличь во мне познание!”».

В Коране определяем следующие педагогические принципы, ставшие мировоззренческой основой педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья:

– *принцип реляции*, реализующийся через особую социальную природу преподавания и обучения, в соответствии с которой теплые человеческие отношения играют роль основы для обучения и развития личности в направлении все более сознательных состояний;

---

⁷⁹ Ал-Марджани Ш. Ал-Хакк ал-мубин фи махасин ауда‘ аддин. Казань : Матба‘ат Чирков, 1889. - С. 11.

– *принцип взаимодействия*, предполагающий преподавание, обучение и развитие как совместные усилия на протяжении всей жизни как учителей, так и учеников;

– *принцип осознанного познания*, связанного с выделением смысла изучаемого, повышением уровня сознательного самообразования учащихся и практическим применением охарактеризованных выше педагогических принципов.

Рассмотрим эти принципы подробнее.

Принцип реляции. В соответствии с Кораном основная цель образования – научиться быть «хорошим мусульманином» – требует от людей развития высоких морально-нравственных и этических свойств, коммуникативных способностей, а также умения мыслить и рассуждать на основе моральных принципов. Это в свою очередь нуждается в выборе такого педагогического подхода, который благоприятствует формированию отношений с положительной валентностью к преподавателям и другим учащимся, а также дифференцированному обучению и воспитанию. Так, в упомянутом произведении «Кыйссаи Йосуф» можно найти пример: «Йосыф эйтте: “Йа Зөләйха, син күрдеңме, Кадир-тәңре кодрәтенә төшендеңме, Гыйбрәт алып, бозык эшләрдән дүндеңме”»⁸⁰ («Йусуф сказал: “Ах, Зулейха, ты видела, Поняла ли силу Всемогущего Бога, Извлекла ли урок сторониться плохих дел?”») [Перевод наш. – Т. Х.]. Это нравственные принципы, которым обязан руководствоваться каждый мусульманин.

Педагогический потенциал Корана представляет воспитание и обучение подрастающего поколения как тесное взаимодействие между людьми, основанное на сострадании, а также как осознание собственной уникальности и уникальности других людей в рамках духовных социальных связей. Любовь, забота, милосердие и сострадание, обусловленные верой во Всевышнего,

---

⁸⁰ Кол Гали. Йосыф китабы / Әхмәт Исхак күчермәсе. Казан : Татар, кит. нәшр., 1999. Б. 111.

осознанием его и неоднократно подчеркиваемые в Коране, были ясно представлены в татаро-мусульманской педагогической культуре.

В Коране содержатся многочисленные указания на важность коммуникативной, образовательной, воспитательной и творческой составляющих культуры в жизни социума. Уважительное отношение к всем людям и к каждому человеку прослеживается в качестве педагогической идеи в самой форме обращения в Коране: «О сыны Адама!» (Коран, 7: 26; 7: 27; 7: 31, 7: 35), «О человек!» (Коран, 82: 6; 84: 6), «О люди!» (Коран, 2: 21; 2: 168; 4: 1; 4: 170). Такие обращения несут важный педагогический посыл, который проявляется в объединяющем всех начале – принадлежности к одной большой человеческой семье, о чем неоднократно говорится в Коране: «...сотворил вас из одной души» (Коран, 4: 1). Это не предполагает непрямого единства во взглядах или убеждениях, но «воспитывает такое взаимоуважение, которое является составляющей толерантных взаимоотношений»⁸¹.

Важным аспектом обучения на основе дружелюбного, теплого взаимодействия является формирование уважительного отношения к человеческому разнообразию. Представления о «единстве в многообразии» уходят корнями в аяты Корана – например: «Каждому из вас Мы установили (разные) законы и образ жизни» (Коран, 5: 48). Человеческое разнообразие, подчеркнутое в Коране, влияет также на характер взаимодействия преподавателей и учащихся с представителями других религиозных воззрений и культур. Стремление к взаимному пониманию как педагогическое следствие идеи многообразия людей освещается и в другом аяте Корана: «О люди! Мы создали вас всех из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнали друг друга. Поистине, самый благородный из вас в очах Бога – это тот, кто наиболее глубоко осознал Его» (Коран, 49: 13).

---

⁸¹ Саяхов Р.Д. Педагогические идеи толерантности в мусульманских первоисточниках // Наука, образование и религия против идеологии экстремизма : сборник материалов для практической деятельности по профилактике религиозного экстремизма. Уфа : Мир печати, 2017. С. 57.

Из сказанного вытекают выводы о ключевых идеях мусульманской педагогической культуры, касающиеся принципа реляции:

1) человеческое разнообразие, включая различия по полу, расе, этнической принадлежности, религии и языку, предполагает возможность организации совместного учебно-воспитательного процесса;

2) мусульманам настоятельно рекомендуется извлечение уроков из неоднородности культур и накопленной другими культурами мудрости – это даже поощряется⁸²;

3) существование связи между человеческим разнообразием и таквой⁸³ является основой для формирования и постановки образовательных целей.

Таким образом, индивидуальное развитие благочестия, богосознания (осознания Всевышнего) и добродетельных действий, объединенное понятием «таква», является образовательной целью, а обучение через человеческое разнообразие – педагогическим подходом.

Принцип взаимодействия. Одна из основных педагогических особенностей Корана состоит в том, что выраженные в нем установки использовались в непосредственной практической жизни пророка Мухаммада. Аяты Корана вводились в жизненный контекст в качестве иллюстрации взаимодействия с окружающими, часто в ответ на ситуации, пережитые ранним мусульманским сообществом⁸⁴. Менее чем за 23 года большое количество людей пришло к потребности усвоить, запомнить и применить коранический материал, которому учил Мухаммад: «Он провел их по прямому пути коллективного образования и сильно подтолкнул их к искоренению неграмотности. <...> Они начали учить друг друга и учиться друг у друга, и за короткий промежуток

---

⁸² Sahin, Abdullah. 2013. *New Directions in Islamic Education: Pedagogy and Identity Formation*. Paperback : Kube Publishing Ltd; Reprint edition. May 12. 2015.

⁸³ Таква – состояние, в котором правоверный мусульманин начинает понимать, что все его мысли, слова и поступки открыты взору Бога; богоосознание.

⁸⁴ Sahin, Abdullah. 2013. *New Directions in Islamic Education: Pedagogy and Identity Formation*. Paperback: Kube Publishing Ltd; Reprint edition May 12. 2015.

времени стали грамотными»⁸⁵. Конечно, грамотность здесь должна пониматься как обширная морально-этическая грамотность, при этом важен акцент на коллективности и взаимообучении: люди учили друг друга в сообществе, которое обучалось и развивалось совместно.

Исследование принципа взаимодействия в учении Корана показало, что он включает совместную социальную деятельность, взаимодействие в диалоге и совместное изучение вопросов и ответов.

Диалог как ключевой метод обучения в Коране иллюстрируется классическим примером – эпизодами встречи Мухаммада с ангелом Джibraилем (Коран, 96: 1–5; 74: 1–5). Именно *в ответ на* важный для Мухаммада *вопрос* Джibraиль говорит: «О ты, укрывшийся плащом! Встань, и неси предупреждение, и славь Владыку своего! И в чистоте блюди свои одежды, от мерзости беги» (Коран, 74: 1–5).

Диалог как форма обучения способствует развитию критического мышления и эмоциональной сферы личности, формированию умения ставить вопросы и слушать – и таким образом обогащает личность и совершенствует коммуникативные навыки.

Исследование вопросов и ответов как еще один педагогический метод, отраженный в Коране, – это мощный инструмент воспитания и обучения.

Принцип осознанного познания. Он направлен на практическую пользу конкретного знания, на расширение информированности о кораническом учении как концептуальной системе и может служить для реализации двух названных методов посредством глубокого проникновения в мировоззренческую суть, то есть в основные концепты, цели и принципы этого учения.

Культивирование метапознания, необходимого для обучения и саморазвития человека, в соответствии с Кораном является основополагающим

---

⁸⁵ Abu Ghuddah, Abd Al-Fatah. 2017. Prophet Muhammad: The Teacher. An Insight into His Teaching Methods. Translated by Muhammad Z. Abu Ghuddah. Swansea: Awakening Publications. P. 449.

регулятивным принципом и исходит из понимания человека как существа, созданного для саморазвития, ибо у каждого человека существуют «инструменты» в виде органов чувств, эмоций, предрасположенности к познанию с помощью сбора информации, отражения информации в сознании, ее анализ, запоминания и создания смысла. Применительно к осознанности как основе для участия в мусульманских социальных практиках приведенные педагогические методы могут рассматриваться с точки зрения описанного Л.С. Выготским сознательного познания как «акта сознания, объектом которого является деятельность самого сознания»⁸⁶. В этом случае объектом сознания являются цели намеренного участия человека в социальной практике – для совершенствования актов поклонения, улучшения характера человека и углубления таквы.

Принцип осознанного познания мы рассматриваем как опосредование и рефлексивность. В работах исследователей посредничество определяется как «выявление целей, намерений и значимости деятельности или задач для учащегося»⁸⁷, а также «обеспечение направления, вызова, поощрения и обратной связи»⁸⁸. Эти определения согласуются с позицией Корана, а примером является роль пророка Мухаммада на начальном этапе зарождения мусульманского общества, когда им осуществлялось посредничество в применении коранических принципов в практической деятельности.

Так, определение цели пяти ежедневных молитв и причин, лежащих в основе соответствующего этикета, превращает молитвы в преднамеренный инструмент для развития сознательных отношений с Богом, то есть развития осознания постоянного богоприсутствия. Прямое посредничество Мухаммада,

---

⁸⁶ Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2 : Проблемы общей психологии. М. : Издательство «Педагогика». 1982. С. 219.

⁸⁷ Vadeboncoeur, Jennifer A. 2017. Preface, Chapters 1, 2 & 6. In Vygotsky and the Promise of Public Education. New York: Peter Lang, pp. 169–202.

⁸⁸ Kozulin, Alex. 2003. Psychological tools and mediated learning. In Vygotsky's Educational Theory in Cultural Context. Edited by Alex Kozulin, Boris Gindis, Vladimir S. Ageyev and Suzanne M. Miller. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–38.

то есть переданные им формы и время намаза, способствует объединению всех верующих друг с другом и с последующими поколениями практикующих мусульман. Исследование посредничества в педагогической практике мусульман показывает, что в рамках совместной деятельности учащиеся могут достичь большего, чем они могут сделать в одиночку.

Планируемые эффекты развития личности – знания, разумение, мудрость, которые формируются для решения жизненных ситуаций и приобретаются через терпение, усердие и труд; к этому должен стремиться человек, верующий в Единого Бога. При этом человек должен просить у Бога помощи в достижении поставленной цели и каждый миг подчеркивать свою потребность в Божьей милости. Милость и милосердие Всевышнего проявляются в том, что человек наделен Им способностью любить и радоваться, сопереживать и чувствовать, проявлять сострадание, доброту, милосердие, заботу и нежность. Даже в таких ситуациях, когда необходимо порицать и наказывать кого-либо в воспитательных целях (Коран предусматривает и это), человек должен проявлять все названные качества, которыми его наградила Всевышний. Осмысление педагогических ситуаций, направленных на познание и преобразование действительности, в качестве педагогической задачи представлено в аятах 20:114; 21: 30–31; 96: 1–5; 39: 9; 39: 18.

Призыв к размышлению встречается на протяжении всего Корана. Людей побуждают размышлять в первую очередь о природных явлениях (Коран, 3: 190–191). Многие стихи Корана заканчиваются важными для педагогики вопросами-побуждениями (например, «Вы не думаете / не размышляете / не рассуждаете...? [не стоит ли] призадуматься?»), которые в когнитивном процессе выделяют и интуицию, и разум⁸⁹.

---

⁸⁹ Sahin, Abdullah. 2013. *New Directions in Islamic Education: Pedagogy and Identity Formation*. Paperback: Kube Publishing Ltd; Reprint edition. May 12. 2015.

Татаро-мусульманский педагог и просветитель Муса Бигиев, основываясь на вероучении Корана, в начале XX в. писал об огромном значении разума: «Разум есть мерило любой истины. Достоверность истины доказывается весами разума. То, что не имеет веса на чаше весов разума, не будет пользоваться спросом на рынке истины. Для убеждения в достоверности какого-либо сообщения необходима взаимосогласованность обладателей трезвого рассудка»⁹⁰.

С мусульманской точки зрения, рефлексивность включает осознание своего положения по отношению к другим созданиям Творца и к Самому Всевышнему в рамках общей концептуальной системы. Критичность в Коране выражается в поощрении людей думать и задавать вопросы, чтобы развить критическую и осознанную праведность⁹¹; требуется она также при оценке культурных и религиозных традиций, унаследованных от предков, племен или народов: «Нет, – говорят они. – Нашли мы наших праотцев, державшихся определенной веры, И прямо следуем по их стопам» (Коран, 43: 22). Право учащихся задавать вопросы и их право на свободу религии, совести и выражения мысли подтверждены множеством стихов Корана – например, 50: 45, 10: 99, 6: 108. Один из наиболее ясных из них: «В вопросах веры не будет принуждения» (Коран, 2: 256). Смысл его нужно понимать широко: люди могут пользоваться своими правами (социальными, политическими или гражданскими), которые могут отличаться от прав других.

Утыз-Имяни (начало XIX в.) в труде «Трактат о Важном» («Рисала-и-мухимма»), призывая учителей вернуться к истинным истокам вероучения Корана, а также к методам и формам обучения, изложенным в нем, пишет: «Даже

---

⁹⁰ Бигиев М. Әдәбият гарәбия илә голүм исламия. Казан : Мәгариф, Е.к. (Лито-тип. И.Н. Харитоновна). Б. 9.

⁹¹ Бигиев М. Әдәбият гарәбия илә голүм исламия. Казан : Мәгариф, Е.к. (Лито-тип. И.Н. Харитоновна). Б. 9.

если человек приложит очень много стараний и усилий, он не сможет постичь все знание. Поэтому ищи наиболее ценное знание и оставляй бесполезное».⁹²

Таким образом, рассмотренный выше педагогический принцип Корана, показал, что цель, поставленная перед педагогической деятельностью, может способствовать культивированию сознательного познания для индивидуального и социального развития.

Итак, выявленные нами три заложенных в первоисточнике ислама принципа – реляции, взаимодействия и осознанного познания – показывают, что педагогика, основанная на мировоззренческих установках Корана, может быть принципиальной, гибкой, ситуативной, целостной и преобразующей.

Преобразующее свойство исламской педагогики, которая функционировала в Поволжье и Приуралье, дает основание говорить, что оно может служить катализатором обучения и развития, а применяемые способы обучения сами по себе являются познавательными и столь же важными, как и контент преподавания. Педагогический потенциал Корана играл решающую роль в формировании и становлении педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, норм и правил поведения учащихся.

Коран допускает разномыслие и инакомыслие, не отвергает плюрализма мнений и позиций, в том числе и по толкованиям постулатов веры. По утверждению С.С. Оганесяна, эта терпимость к инакомыслию позволяет говорить о том, что именно Коран из всех трех Посланий Всевышнего наиболее близко стоит к научному мировосприятию и познанию мира. Более того, именно Коран можно рассматривать в качестве Послания, подготавливающего людей к самостоятельному познанию мира с помощью изначально заложенных в них интеллектуальных свойств и качеств⁹³.

---

⁹² Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное : Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат; Трактат о закате; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Порицание чаепития; Трактат о важном. Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. С. 254.

⁹³ Оганесян С.С. Тора, Новый Завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание. М. : Гуманитарий, 2011. 552 с.

Первоисточник ислама – Коран – является мировоззренческой основой педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. В нем заложены педагогические принципы, идеи, установка, условия, методы и приемы обучения и формирования мировосприятия, которые являются фундаментом для нравственного, умственного, физического, правового, трудового, эстетического воспитания подрастающего поколения.

Выводы к главе 1

Педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья является частью общей татаро-мусульманской культуры, объединяющей духовные и материальные ценности, нашедшие отражение в идеях и практике педагогической деятельности и сложившиеся под воздействием общих условий жизни, геополитических обстоятельств, экономических и культурных связей.

Историко-педагогические предпосылки становления педагогической культуры татар-мусульман предопределяются проникновением на территорию Волжской Булгарии (VIII–XIII вв.) религии ислама с его развитой письменной культурой, предписывающей своим последователям стремиться к знаниям; мусульманское образование и просвещение региона формируется под влиянием общемусульманского образования и культуры; мусульманская система образования в этот период стала важнейшей частью государственной политики, а получение знаний признавалось богоугодным делом для каждого мусульманина независимо от сословия и социального происхождения.

Становлению педагогической культуры в эпоху Золотой Орды (середина XIII – XIV в.) способствовало то, что культивирование знаний, просвещение и развитие разных способов передачи информации на бескрайних просторах среди кочевого населения был важным условием создания империи и управления ею.

Социокультурными предпосылками развития педагогической культуры в эпоху Казанского ханства (XV–XVI вв.) послужили следующие обстоятельства:

1) Казань стала частью исламского культурного мира, и религия оказывала определяющее влияние на жизнь татарского народа, составляя главный компонент татарской духовной культуры; 2) на территории региона под влиянием условий проживания и геополитических факторов в предшествующую эпоху сложилась самобытная культура, традиции которой сохранялись в период Казанского ханства; 3) расцвет культуры совпал по времени и перекликался по формам и содержанию с культурными процессами, протекавшими как на Востоке, так и на Западе. Казань стала одним из мировых центров взаимодействия и взаимопроникновения самых разнообразных социокультур; расположение Казанского ханства на исламо-христианском пограничье, на пересечении евроазиатских торговых путей, в зоне столкновения экономических интересов крупных восточноевропейских стран предполагало, в соответствии с предписаниями Корана, мирное сосуществование между всеми этническими группами населения государства.

Татаро-мусульманская педагогическая культура после присоединения Казанского ханства в 1552 г. к России хотя и продолжала входить в ареал влияния мусульманской цивилизации, являясь его составной частью и продолжая развиваться под воздействием восточного калама и суфизма, но также попала под влияние российской православной системы образования. Взаимопроникновение двух духовных воззрений (православия и ислама) имело историческое и социокультурное значение как для развития образования, так и так и для совершенствования педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья формировалась на мировоззренческой основе Корана и хадисов пророка. Это стало возможным, так как в первоисточнике ислама отражены педагогические принципы реляции, взаимодействия и осознанного познания, которые являются фундаментальными основами педагогики, определяющими нравственное,

умственное, физическое, правовое, трудовое, эстетическое воспитание подрастающего поколения.

Глава 2. Факторы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

2.1. Влияние трансформации этноконфессиональной политики российского государства конца XVIII в. на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья

Развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XIX в. связано со сменой политики по отношению к нерусским народам (прежде всего к татарам-мусульманам), приостановлением наступления на ислам и снятием большинства дискриминационных мер. Либерализацию национально-конфессиональной политики принято отсчитывать от времени правления императрицы Екатерины II. Уже в 1764 г. императрицей была упразднена Свияжская контора⁹⁴, а наследником Новокрещенской конторы в XIX в. стало Братство святителя Гурия⁹⁵.

В 1767 г. Казань посетила Екатерина II, которая, «в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнём и мечом, а своим личным обаянием и распространением благотворных идей просвещения»⁹⁶. Результатом стало то, что впервые после падения города Казани в 1552 г. Екатерина II дала разрешение на строительство двух каменных мечетей, и это дало возможность начать процесс восстановления материально-культурных ценностей ислама. Так, в Старотатарской и Новотатарской слободах на средства богатого купца Якуба Султангалиева стало осуществляться строительство каменных мечетей (свое имя

---

⁹⁴ Малов Е.А. О Новокрещенской Конторе. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1878. 208 с.

⁹⁵ Братство святителя Гурия – православное миссионерское братство в Казанской епархии, учреждённое 4 октября 1867 года в честь архиепископа Казанского святителя Гурия (Руготина).

⁹⁶ Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II : опыт «освоения» имперского пространства. Казань : , Изд-во Казан. Университета, 2006. С. 81.

получила «Апанаевская», потому что, содержался за счет купцов Апанаевых). Из первых мечетей необходимо назвать также знаменитую мечеть Марджани в Казани (1770 г.), непрерывно функционирующую и по сей день. В 1769 г. была построена мечеть в д. Нижняя Береске современного Атинского района, а в 1776 г. – «мечеть и ставшее потом широкоизвестным медресе (в том же здании) в д. Кшкар (1776 г.) – Арского района Татарстана»⁹⁷.

Екатерина II подчеркивала значимость возрождения материальных ценностей ислама для спокойствия населения и сохранения целостности империи: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестокие сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан»⁹⁸. Если учитывать, что при каждой мечети по традиции создавались учебные заведения, то строительство мечетей для развития системы исламского образования трудно переоценить.

Именно в годы правления Екатерины II в Казани учреждаются 3 высшие и несколько средних мусульманских школы-медресе (например, Ахуновское и Апанаевское – их открытие состоялось в 1771 г., и в 1782 г. при доме Амирханова). Эта тенденция продолжается и в конце столетия, когда медресе открываются и в других селениях: кроме ранее обозначенных, также «Кшкарское, в Больших Менгерах, Богатых Сабах, Сатыше, Тюнтяре, Карилено, Килеево и других населённых пунктах»⁹⁹. Заранее можно отметить, что эти медресе позднее (во второй половине XIX в.) в связи с распространением новометодного обучения – джадидизма – становятся центрами просветительства татар, а также других тюркоязычных народов Приуралья, Казахстана и Средней Азии наряду с новыми медресе, возникшими в Казани, Бахчисарае, Оренбурге,

⁹⁷ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография / Р.Г. Фахрутдинов, Р.Р.Фахрутдинов. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 178.

⁹⁸ Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. В 48 т. Т. 18 : 1767–1769. СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 275.

⁹⁹ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа: монография / Р.Г. Фахрутдинов, Р.Р.Фахрутдинов. Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. С. 178.

Уфе, Астрахани, Иж-Буби (об этом более подробно будет сказано в параграфе 2.4).

Указ Екатерины II Синоду в мае 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий», в котором говорилось: «Как Всевышний Бог терпит на земле все веры, языки и исповедания, то ее Величество из тех же правил <...> всем поступить изволит, желая только, чтобы между ее подданными любовь и согласие царствовали»¹⁰⁰, – фактически окончательно положил конец насильственной христианизации. Годы царствования Екатерины II, в которые в имперской политике доминировала просветительская идеология, в целом были благоприятным временем для развития мусульманской педагогической культуры конца XVIII в.

Рассмотрим исторические свидетельства подтверждающие факты, как под воздействием идей просвещённого абсолютизма императрица Екатерина II начала практику сотрудничества с татаро-мусульманской элитой. Для мусульманской аристократии снова открылся путь вступления в российское дворянство. 28 января 1783 г. Екатериной II был издан именной указ «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов»¹⁰¹, т. е. глав духовенства на определенных территориях. Однако эти ахуны должны быть подданными Российской империи. В 1784 г. вышел также указ «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства»¹⁰², и высшему татарскому духовенству и мурзам были предоставлены права дворянства. В 1785 г. была издана «Жалованная грамота дворянству»¹⁰³, «сделавшая дворянство привилегированным сословием, подверженным даже собственному

---

¹⁰⁰ Полонский А. Православная церковь в истории России : синодальный период // Преподавание истории в школе. 1996. № 1. С. 8.

¹⁰¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15653. С. 805.

¹⁰² О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства// Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXII. № 15936. С. 51–52..

¹⁰³ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : [Собрание 1-е : по 12 декабря 1825 г.]. Санкт-Петербург : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851.

внутреннему суду»¹⁰⁴. В 1776 г. татарские купцы получили торговые привилегии (право торговли по всей империи), а в 1782 г. – орган самоуправления (Казанскую ратушу). «При ратуше существовал местный суд. В 1797 г. в обществе состояло 262 семейства (2 290 душ). Тогда в Казани насчитывалось около 5 тыс. татар при общем населении города 25–26 тыс., а со слободами – до 40 тыс. человек»¹⁰⁵. 22 сентября 1788 г. по указу Екатерины II в Уфе было организовано «Духовное собрание Магометанского закона»¹⁰⁶, по принципу миллета в Османской империи для религиозных меньшинств (с 1846 г. – «Оренбургское магометанское духовное собрание»). Мусульманское духовенство получило новую организационную форму мусульманского духовенства.

Кроме того, в 1785 г. на основе «Жалованной грамоты городам» было создано общегородское самоуправление, во главе которого встала городская «шестиглавая» (из шести человек) дума, избираемая сроком на три года. В это же время наиболее влиятельные татарские купцы получили право записываться в купеческие гильдии. Складывается торгово-промышленная национальная элита. В 1797 г. вышел новый указ о том, что «все мусульмане, показавшие себя преданными империи и имеющие благородное происхождение, могли быть приравнены в правительственных привилегиях к русскому дворянству»¹⁰⁷. В манифесте 1783 г. по случаю присоединения Крыма к России закреплялись принципы терпимого отношения к мусульманскому вероисповеданию. При этом разрешалось не только строительство мечетей, но и открытие школ при них. В 1799 г. вновь начали легально функционировать татарские школы в Казани, в Астрахани. С расширением политических прав оживлялась культурная жизнь

---

¹⁰⁴ Мухутдинов Д.В. История ислама в России : учебное пособие. М. : ООО «Садра», ИД «Медина», 2019. С. 127.

¹⁰⁵ Тагиров Э.Р. Татары в оптике Большой истории человечества : миротворческий аспект. Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. С. 250.

¹⁰⁶ Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917) : институты, идеи, люди. Нижний Новгород : ИД «Медина», 2010. С. 5–10.

¹⁰⁷ Газиз Г. История татар. М., 1925 / Переиздано : сокращенный перевод с татарского С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. М. : «Московский лицей», 1994. С. 175.

татар. По выражению Андреаса Каппелера, «казанские татары готовились использовать открывшиеся перед ними возможности и свободные лакуны для своего экономического и культурного возрождения»¹⁰⁸.

Все перечисленные факты, то есть объявление свободы вероисповедания, отмена насильственного крещения, разрешение мусульманам строить мечети и открывать при них школы, привели к кардинальным изменениям в политике по отношению к мусульманской конфессии. Появление сильной в экономическом отношении прослойки купцов и предпринимателей закономерно формировало татарскую элиту, которая спонсировала мусульманскую систему образования. В архиве РБ есть документы о том, что в 1829 г. стерлитамакский III гильдии Купец Габдулхалик Габдельмажит бине Ибрахим (Ибраев, 1770-1858) передал в ведение мусульманской общины каменную мечеть, два медресе (каменную и деревянную), каменную кухню и колодец, 5 каменных торговых лавок¹⁰⁹.

Таким образом, трансформация этнонациональной политики в Поволжье и Приуралье в конце XVIII в. стала важнейшим стимулом для восстановления и укрепления педагогической культуры татар-мусульман.

Достаточно высокий уровень образованности татар отмечали в своих официальных документах чиновники – представители православной конфессии. Так, профессор К.Ф. Фукс, работавший в Казани в первой половине XIX в., писал: «Татары – народ образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий писать и читать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других. Посему всякий отец старается как можно раньше записать своих детей в училище, где бы они выучились по крайней мере читать и писать»¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история, 2003. № 2. С. 133.

¹⁰⁹ НА РБ. – Ф.295. – Оп.6. – Д. 87. – Л.46 об.

¹¹⁰ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. С.113–114.

После утверждения 5 августа 1786 г. Екатериной II «Устава народным училищам в Российской империи»¹¹¹ – первого в России закона об образовании – предполагалось открытие в каждом губернском городе главного народного училища, а в каждом уездном – малого народного. И когда такие училища стали образовываться в казахских степях, на должность преподавателей в эти училища назначались казанские муллы – на тот момент лучшие знатоки культурных традиций тюркских и мусульманских народов, к тому же фактически не имевшие языкового барьера с местным населением. Православный миссионер Я.Д. Коблов писал: «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар»¹¹². Знание татарского языка признавалось необходимым в качестве базового для более легкого и успешного овладения другими восточными языками. Пригождалось оно и будущим дипломатам, поскольку татарский язык на основе арабской графики традиционно использовался в ходе дипломатической переписки с восточными странами.

Таким образом, «татары стали своего рода имперскими посредниками в торговле, управлении, школьном образовании и даже научном изучении Степи, что вполне можно описать в категориях “мобилизованной диаспоры”»¹¹³. Применительно к поволжским татарам Андреас Каппелер отметил, что «их дополняющие функции в значительной мере определялись их хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией, к которой они были особенно близки и предрасположены как мусульмане»¹¹⁴.

---

¹¹¹ Устав народным училищам в Российской империи : Уложенный в царствование имп. Екатерины II (В Царском Селе 5 августа 1786 года). Санкт-Петербург : Типография Брейткопфа, 1786. 122 с.

¹¹² Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань : Центральная типография, 1916. С. 3.

¹¹³ Ремнёв А.В. Татары в казахской степи : соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatary-v-kazahskoy-stepi-soratniki-i-soperniki-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 08.11.2021).

¹¹⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М. : Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. С. 103.

Именно с именем Екатерины II связано также развитие сети духовных школ-медресе, открытие первой в стране провинциальной Казанской мужской гимназии. В ней вскоре после визита императрицы (1769) появился специальный класс для желающих изучать татарский язык, преподавателем которого был назначен губернский переводчик Сагит Хальфин¹¹⁵.

Изучение татарского языка в русских гимназиях Поволжья и Приуралья, как правило, начиналось с букваря. В 1778 г. в типографии Московского университета печатается первый букварь для обучения учащихся русских гимназий татарскому языку. Букварь именовался «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная казанских гимназий учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная». В 1787 г. появился еще один букварь, составленный С. Хальфиным, – «Элифбаи татар» («Татарский букварь»).

Появление этих учебников должно было хоть в какой-то степени ликвидировать ощутимый дефицит такого рода учебных пособий, поскольку уже в те времена татарская азбука была широко востребована, но учебников не хватало. С появлением «Азбуки» Сагита Хальфина началась история татарского печатного учебника как особого, оригинального издания по обучению детей и взрослых татарской грамоте¹¹⁶.

Учебники Сагита и Ибрагима Хальфиных были первыми печатными учебными изданиями в области ориенталистики не только в России, но и в Европе: «Арабская грамматика» французского ориенталиста Силвестра де Саси

---

¹¹⁵ Сагит Хальфин работал переводчиком в казанской адмиралтейской конторе. Он был известен как депутат от Старой и Новой татарских слобод в Казани в Комиссии по созданию проекта Нового Уложения. Обратив на него внимание, императрица Екатерина II, повелела ввести в Казанской гимназии преподавание татарского языка и назначить преподавателем Хальфина. В связи с этим он со своей семьей был изъят из податного сословия и награжден званием «переводчика с чином». Сагит Хальфин начал преподавание в 1769 году и отказался от него в 1785 г. по состоянию здоровья. Его перу принадлежит пособие на русском языке для изучения татарского языка «Азбука татарского языка», изданное в 1778 г. в Москве и ставшее первым в своём роде

¹¹⁶ Сальникова А.А. Татарская «Алифба» : история и современность. / А.А.Сальникова, Д.М.Галиуллина; [пер. на татр.яз. Х.Г. Файзрахмановой] : монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2016. С.11.

(1758–1838) была опубликована лишь 1810 г. Однако эти учебники не были предназначены для мектебов и медресе.

Начатая Екатериной II политика свободы вероисповедания была продолжена Павлом I, который, вступая на престол, в Манифесте от 18 марта 1797 г. провозгласил полную свободу вероисповеданий: «Положили мы священным долгом обеспечить каждому свободу исповедания веры им содержимой»¹¹⁷. Это привело к тому, что в 1800 г. были закрыты все миссионерские школы в Поволжье и Приуралье, которые были открыты еще 1707 г., когда митрополит Тихон насильно набрал в школу в г. Казани 32 ребенка из семей новокрещеных для подготовки причетчиков и дьяконов. Это, в свою очередь, повлекло за собой временное прекращение подготовки миссионерских кадров, что, несомненно, вдохновляюще отразилось на открытии новых школ-мектебе, медресе для детей татар-мусульман и на развитии педагогической культуры в Поволжье и Приуралье.

Важную роль в становлении системы образования Российской империи сыграли реформы Александра I, которые в свою очередь сказались на развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. 5 ноября 1804 г. Александр I своим указом¹¹⁸ утвердил одновременно уставы трех новых университетов – Казанского, Дерптского и Харьковского, а также устав учебных заведений, подведомственных университетам (более подробно об этом в параграфе 2.2). В соответствии с этим система светского образования в России включала в себя 4 ступени: университеты, гимназии, уездные училища и приходские (начальные) училища. Гимназии предполагалось открыть в каждом губернском городе (в Казани гимназия уже была), уездные училища – в каждом уездном городе, приходские – в городах и селах.

---

¹¹⁷ Полное собрание законов Российской истории. 1-е издание. СПб., 1830. Т. XXIV. Ст. 17530. С. 1.

¹¹⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1 : Царствование императора Александра I, 1802–1825. Санкт-Петербург, 1864. IV с. С. 264.

В своих работах Е.А. Вишленкова¹¹⁹ отмечает, что новым в политике Александра I было то, что «правительство требовало терпимого отношения конфессий друг к другу»¹²⁰. Указом от 22 июля 1822 г. правительство подтвердило право мусульман открывать мектебе и медресе, но при условии получения разрешения на это от губернаторов и областных начальников¹²¹.

Правительство Николая I (24 июня 1825 – 17 февраля 1855) увидело огромные возможности использования как светского, так и духовного образования для интеграции татар высших и средних слоев в российское общество, но с последующей русификацией и ассимиляцией. Различные льготы для дворян и разночинцев мусульманского вероисповедания вынуждали их отдавать своих детей в государственные учебные заведения. А. Базилевич пишет, что «новый же император в школах видит великую силу для русификации мусульман и надежный проводник в среду их здоровой культуры и государственности»¹²².

И тем не менее, как указывал путешественник второй половины XVIII в. профессор И. Георги, «казанские татары <...> не только приучают детей к прилежанию, бережливости и другим прародительским обыкновениям, но пекутся еще и о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере»¹²³.

В 1830 г. дети оренбургских служилых татар были отправлены в Казань для обучения в Первой мужской гимназии. На основе царского указа военный губернатор должен был наблюдать, чтобы дети эти были не моложе 10 лет и имели хорошее способности. «Преимущество при поступлении отдавалось знающим русский язык, умеющим на нем читать, писать и говорить, а также знающим начальные правила арифметики»¹²⁴. Воспитанники проходили полный

¹¹⁹ Главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ), профессор.

¹²⁰ Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1998. С. 45.

¹²¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. XXXVIII. Ст. 29126. С. 394.

¹²² НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1397. Л. 177.

¹²³ Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. Казань, 1997. С. 38.

¹²⁴ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1397. Л. 178.

гимназический курс. По окончании Первой казанской гимназии воспитанники поступали на врачебное отделение Казанского университета. В качестве студентов или слушателей они проходили полный курс медицинских наук. По окончании курса воспитанники подвергались испытанию вместе с прочими студентами. Если в Университете кто-либо оказывался в течение первого полугодия неспособным к продолжению обучения медицинским наукам, то таковых переводили на другие факультеты, однако в отношении мусульман было ограничение – законодатель оговаривал: «Воспитанникам из магометан воспрещается переходить с медицинского факультета на другие»¹²⁵. По окончании университета студенты удостоивались ученой степени. Средства в размере 12000 рублей в год на содержание воспитанников из числа татар в Казанской гимназии и в университете выделяло казначейство¹²⁶.

Эпоха трансформации конфессиональной политики Российской империи первой четверти XIX в, направленная на терпимое отношение к существованию различных конфессий и запрещавшая любую деятельность, способствующую обострению межконфессиональных отношений, в целом носила продуктивный характер для развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Трансформацию этноконфессиональной политики и ее влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья на разных этапах развития татарского общества демонстрируют следующие факты: к 1833 г. насчитывалось 4785 мечетей, а к 1845 г. их стало уже 6763. «Из них в губерниях: Оренбургской – 1714, Нижегородской – 31, Казанской – 688, Саратовской – 124, Симбирской – 153, Тамбовской – 19, Пензенской – 70, Астраханской – 74, Вятской – 117, Пермской – 143, в Таврической области – 12652»¹²⁷. Это влияло на развитие педагогической культуры. К середине XIX в.

¹²⁵ Полное собрание законов Российской истории. 2-е изд. СПб., 1830–1885. Т. XI. Ст. 8771. С. 35.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Малов Е.А. О татарских мечетях в России. Казань : Университетская типография, 1868. С. 71.

в Казанском крае насчитывалось 430 мектебов и 57 медресе, а в Волго-Уральском регионе их было уже 1482. «Через эти учебные заведения проходит почти все мусульманское юношество <...> ...Здесь формируются не только его религиозные воззрения, но и взгляды на жизнь и окружающий мир»¹²⁸.

Таким образом, основным базисным фактором развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX в. стала трансформация этноконфессиональной политики Российского правительства по отношению мусульманской конфессии.

2.2. Роль Казанского университета и университетской типографии в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

Развитие татаро-мусульманской педагогической культуры с XIX в. в определённой степени шло в тесной связи с развитием педагогической культуры Российской империи. Особую роль в этом играл Казанский университет.

В первые годы правления императора Александра I в ходе реформ в области просвещения разрабатывались новые принципы организации системы народного образования и новые типы учебных заведений. В 1802 г. в России было создано Министерство народного просвещения, в 1803 г. изданы «Предварительные правила народного просвещения»¹²⁹. Эти Правила, утвержденные императором 23 января 1803 г., представляют собой платформу для возведения Российской образовательной системы, национальный образовательный программный документ. 5 (17 н.с.) ноября 1804 г. – Александр I подписал Утвердительную грамоту об основании Императорского Казанского

---

¹²⁸ Мухаметшин Р.М. Ислам как культурный и политический фактор трансформаций в современной России // «Татарский мир». 2002, № 6 (16).

¹²⁹ РГБ. ОР Ф. 757 К. 80 Ед. 8. Императорский указ о народном просвещении и предварительные правила о народном просвещении [Рукопись]. - [Б. м.], 1803. Январь. 21 л.

Университета и первый Общий университетский устав, уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов, а также устав учебных заведений, подведомых университетам¹³⁰.

Открытие в 1804 г. Императорского Казанского университета – одного из старейших университетов России, который в течение многих лет являлся самым восточным ее высшим учебным заведением, – стало важнейшим событием в истории Казани и народов части Российской империи. Учебный округ, во главе которого стоял Казанский университет, включал Поволжье, Пензенскую и Тамбовскую губернии, Прикамье и Приуралье, Сибирь и Кавказ. В первые же десятилетия своего существования университет стал крупным центром образования и науки. Здесь был сформирован ряд научных направлений и школ: математическая, химическая, медицинская, лингвистическая, геологическая, геоботаническая и другие.

Контент-анализ устава 1804 г. показывает, что в университете планировалось открыть 28 кафедр на четырех отделениях: нравственных и политических наук, физических и математических наук, врачебных (или медицинских) наук, словесных наук с кафедрой восточных языков¹³¹.

Тем самым завершается решающая фаза создания университетской системы России, призванной готовить просвещенную бюрократию, способную осуществлять политические, культурные и социальные преобразования на основе европейского опыта. «Объективные потребности социально-экономического и культурно-политического развития России с ее запаздывающими волнами модернизации и европеизации, длительным доминированием традиционных пластов культуры, культом слова обусловили повышенное значение просветительских и социально-адаптированных функций университетов. Выражению *alma mater* в русской интерпретации соответствовал

---

¹³⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Т. 1 : Царствование императора Александра I, 1802–1825. СПб., 1864 . IV с. С. 266.

¹³¹ Там же.

эквивалент «кормилица»: в университетах юношество получало духовную пищу»¹³². Казанский университет, укрепив фундамент университетской системы, стал «зародышем будущего духовного развития»¹³³, средоточием отечественного просвещения, генератором развития «отечественного слова, отечественной истории и отечественного законоведения»¹³⁴. В его стенах формировался специфический код университетской культуры, её неповторимый дух ощущали все последующие студенческие поколения. В университетской «колыбели» шёл эффективный процесс воспитания нравственных устоев – доброты, любви к Отечеству, благочестия и приверженности к религии; велась борьба с «дурными» наклонностями¹³⁵. Казанский университет, ориентированный на подготовку кадров для Востока России, стал общероссийским культурным центром. Его интеллектуальное сообщество играло роль флагмана в определении вектора и маршрутов культурного прогресса не только Поволжья и Приуралья, но и всей страны.

Велика была роль Казанского университета и в подготовке педагогических кадров. В 1812–1860 гг. при университете функционировал Педагогический институт¹³⁶, в который принимались выпускники университета для подготовки их к учительской работе в гимназиях и училищах. Практикоориентированная направленность педагогического образования доказывается тем, что там же проходили подготовку и молодые преподаватели университета. Официальное открытие Педагогического института состоялось 28 мая 1812 г. Директорами института были профессора Ф.К. Броннер, К.Т. Фойгт и др. Слушатели

---

¹³² Михайлова С.М., Коршунова О. Н. Миссия университетов в России : век XIX // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманит. науки. Кн. 4. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-universitetov-v-rossii-vek-hih> (дата обращения: 04.10.2022).

¹³³ Булич Н. Из первых лет Казанского университета : 1805 – 1819. Казань : Типография Императорского университета, 1887. С. 4.

¹³⁴ Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып.1. СПб. : Книгоизд-во типо-литографии «Энергия». 1914. С. 122.

¹³⁵ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи : Альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. С. 5–7, 52.

¹³⁶ Русские писатели-демократы второй половины XIX – начала XX в. : [сборник статей] / М-во просвещения РСФСР; отв. ред. д. филол. н. проф. Е.Г. Бушканец. Казань : КГПИ. 1979. 93 с.

Педагогического института в течение трех лет занимались по специальности и готовились к преподаванию соответствующих курсов¹³⁷. С 1840 г. он носит название Главного педагогического института при Казанском университете.

Научно-теоретическую роль в развитии педагогической культуры Поволжья и Приуралья сыграли местные общественные педагогические движения, в которых активную позицию занимали ученые-педагоги Императорского Казанского университета. В 1850 г. в университете была учреждена кафедра педагогики¹³⁸, с 1851 г. введено преподавание логики и опытной психологии. Первым профессором по этим направлениям был Александр Владимирский¹³⁹. Примечателен факт, что одновременно с учреждением кафедр педагогики в русских университетах (5 ноября 1850) было прекращено преподавание философии, и, соответственно, к преподаванию педагогики стали привлекаться философы.

В университете студенты-татары знакомились с достижениями российской и зарубежной науки и общественной мысли; нередко они включались в общественное движение вместе со студентами из польских, литовско-белорусских или кавказских губерний. Фактически Казанский университет и многие гимназии Волго-Уральского региона готовили европейски образованную татарскую национальную элиту – вначале немногочисленную, но достаточно влиятельную и авторитетную в татарской общественной среде. Татарские педагоги, врачи, ученые и чиновники, получавшие светское образование наряду со многими религиозными деятелями и образованными предпринимателями, составляли образованный, интеллигентный слой динамично развивавшегося татаро-мусульманского общества.

Отмечая многофункциональную миссию университета, «первый студент» Казанского университета, писатель С.Т. Аксаков писал: «Я за все, что сохранило

---

¹³⁷ РГИА Ф. 733. Оп. 39, 1810. Д. 95. Л. 8.

¹³⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6328. Л. 1.

¹³⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6339. Л. 1, 120.

во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда»¹⁴⁰. Педагогическая культура учебных заведений города Казани вышла на новый уровень: для преподавания были приглашены зарубежные ученые, организованы лаборатории, библиотеки, музеи, научные и культурные общества, ботанический сад и обсерватория. Ректором университета почти двадцать лет был великий математик и педагог Н.И. Лобачевский (подробнее в параграфе 2.3).

Н.И. Лобачевский гораздо раньше К.Д. Ушинского сформулировал положение о родном языке как о важнейшем средстве образования. Например, директору народных училищ Саратовской губернии он писал: «Язык составляет первое основание народности. История нам доказывает, что с падением народности падает язык... Слова, как лучи ума его, передают и распространяют свет учения. Язык народа – свидетельство его образованности, верное доказательство его просвещения»¹⁴¹.

Значительную роль Казанский университет под руководством Н.И. Лобачевского сыграл в просвещении татарского народа. Он был организатором в составе философского факультета «Восточного разряда», который имел важное значение в изучении народов востока вообще и Поволжья и Приуралья в частности. Нужно сказать, что до него некоторые сановники царского правительства стремились вовсе запретить общение ученых и студентов университета с татарами-мусульманами, Лобачевский же поощрял такие контакты.

Особое внимание уделялось преподаванию восточных языков: существовали кафедры арабского, армянского, персидского и турецкого языков, санскрита. Именно в университете были открыты первая в России кафедра китайского языка и первая в Европе кафедра монгольского языка. Профессорами

---

¹⁴⁰ Цит. по: Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань : Таткнигоиздат, 1955. С. 97.

¹⁴¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5186. Л. 34–35 за 1841–1855 гг.

восточной словесности были академик Х.Д. Френ, О.М. Ковалевский, А.К. Казем-Бек, И.Н. Березин¹⁴². Среди ученых и педагогов университета появились татары: И. Хальфин, знаток татарского языка и литературы, составивший «Краткую грамматику татарского языка», каллиграф М. Махмудов. Хотя восточный факультет в 1855 г. и был переведен в Петербургский университет, однако дух и традиции востоковедения в Казани не пресеклись. Казанский Университет был и остается непрерывно действующей структурой российского востоковедения.

Значимой ролью в развитии педагогической культуры татар-мусульман, стало то, что с момента основания университета одним из приоритетных направлений деятельности стало изучение быта и культуры народов Поволжья и Приуралья, в том числе татар-мусульман. Это направление было начато медиком, биологом К.Ф. Фуксом, назначенным осенью 1805 г. профессором Императорского Казанского Университета. Изучая историю народов Волжско-Уральского региона, он изложил результаты своих исследований в двух монографиях: «Краткая история города Казани» (начинает печататься в «Казанских Известиях» с 1817 г., отдельные оттиски разных вариантов этой книги издаются до середины XIX в.) и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844). Результатом его путешествия на Урал в 1823 г., кроме коллекции минералов, явилось несколько статей, напечатанных в «Казанском Вестнике», в которых говорится о топографических особенностях Урала, его растительном и «неисчерпаемом» минеральном богатстве и об организации Уральского горного промысла. Нужно отметить и то, что К. Фукс пользовался уважением татар-мусульман как медик, его часто приглашали в Старо-Татарскую слободу. Будучи организатором литературного кружка, в 1833

---

¹⁴² Изучению деятельности плеяды колоритных фигур российского востоковедения в Казани посвятил целые тома научных трудов профессор Р.М. Валеев. Среди них: Казанское востоковедение. Казань, 1998; Эпистолярное наследие российских востоковедов : письмо А.К. Казембека академику Х.Д. Френу. Казань, 2015; Эпистолярное наследие Н.Ф. Катаева. Казань, 2016.

г. во время путешествия А.С. Пушкина он принимал великого поэта в своем доме.

В виду того что этнография не была выделена в самостоятельную дисциплину, до середины XIX в. проблемы, относящиеся к этнографии, изучались на разных кафедрах университета, в рамках различных научных дисциплин.

Исследования показывают обширную научную, преподавательскую, издательскую и экспедиционную деятельность членов Общества археологии, истории и этнографии, которая была создана в 1878 г. для изучения духовной, материальной и педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. Процесс и результаты разносторонней научной деятельности Общества были отражены в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» (ныне «Ученые записки Казанского Университета»). Обществом было издано более 30 томов «Известий»¹⁴³, содержащих уникальный научный материал историко-археологического, этнографического, краеведческого характера. Особое место занимали исследования по духовной и материальной культуре народов Поволжья и Приуралья, исповедующих мусульманство¹⁴⁴, так как все сферы жизнедеятельности татар естественным образом находились под влиянием ислама. На страницах «Известий» публиковались описательные обзоры, в которых были представлены общие этнографические характеристики местных народов, а также исследования, описывающие основные элементы духовной культуры (религиозные и народные верования, общественные и семейные отношения, обычаи, формы воспитания, обучения детей, традиции и т.

---

¹⁴³ Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии за 1878–1905 годы (томы I–XXI), составленный действительным членом Общества И.В. Альфонсовым. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1906. 146 с.; Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете за 1906–1927 годы (томы XXII–XXXIII) : Составлен Н.И. Воробьевым. Казань Типо-литография Императорского Университета, 1928. 21 с.

¹⁴⁴ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников Шейха Багаутдина против инородцев западной Сибири. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. 26 с.

д.)¹⁴⁵. Общество внесло заметный вклад в изучение духовной культуры татар Поволжья, который выразился в накоплении и фиксации значительного фактического материала. В научный оборот были введены новые сведения, существенно пополнившие историографию по духовной культуре татарского народа.

Музей Отчествоведения Казанского университета, а с 1913 г. и Этнографический музей пополнены коллекциями, которые были собраны членами Общества археологии, истории и этнографии во время этнографических экспедиций. Собраны также сведения о пожертвованиях общественных деятелей и ученых Казани.

Коллекция Этнографического музея по духовной культуре татарского населения Поволжья и Приуралья состояла в основном из собраний, характеризующих религиозную жизнь, предметы исламской культуры, сопровождавшие татар в течение всей жизни, определяя их мировоззренческую, материальную и педагогическую культуру.

Работа Общества археологии, истории и этнографии и Этнографического музея, отражающая духовную жизнь татар-мусульман, а также образовательная, исследовательская, культурно-просветительская деятельность вуза говорят о значимой роли Казанского университета в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья начала XIX – начала XX в.

В результате научных и педагогических успехов видных профессоров университета вырос авторитет Казани как одного из центров педагогической культуры. Казанский университет становится крупнейшим очагом общественно-педагогической мысли, оказавшим огромное влияние на возникновение и формирование передовых научных идей в самых различных сферах жизни народов Поволжья и Приуралья, в том числе и среди татар-мусульман.

---

¹⁴⁵ Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 15. Вып. 3. Казань : Тип-литогр. Имп. Казан.ун-та, 1899 . С. 241–360.

Просвещенные татары, работавшие вместе с русскими учеными, видели инертность культуры мусульман, убеждались в ненужности восточной схоластики и вдохновлялись идеями просвещения своего народа.

Одним из первых мусульман – членов известного в России и за рубежом «Общества археологии, истории и этнографии» – был богослов, имам первой Соборной мечети, крупнейший мыслитель и педагог Шигабутдин Марджани. Он имел высокий авторитет в научном мире, с ним консультировались, его работы цитировали многие крупные исследователи восточных языков и истории. Я.Д. Коблов пишет про труд Ш. Марджани «“Мустафад алахбар фи-ахвал Казан ва-Булгар” («Из книги использованных сведений и состоянии Казани и Болгар»)» отличается, как я сказал, выдающейся ученостью. Автор – мулла и мударрис (профессор) медресе (высшая духовная школа), что на Захарьевской улице в г. Казани»¹⁴⁶.

В числе работ, которые мы нашли в отделе редких книг и рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ, привлекает внимание статья Н.Ф. Катанова в вышеупомянутых «Известиях» – «Эпиграфический памятник Волжской Булгарии»¹⁴⁷, представленная в докладе на общем собрании 2 октября 1905 г.; в ней описывается открытый в 1889 г. в селе Болгарах-Успенском Спасского уезда Казанской губернии камень – могильная плита XIII в. с арабской надписью (текст на татарском языке сделан арабской графикой), помещенная в вестибюле главной библиотеки Императорского Казанского Университета. Те факты, что эпиграфический памятник был установлен в вестибюле Казанского университета и что в нескольких номерах «Известий» об открытии камня были опубликованы научные статьи, где говорилось о письменности татар-мусульман, нормах нравственного облика умершей женщины, – свидетельствуют о

---

¹⁴⁶ Доклад Я.Д. Коблова о татарских сочинениях по гражданской истории // Иностранное обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» за март и июнь 1916 года. Том II. № 2 и 3. Казань : Центральная Типография, 1916. С. 213.

¹⁴⁷ Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Известия общества археологии, истории и этнографии, 1905. Т. 21. Вып. 1–6. Казань : Типография Императорского Казанского Университета, 1905. С. 263–268.

серьезном и глубоком отношении ученых к изучению исторической, религиозной, духовной и педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Несмотря на предвзятость и казенные препоны в отношении иноверцев, в Казанский университет поступали представители нерусских народов Волго-Уралья и других регионов Российской империи. Так, в 1840–1895 гг. в списке студентов-мусульман из татар, башкир и казахов насчитывалось 73 фамилии¹⁴⁸.

Как пишет профессор Я. Ханбиков, «в 1804–1904 гг. в Казанском университете учился 71 студент из татар и башкир, в 1905–1916 гг. – 60 студентов татар-башкир»¹⁴⁹. Из сказанного следует, что с 1804 по 1916 г. число мусульман, обучавшихся в Казанском университете, составляет 131 человек, «полный курс университета с дипломом завершили 72 студента»¹⁵⁰. Первым выпускником из татар-мусульман был Гайса Бикиниев, «окончивший в 1835 г. словесный факультет. Он родился в семье офицера в Оренбурге в 1813 г. После окончания университета был направлен преподавателем Омского азиатского училища»¹⁵¹. Для многомиллионного населения татар-мусульман такое количество можно считать незначительным, но они явились первыми европейски образованными людьми в этой среде.

Хотя царское правительство стремилось использовать учебные заведения, в том числе университет, в целях русификации и христианизации народов Поволжья и Приуралья, но тем не менее они объективно оказывали положительное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман. Таким образом, прогрессивные взгляды русских педагогов проникали в среду просвещенных татар-мусульман.

---

¹⁴⁸ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX в.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 336–337, 341–343.

¹⁴⁹ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 8.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

Роль Азиатской типографии в развитии педагогической культуры татар-мусульман. В начале XIX в. татарам-мусульманам было разрешено издавать мусульманскую религиозную литературу, прошедшую цензурирование. В 1797 г. богатому купцу, служилому татарину в чине поручика Абдулгази Бурнашеву удалось получить разрешение Павла I открыть при Первой мужской гимназии Казани Азиатскую типографию. В 1802 г. Александр I повелел два станка Азиатской типографии, которые находились в Санкт-Петербурге, переместить в Казань и отдать в ведомство Казанской гимназии, с перепоручением ей цензуры всех привозимых и выпускаемых на татарском и на других азиатских языках книг.

Нужно отметить, что еще при Екатерине II в 1787 г. в Азиатской типографии И. Шнора (г. Санкт-Петербург) был впервые распечатан первоисточник ислама – Коран. До конца столетия это делалось еще 5 раз¹⁵². А 21 декабря 1797 г. было объявлено «о рассылке напечатанного на арабском языке Алкорана для продажи в те губернии, где населены народы магометанского исповедания». Указ гласил: «...напечатанные в казенной Азиатской типографии 3600 экземпляров Алкорана на арабском языке, разослать для продажи в те губернии, где населены народы магометанского исповедания, и чтоб сии книги здесь переплетаемы не были, определив каждому экземпляру цену по 6 рублей 5 копеек»¹⁵³.

В результате разрешения на издания и распространение первоисточника ислама и другой татарско-религиозной литературы получает развитие татарская религиозно-педагогическая мысль, в которой обозначаются прогрессивные реформаторские тенденции. Начинает воплощаться в жизнь просвещение татарского народа, развивается книжное рукописное дело.

---

¹⁵² Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань : Татарское книжное издательство, 1971. С. 95–96.

¹⁵³ Полное собрание законов Российской истории. 1-е издание. СПб., 1830. Т. XXIV. Ст. 18287. С. 852.

Казанская Азиатская типография (с 1809 г. – Университетская) развернула бурную деятельность и сыграла важнейшую роль в деле повышения уровня образования не только татар, но и всех тюркских народов Российской империи. Кроме этого, она своей деятельностью помогла противостоять насильственной христианизации и русификации в Поволжье и Приуралье.

В 1801 г. в Казани выпускается первая печатная книга на татарском языке «Хэфтияк» – учебное пособие для начальных школ (мектебе). Этнограф Карл Фукс писал: «В азиатской типографии я заметил особую деятельность в то время, когда были библейские общества. Татары тогда с таким же рвением старались распространить свои духовные книги, как и мы»¹⁵⁴.

Несмотря на то что типографии было разрешено публиковать только Коран и молитвенные книги, тем не менее выпускник миссионерского отделения Казанской духовной академии А. Базилевич оценивал деятельность типографии так: «Правительство, дозволив мусульманам свободное книгопечатание, не могло предвидеть всех тех последствий, к коим привела эта свобода еще не окрепших чад Церкви христовой из инородцев: типография делала свое разрушительное дело для православия, литература ее проникала даже и к крещеным татарам и другим инородцам, производила в умах их брожение и подготовляла тот поворот к старой оставленной религии – исламу, который вскоре и свершился»¹⁵⁵.

20 января 1809 г. была открыта типография при Университете, которая позднее была объединена с Азиатской. Благодаря своей собственной издательской базе университет получил возможность печатать как рукописи местных авторов, так и переводы с иностранных языков. Типография (она находилась в перестроенном манеже напротив главного здания) сыграла значительную роль в популяризации идей (в том числе и передовых

---

¹⁵⁴ Фукс К.Ф. Казанские татары в статическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. С. 120.

¹⁵⁵ РГИА. - Ф. 10. - Оп. 2. - Д. 1397.

педагогических идей) университета в местном обществе. В 1821–1833 гг. издавался журнал «Казанский вестник», первый раздел которого был официальным, второй печатал «сочинения и переводы». При этом систематически издавались «Прибавления» к журналу.

По подсчетам исследователя А.Г. Каримуллина, в 1801–1829 гг. было издано около 100 книг тиражом более 300 тыс. экземпляров. В целом же с 1801 по 1855 г. число изданий учебной и религиозной литературы насчитывало 577 наименований, а их общий тираж – около миллиона экземпляров¹⁵⁶. Хотя изданная литература была довольно консервативной и предназначалась для массового читателя, М. Кемпер считал, что «ей придавалось большое значение при массовом распространении стандартизированного мусульманского образования. Кроме того, она давала высокие прибыли и мусульманским предпринимателям»¹⁵⁷.

Типография Казанского университета становится самой мощной и уникальной в России во второй половине XIX в. Так, в частности, она имела шрифты практически всех языков мира, в том числе азиатские, санскрит и латынь. Имелись также кегли японских и китайских иероглифов, санскритского, армянского, монгольского и уйгурского языков.

Становясь первой типографией по изданию книг арабским шрифтом, заложив основы широкого распространения татарского книгопечатания в Казани, типография Казанского университета сыграла важнейшую роль в распространении грамоты среди широкого слоя населения татар-мусульман, что стимулировало повышение педагогической культуры в регионе Поволжья и Приуралья в XIX в.

---

¹⁵⁶ Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. Казань : Татарское книжное издательство, 1971. С. 107

¹⁵⁷ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортстане : Исламский дискурс под русским господством. Казань : Российский исламский университет, 2008. С. 87.

2.3. Вклад русских ученых и педагогов-миссионеров в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

Русская научная культура оказывала огромное прогрессивное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

Говоря о влиянии крупных русских педагогов на татарских просветителей и учителей, нельзя объяснить все развитие педагогической культуры лишь частными конкретными примерами. Их влияние можно рассматривать в качестве важнейшего стимула для развития оригинальной педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, ибо совершенствование любой культуры обеспечивается не только преемственностью, но и взаимопроникновением и взаимообогащением посредством аккультурации.

Согласимся с профессором Я. Ханбиковым, который «на большом фактическом материале выстроил общую картину истории становления и развития педагогики в Казани и Поволжье, концептуально оформил развитие педагогической мысли и этнонационального образования татарского народа с древнейших времен до начала XX столетия»¹⁵⁸. Он определяет два основных направления влияния представителей русской культуры на татаро-мусульманскую педагогическую культуру Поволжья и Приуралья. Первое проявилось в том, что прогрессивные деятели русской культуры стремились к распространению грамотности среди нерусского населения, приобщая его к русской культуре на основе добровольного изучения русского языка. Они помогали местной национальной интеллигенции в ее творческом росте, привлекали обучению и работе в русских и в смешанных учебных заведениях и

---

¹⁵⁸ Султанбаева К.И. Генезис этнокультурных образовательных концепций в отечественной педагогике во второй половине XIX - начале XX веков : автореферат дис... док. пед. наук: 13.00.01./ К. И. Султанбаева– М.:2018. - 41 с.

обществах. Они стремились подготовить научные кадры из татар, чувашей, черемисов и других народов Поволжья и Приуралья.

Второе направление было связано с авторитарной конфессиональной политикой Российского государства по отношению к мусульманским народам. Это так называемая «миссионерская педагогика». Это направление, преследовавшее цель насильственной христианизации и русификации, «было начато еще в XVII в. и получило свое концентрированное выражение в педагогической системе Н.И. Ильминского»¹⁵⁹.

Отдельные русские педагоги инициировали попытки реформы татарских мусульманских учебных заведений. К таковым относится предложенный в 1816 году проект реформы татарского медресе, составленный заведующим Казанским главным народным училищем Алексеем Пятаковым. В данном проекте А. Пятаков стремится обновить мусульманские конфессиональные мектебе и медресе, оставляя при этом в качестве обязательного богословское начало. Проект предполагал постепенно сближать процесс обучения в татарских учебных заведениях и в официальных правительственных школах. Кроме того, этот проект предусматривал привлечение татар в общие учебные заведения, подведомственные университету. Проект А. Пятакова представляет определённый интерес и для современной историко-педагогической науки, так как «в нем даются описания и курс обучения некоторых татарских медресе»¹⁶⁰.

Ярким примером первого направления служит Николай Иванович Лобачевский (1792–1856), который более известен как выдающийся математик. Но Н.И. Лобачевский был также видным педагогом-новатором и организатором науки, человеком с обширным кругом интересов, имеющим энциклопедические знания в различных областях знания, включая педагогику.

---

¹⁵⁹ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татари и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 30.

¹⁶⁰ Там же, с. 9.

Педагогическая профессиональная компетентность Н.И. Лобачевского позволяла ему вести преподавательскую работу не только в университете, но и некоторое время в старших классах гимназии. Он преподавал арифметику, геометрию (элементарную, аналитическую и начертательную), алгебру (элементарную и высшую), дифференциальное, интегральное и вариационное исчисления, теорию чисел, опытную и математическую физику, различные отделы механики, астрономию (теоретическую и физическую), геодезию и «топографию с учением о фигуре Земли».

Н.И. Лобачевский внес значительный вклад, в частности, в разработку русской педагогики и дидактики высшей школы. По многим предметам он составил программы и методические указания к ним. Вопросы дидактики и методики хорошо освещены в трудах, которые сохранились в печатном и рукописном виде. Важнейшие из них – «Наставления учителям математики в гимназиях»¹⁶¹, «Письмо Лобачевского к попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину»¹⁶² и его письма к директорам различных учебных заведений за 1840–1855 гг.

Н.И. Лобачевский стремился сделать просвещение достоянием всех. Работая членом училищного совета (с 1818 г.), его председателем (с 1827 г.), ректором Казанского Университета, попечителем Казанского учебного округа (с 1845 г.) и помощником попечителя Казанского учебного округа (с 1846 по 1855 г.), он оказал большое влияние на работу школ, гимназий, уездных и приходских училищ. С 1835 г. по 1840 г. он часто посещает Нижегородскую, Пензенскую, Симбирскую и Казанскую гимназии, где излагает свои взгляды на преподавание.

В своей знаменитой речи «О важнейших предметах воспитания», произнесенной на торжественном собрании университета 5 июля 1828 г., он рассматривает разум человека как «известные начала суждения, в которых как

---

¹⁶¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 5612. Л. 9–14 за 1830 год.

¹⁶² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5186. Л. 34–35 за 1841 год.

бы отпечатались первые действующие причины Вселенной и которые соглашают таким образом все наши заключения с явлениями природы»¹⁶³. В этой работе он останавливается на оптимальной организации взаимодействия педагогов и учащихся, на формировании и стимулировании активности учащихся по приобретению ими материальных и духовных знаний, ценностей и опыта отношений с окружающим миром. Он был явным сторонником патриотического воспитания, формирования государственного правосознания и мышления: «Кто хочет образовать своих детей для государства, тот должен прибегнуть к средствам, которые одно только государство в состоянии доставить, тот должен учить своих детей в общественных заведениях»¹⁶⁴.

Уже работая ректором университета, Н.И. Лобачевский требовал от студентов не только приобретения высокой квалификации по специальности, но и беззаветного служения своему отечеству. Он стремился увлечь их патриотическими идеями ученого-гражданина, который «высокими познаниями своими составляет честь и славу своего отечества»¹⁶⁵. По его воззрениям, образование не должно ограничиваться только приобретением специальных знаний; он ставит перед педагогическим коллективом университета задачу воспитать всесторонне развитую личность: «человек, обогащая свой ум познаниями, еще должен учиться уметь наслаждаться жизнью» и стремиться к познанию нового; «жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем»¹⁶⁶. Н.И. Лобачевский говорил, что «мы родимся с добродетелями и совесть дана им в охранение. Примеры научают лучше, нежели толкования и книги»¹⁶⁷.

---

¹⁶³ Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. Собрал и редактировал Л.Б.Модзалевский. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С.131–132.

¹⁶⁴ Там же, с. 324.

¹⁶⁵ Лобачевский Н. И. Избранные труды по геометрии. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 422.

¹⁶⁶ Там же, с. 425.

¹⁶⁷ Лобачевский Н. И. Научно-педагогическое наследие : Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М. : Наука, 1976. С. 21.

Н.И. Лобачевский в период своего ректорства много сделал для изучения татарского языка и татарской культуры. Татарский язык и раньше преподавался в Казанской гимназии и в главном народном училище. В 1807 г. в университете была создана кафедра восточных языков, на которую возлагалось преподавание арабского, персидского и турецкого языков. В 1828 г. Н.И. Лобачевский добился разделения этой кафедры на 2 самостоятельные: 1) арабско-персидской словесности и 2) турецко-татарской словесности.

Царское правительство готовило компетентные кадры для проведения своей имперской политики на Востоке. С этой целью в Казанской гимназии и Университете были установлены вакансии для башкир и татар – до 30 мест в 1836 г. Эти меры правительства сыграли прогрессивную роль в подготовке местной национальной интеллигенции – носителя, созидателя и двигателя национальной культуры.

В 1830 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий ставился вопрос об открытии особых отделений для магометанского юношества при Казанской гимназии и Университете. Но Министерство народного просвещения не соглашается на это предложение¹⁶⁸. Тем не менее в 1839 г. в числе учащихся университетской гимназии, судя по документам национального архива, мы видим значительное количество представителей с фамилиями магометанского вероисповедания: Садык Нигматуллин, сын чиновника, после окончания гимназии поступил в университет¹⁶⁹, сын чиновника Токумбетов¹⁷⁰, дети солдат-кантонистов Зиразетдин Асанов, Али Абсалямов, Габдулла Маднаров¹⁷¹, в другом списке за тот же год числятся учениками мещеряки, башкиры, 2 киргиза и др.

Лобачевский обращал большое внимание на быт гимназистов и студентов и, что весьма знаменательно, подбирал им воспитателей и учителей по

---

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 422. Л. 2, 36.

¹⁶⁹ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3805. Л. 12.

¹⁷⁰ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3805. Л. 23.

¹⁷¹ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3805. Л. 1–40.

национальному и вероисповедальному признакам. Лишь после 1830 г. по инициативе Лобачевского некоторых учеников татар стали зачислять на гимназический пансион за казенный счет, отказавшись от разделения учащихся по религиозному признаку, что не могло не оказать вдохновляюще-стимулирующего влияния на учащихся татар-мусульман и не сказаться на их успехах в учебе.

Для преподавания восточных языков Н.И. Лобачевский пригласил преподавателей разных национальностей из различных стран. Например, арабский язык преподавал выходец из Персии профессор А.К. Казем-бек, персидский язык – приехавший из Персии Хаджи Мир-Абуталёбов Мир-Муминов (1795–1846)¹⁷², а затем Ибрагим Багиров (Николай Дмитриевич Сонин); практические занятия вел араб из Мекки Ахмед-бен-Хусейн.

Видные научные деятели Востока избираются членами-корреспондентами Казанского университета; в члены-корреспонденты и почетные члены выбирались наряду с учеными также ханы, шахи и другие правители Востока¹⁷³.

Почетные члены и члены-корреспонденты присылали свои рукописи, редкие восточные издания и другие раритетные книги, что позволило создать в университетской библиотеке обширный фонд книг и рукописей на татарском, арабском, индийском и других языках. В «Ученых записках Казанского университета», которые начали издаваться с 1834 г. по инициативе Н.И. Лобачевского, появляются востоковедческие работы.

«Восточный разряд» в Казанском университете и гимназии имел огромное прогрессивное значение для просвещения татар-мусульман Поволжья и Приуралья, так как здесь работали татарские ученые, обучалось значительное число татар и башкир, изучались этнография, фольклор и памятники Волго-

---

¹⁷² НА РТ. Ф. 977. Д. 4527. Л. 4; Д. 8651. Л. 3.

¹⁷³ НА РТ. Ф. 977. Д. 8836. Л. 1.

Уральского региона. Ученые университета помогали татарским интеллектуалам в научно-исследовательской деятельности.

В связи с преобразованием восточного отделения Петербургского университета в 1854 г. в факультет восточных языков преподавание восточных языков в Казанском университете было прекращено и переведено в Санкт-Петербург. Только в 1860 г. в Казанском университете было вновь восстановлено преподавание восточных языков – «арабского и турецко-татарского как необходимых для образования мусульманского народонаселения Казанской и сопредельных им губерний»¹⁷⁴. Преподавать турецкий и татарские языки был назначен Н.И. Ильминский. Традиция по привлечению в число студентов представителей местных национальностей, начатая Н.И. Лобачевским, продолжалась, но число набираемых студентов резко сокращалось.

Следует признать, что в Казанском учебном округе, благодаря усилиям Н.И. Лобачевского, учебно-методическая работа была поставлена чуть ли не лучше, чем во всей Российской империи. Он лично воспитал целую плеяду учителей. Огромная работа Н.И. Лобачевского по созданию различных типов учебных заведений в Волго-Уральском регионе и организации в них учебной и методической работы была огромным вкладом в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Деятельность В.В. Радлова (1837–1918). Существенную роль в просвещении и развитии образовательного процесса татар-мусульман Поволжья и Приуралья сыграл крупный русский ученый, академик Василий Васильевич Радлов (имя при рождении – Фридрих Вильгельм Радлов) (1837–1918). Его научная деятельность делится на три периода: алтайский (1859–1871), казанский (1871–1884), петербургский (1884–1918). Он был этнографом, известным специалистом в области тюркских языков, среди современников считался тюркологом-универсалом. Прибыв в Россию в 1859 г., он работал учителем и

---

¹⁷⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7754. Л. 2–24.

управляющим Барнаульского окружного училища, где занимался диалектографией, диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и исторической фонетикой, грамматикой и текстологией, этнографией и археологией, фольклором и историей народов Южной и Западной Сибири. В 1866 г. В.В. Радловым был опубликован большой труд «Образцы народной литературы Тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В. Радловым»; в предисловии было сказано следующее: «Вследствие принятия уже несколько столетий тому назад исламской веры, Тюрки вступили в ближайшия отношения к народам, достигшим уже гораздо высшего образования. Таким образом, они поневоле подчинились во всех отношениях превосходящим их умственным развитию, в промышленности в искусствах, Персиянам и Арабам»¹⁷⁵. На труды В.В. Радлова обратил внимание председатель Русского археологического общества великий князь Константин Николаевич, который выразил желание назначить его в Казань инспектором татарских, башкирских и киргизских школ¹⁷⁶. Для наблюдения за магометанскими училищами была учреждена «в Казанском учебном округе должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ»¹⁷⁷, просуществовавшая с 23 октября 1871 по 27 ноября 1889 г.

Эта должность была образована в 1871 г. в связи с введением «Правил о мерах к просвещению инородцев» от 26 марта 1870 г. По этим правилам намечалось: 1) учреждение для татар за счет казны начальных сельских и городских школ (русско-татарских училищ), 2) открытие при мектебе и медресе русских классов на средства магометанских обществ, 3) запрещение открытия новых мектебе и медресе без одновременного приглашения учителей русского языка за счет средств граждан-магометан, 4) обучение девочек-мусульманок в

---

¹⁷⁵ Радлов В.В. Образцы народной литературы Тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи : собранные В.В. Радловым. СПб., 1866. С. 1.

¹⁷⁶ РГИА. Фонд департамента народного просвещения. Д. 156450 : 1871 г. Л. 4–6.

¹⁷⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10290. Л. 5–6.

особых сменах при училищах для мальчиков или в отдельных школах для девочек, учреждаемых за счет казны.

В.В. Радлов не ограничивается только выполнением мероприятий «Правил» – он пытается реформировать все учебное дело татар. В 1871 г. он предлагает реформу татарских медресе: 1) ввести в них изучение русского языка, как, например, изучение иностранного языка в гимназиях; 2) ввести курс арифметики, начал алгебры и геометрии и другие науки; 3) создать в Казани учительскую семинарию для подготовки учителей по светским предметам и русскому языку¹⁷⁸.

Среди передовой части татар-мусульман в это время уже наблюдается стремление к овладению русским языком, и В.В. Радлов в 1871–1872 гг. добивается открытия русских классов во многих медресе. Первый русский класс с 18 учениками открывается при медресе «Усмания» в 1871 г. А в остальных 9 крупных медресе Казани русские классы открываются с января 1872 года. Создаются и первые русско-татарские училища: например, первую школу нового типа открыл при содействии В.В. Радлова выдающийся татарский ученый педагог и просветитель Каюм Насыри. В этой работе В.В. Радлову помогали и многие другие татарские ученые, педагоги и богословы. В частности, такие, как М.Г. Махмудов и Ш. Марджани.

В.В. Радлов был также организатором первой татарской школы для девочек в 1872 г. Русский язык в этой школе преподавала первая официально принятая на должность учителя женщина-педагог из татар с русским образованием – Бадрижамал Абсалямова. Школа закрылась в 1874 г. из-за малого количества учениц: родители запрещали девочкам посещать школу, татарское население относилось к светскому образованию девочек с предубеждением, предпочитая ему медресе и мектебы. В одном из документов о русско-инородческих школах говорится, что «воспитательного значения для местного

---

¹⁷⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 19–20.

магометанского населения и для учащихся магометан русско-магометанские школы не имеют, так как в этой почве школа встречает сильное препятствие в местных муллах, родителях, особенно в матерях, и вообще в религиозной и бытовой жизни магометан»¹⁷⁹. Несмотря на то что школа просуществовала всего 2 года, она способствовала преодолению национальной замкнутости, повышению культуры народа, была началом формирования светскости в женском образовании.

Вместе с Каюмом Насыри В.В. Радлов работает над созданием учебников светского содержания для татарских школ. Сам Радлов выпустил общеобразовательную хрестоматию на татарском языке «Белек» («Знание»)¹⁸⁰. В этом учебнике он дает материал для познавательного чтения: нравоучительные рассказы, рассказы о животных, растениях и минералах, о времени, земле, луне, солнце, включает также географический материал и рассказы по русской истории. Ценность хрестоматии «Белек» заключалась еще и в том, что она являлась печатной книгой на татарском языке для детей; сегодня она оценивается современными татарскими учеными как «один из лучших образцов татарского литературного языка того времени»¹⁸¹.

Для шакирдов татарских медресе в 1873 г. В.В. Радлов выпустил «Граматику русского языка»¹⁸², которая состояла из двух разделов: фонетики и морфологии. Татарские тексты в книге были написаны при содействии К. Насыри и М.Г. Махмудова. То, что книга была создана с учетом специфики татарского языка, способствовало более успешному изучению русского языка и, соответственно, формированию у шакирдов понимания эффективности именно такого способа обучения неродному языку. Постепенно русско-татарские училища стали завоевывать авторитет у населения, стремящегося изучать русский язык.

---

¹⁷⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-116. Оп. 1. Д. 26. Л. 147.

¹⁸⁰ Радлов В.В. Белек. Казань, 1872. 232 с.

¹⁸¹ Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX в. Казань : Тат.кн.изд-во, 1975. С. 198.

¹⁸² Радлов В.В. Грамматика русского языка». Казань : Тип. Казан, ун-та, 1873. 114 с.

С 1874 г. все татарские мектебе и медресе стали подчиняться учебному ведомству Министерства народного просвещения «на тех основаниях, на которых ведаются этим министерством подчиненные ему ныне инородческие и русские училища и школы»¹⁸³. Однако мало что изменилось после принятия этого постановления, ибо финансирование было оставлено полностью за счет мусульманского населения, а из казны средства для содержания мектебе и медресе не выделялись.

Отчетливо понимая, что для преобразований в учебном деле требуются образованные учительские кадры, В.В. Радлов подал прошение об открытии в Казани «повышенного» педагогического учебного заведения – учительского института (а не только учительской школы), который должен был готовить учителей для высших магометанских училищ (медресе). Однако Государственный Совет решил учредить в Казани с 1 января 1876 г. только татарскую учительскую школу¹⁸⁴.

По предложению В.В. Радлова, в школу принимались татары-мусульмане всех сословий, при этом она являлась закрытым учебным заведением на 40 воспитанников с четырехлетним сроком обучения. Воспитанники жили в интернате, получая от казны 90 рублей стипендии в год. Учебный план был представлен следующими предметами: «Магометанское вероучение», «Русский язык», «Арифметика с кратким курсом геометрии», «География с краткими сведениями по истории», «Объяснение местных произведений и явлений природы», «Основания педагогики и дидактики», «Чистописание» и «Рисование». Кроме этих предметов, учащиеся обучались гимнастике и ремеслам. В четвертом классе было всего 12 уроков в неделю, остальное время воспитанники проходили педагогическую практику в начальном училище, которое открылось при учительской школе.

---

¹⁸³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11938. Л. 1 обр.

¹⁸⁴ НА РТ. Ф. 92, Оп. 1. Д. 12335. Л. 6.

Русификаторская политика определяла духовную деятельность и структуру учительских школ и была выражена в Постановлении министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г.¹⁸⁵. Изучению русского языка придавалось первостепенное значение. На нем велось обучение, его преподавание должно было стать основной специальностью выпускников школы, которым предстояло приобщить своих учеников к достижениям русской культуры. «Здесь постоянно действовал театральный кружок, устраивались спектакли на русском языке, регулярно проходили литературные вечера. Школьники посещали городской музей, общественную библиотеку, утренние спектакли оперной труппы, организовывали школьные праздники (например, древонасаждения), участвовали в благотворительной деятельности; для них проводились экскурсии по Казани и ее окрестностям»¹⁸⁶.

Усилиями талантливых учителей и воспитателей такая русификация расширяла познавательные горизонты студентов, повышала общий уровень культуры, способствовала пробуждению национального самосознания, становлению и утверждению глубоко осмысленной национальной самоидентификации. В преподавательский состав школы вошли Михаил Пинегин – преподаватель педагогики и русского языка, Ибрагим Терегулов – преподаватель естествоведения и русского языка, Василий Богородицкий – преподаватель русского языка, Шигабутдин Марджани – преподаватель вероучения и др. В.В. Радлов руководил учебной частью школы, преподавал педагогику, дидактику, общую историю, вел практические занятия¹⁸⁷. Школа стала подлинным культурно-образовательным центром татарской интеллигенции и важным элементом татарской педагогической культуры. За период с 1876 по 1917 г. Казанская татарская учительская школа (КАТУШ)

---

¹⁸⁵ Доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870) // Хрестоматия по истории педагогики. М., 1936. Т. IV. С. 1555–1566.

¹⁸⁶ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. Сборник документов и материалов. Казань : Издательство «Гасыр». 2005. С. 15.

¹⁸⁷ Там же, с. 37.

выпустила 389 учителей; среди них были выдающиеся педагоги Габдрахман Рафиков, Гайнетдин Ахмеров, ученые Гильм Камай, Мухитдин Курбангалиев, Мухаметхан Фазлуллин, деятели литературы и искусства Гаяз Исхаки, Гафур Кулахметов, Сагит Сунчалей, общественно-политические деятели Садри Максуди, Хусаин Ямашев и др.¹⁸⁸

Открытие правительственных школ для «иногородцев» послужило подъему духовной культуры как татар, так и других мусульманских народов. В результате из стен школ выходили образованные, интеллигентные люди, представлявшие собой тип мусульманина новейшей формации.

Необходимо отметить деятельность В.В. Радлова в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете¹⁸⁹. Так, им был переведен с татарского на русский язык труд великого татарского богослова и педагога Шигабутдина Марджани «Завеса времен, покрывающая историю Булгара и Казани»; этот перевод был представлен научному сообществу на IV Всероссийском археологическом съезде, состоявшемся в 1877 г. в Казани¹⁹⁰.

Деятельность В.В. Радлова как инспектора Казанского учебного округа воспринималась противоречиво. В личном дневнике Ефимия Малова – религиозного деятеля Казанской губернии конца XIX в., миссионера – читаем о Василии Васильевиче: «г. Радлов, будто, высказывает, что он намерен магометан привязывать симпатиями к Западной Европе, где процветает наука, а не к России» (от 22 мая 1874 г.); «в лице В.В. Радлова виден такой цивилизатор мухамеддан, который успеет внушить им, что симпатии мухамеддан должны лежать к европейской (подразумевай: к немецкой) науке, что полемика противомусульманская вредна и т. д. По моему мнению, такой человек опаснее мухамеддана» (от 23 июня 1875 г.); «он мало заботится об обрусении

---

¹⁸⁸ Там же, с. 5.

¹⁸⁹ Валеев Р.М. Казанское востоковедение : истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1998. С. 235.

¹⁹⁰ Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX в. Казань : Тат. кн. изд-во, 1975. С. 196.

мухамеддан: не употребляет русского шрифта в учебниках, которые он вводит в мухамедданских школах» (от 10 сентября 1876 г.) и т. д.¹⁹¹.

7 ноября 1884 г. ученый был избран академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов. Вскоре В.В. Радлов переехал в Санкт-Петербург, тем самым завершив казанский период своей деятельности.

Анализ архивных данных дает основание полагать, что активная педагогическая, административная и научная деятельность В.В. Радлова в Казани в 1871–1884 гг., направленная на прогрессивное развитие татаро-мусульманского общества, является важным вкладом в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XIX – начала XX в.

Педагогическая система Николая Ивановича Ильминского (1822–1891). С начала XIX в. происходит массовое возвращение насильственно крещенных татар в ислам. Церковь и власть забили тревогу и поняли, что одной из причин такого явления является языковая проблема: православные священнослужители не владели татарским языком и не могли использовать его при общении с татарским населением. «Христианское просвещение» нерусских народов Российской империи оказалось под угрозой.

Русская монархия и православная церковь средствами христианизации считали следующее: «1. Проповедь христианства служителями церкви. Проповедь в большинстве случаев проводилась на непонятном для инородцев русском языке и не давала нужного эффекта. 2. Создание монастырей на местах с целью насаждения православия. 3. Предоставление всяких льгот принимающим христианскую веру, освобождение от налогов, предоставление должностей и т. п. 4. Отделение крещеных инородцев от своих соплеменников (мусульман и язычников) путем переселения, запрещения браков и т. д. 5.

---

¹⁹¹ Ефимий Малов о Ш. Марджани, К. Насыри и В.В. Радлове // Эхо веков. 1999. № 1–2. С. 152–160.

Перевод христианских книг на инородческие языки»¹⁹². Эти насильственные административные меры правительства и церкви большого успеха не имели.

В этих условиях русский востоковед и педагог-миссионер, библиист, член-корреспондент Российской академии наук Николай Иванович Ильминский (1822–1891) выступил с принципиально важным для миссионерской работы предложением: православные богослужебные книги следует переводить на живой разговорный народный язык и пользоваться при переводе не арабским шрифтом, а кириллицей. «...Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случае преподавания в них закона Божия инославных христианских исповеданий таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания»¹⁹³.

В 60-е гг. XIX в. Н.И. Ильминский разработал «эффективную и тонко действующую систему христианизации – особую систему обучения, для инородческих школ с учетом родного языка обучающихся, буквари для которых также создавались на основе кириллицы»¹⁹⁴. Эта система появилась как мера, направленная против перехода в ислам насильственно крещенных татар, что наблюдалось в 60-е г. в Поволжье и Приуралье. Целью образовательно-педагогической деятельности Ильминского было удержать крещеных инородцев в лоне православной церкви, укрепить их в христианстве, сблизить их с русским народом.

Мировоззренческие установки Н.И. Ильминского по отношению к татарам, к просветительству, к мусульманам и к школьному делу изменялись в

---

¹⁹² Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татари и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 87.

¹⁹³ Цит. по: Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). Казань : Тат. кн. изд-во, 1999. С. 258.

¹⁹⁴ Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вт. пол. XVI – нач. XX в.): монография. Казань : Рос. ислам. инст., 2018. С. 255.

течение всей его жизни. Я.И. Ханбиков пишет: «В начале 60-х он позволял себе выступать с критикой казенной царской школы, симпатизировал педагогической деятельности Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, в высшей степени похвально отзывался о В.Г. Белинском и Т.Г. Шевченко»¹⁹⁵. В своей работе «Записки об устройстве учебных заведений», написанной в 1862–1863 гг., Ильминский выступает против формализма, канцелярщины, бюрократической регламентации учебного дела – можно сказать, он стоял за свободу, простоту, естественность, за живое практическое дело: «У нас формально поставлены и распределены науки в разных учебных заведениях, но можно бы указать пример одного известного теперь ориенталиста, который воспитывался в таком из светских училищ, где восточные языки не преподавались»¹⁹⁶.

Экстраординарный профессор был далек от негативной оценки всего учебного дела в татаро-мусульманских школах. О характере образования в медресе он писал так: «Можно пожалеть об отсутствии в медресе разностороннего светского образования, точных и исторических наук, о получаемом там схоластико-жестком направлении, но по всей справедливости должно сказать, что в них весьма хорошо развивается диалектическая сторона рассудка и необыкновенное самостоятельное трудолюбие воспитанников. По характеру преподаваемых наук и получаемого рассудочного развития медресе должно поставить отнюдь не ниже наших средних заведений»¹⁹⁷.

Его отношение к татарскому языку как элементу татаро-мусульманской культуры выражается в том, он сам начал изучать татарский язык. Вот что он писал: «Изучал я татарский язык путем эмпирическим, через непосредственное знакомство с татарами разных местностей, сначала, впрочем, большею частью

---

¹⁹⁵ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татари и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 91.

¹⁹⁶ Ильминский Н.И. Записки об устройстве учебных заведений. Казань, 1904, С. 4–5.

¹⁹⁷ НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 191. Л. 11.

магометанами, у которых есть своего рода наука, образование и книжный, по нашему литературный язык, и я к нему возымел влечение»¹⁹⁸.

Но со временем И.И. Ильминский отошел от своих независимых позиций, став убежденным идеологом православного миссионерства. Он даже начал утверждать, что светское образование для татар излишне и вредно. О его отношении к светскому просвещению татар-мусульман можно судить по следующему факту. В 1877 г. из Харьковского учебного округа обратились в дирекцию Казанской учительской семинарии с просьбой направить одного воспитанника на должность учителя во вновь открываемую школу для татар¹⁹⁹. Н.И. Ильминский отказал в этой просьбе и дал понять, что для татар вообще не следует открывать светских школ. Такие школы можно разрешить лишь при условии крещения, христианизации²⁰⁰. Поэтому, по его мнению, не следовало допускать татар в гимназии, университеты и другие учебные заведения. И.И. Ильминский писал: «Фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования. Вот мое мнение, если хотите»²⁰¹.

Отношение Н.И. Ильминского к образованным татарам-мусульманам видно и из его записки от 29 апреля 1885 г. к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву о назначении бывшего урядника и подпоручика М. Султанова муфтием: «...для нас вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столонячка и т. п.»²⁰².

¹⁹⁸ Ильминский Н.И. Неизданное письмо Н.И. Ильминского о способах обучения инородцев. СПб., 1900. С. 7.

¹⁹⁹ НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7. С. 194.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Рождествен А. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1900, С. 16.

²⁰² Письма Николая Ивановича Ильминского [к обер-прокурору Святейшего синода Константину Петровичу Победоносцеву]. Казань : ред. Православ. собеседника, 1895 (обл. 1898). VI, 414, XII. С. 14.

Началом практической педагогической деятельности Ильминского можно считать 1863 г., когда для подготовки преподавательских и миссионерских кадров в «старокрещенские приходы» он открывает Казанскую центральную крещено-татарскую школу. На практике работы этой школы проверяется новая система, где обучение ведется на татарском языке на основе переводов, сделанных самим Н.И. Ильминским.

Тут нужно отметить, что с конца 1840-х гг. по всей России был взят курс на интенсивную организацию переводов богослужебных книг с русского на татарский язык. «В августе 1847 г. была создана рабочая группа под руководством ректора Казанской духовной академии архимандрита Григория и профессоров А.К. Казем-бека, Н.И. Ильминского, Г.С. Саблукова. За короткий срок были переведены Литургия Иоанна Златоуста с чином обедницы (Казань, 1850), Часослов (Казань, 1852), Четвероевангелие (Санкт-Петербург, 1855), Деяния Посланий апостольских (Санкт-Петербург, 1860), Пространный Катехизис (Санкт-Петербург, 1862), Псалтырь (1868)»²⁰³.

По нашему мнению, огромным вкладом деятельности Ильминского в развитие татаро-мусульманской культуры можно считать следующий факт. Хотя переведенные книги и были понятны лишь узкому кругу образованных татар, однако именно они стали основными учебными пособиями во всех миссионерских учебных заведениях страны середины XIX в. Переведенные на татарский язык богослужебные книги стали также учебными пособиями во всех медресе по изучению христианства. Этому способствовало то, что данные книги были напечатаны арабским шрифтом на татарском языке. Так, в частности, было «издано на татарском языке 77 названий религиозных книг и учебников 565139 экз.»²⁰⁴.

---

²⁰³ Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вт. пол. XVI – нач. XX в.) : монография. Казань : Рос. ислам. ин-т., 2018. С. 251.

²⁰⁴ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 91.

Таким образом, влияние Н.И. Ильминского на развитие татарской письменности и книжного дела можно назвать весьма существенным.

Переводы православных богослужебных книг на татарский язык для христианизации с последующей русификацией привели к обратному результату – к более утонченному знанию татарами-мусульманами своего религиозно-философского учения (ислама) и к развитию умения вести противохристианскую полемику. Эту мысль высказал священник Д. Григорьев: «...трудно, кажется найти магометанина, который отказался бы от беседы на религиозную тему и замял бы беседу, ссылаясь на незнание... <...> Нет у них официальных, получающих по две тысячи в год миссионеров, нет у них риторических образцов увещаний, нет и обширных руководств по миссионерскому делу; но есть у них одна великая сила – это народная масса, прошедшая школу, считающая общим долгом дело распространения веры, этой-то силе и обязано магометанство быстрым и успешным привлечением к себе других мелких инородцев»²⁰⁵.

Педагогические воззрения Н.И. Ильминского состояли в том, что важнейшим средством христианского просвещения инородцев и сближения их с русским народом должен стать родной язык местных народов и что на этом языке следует начинать школьное обучение и вести православно-христианское богослужение. Он писал: «Родные звуки даже сами по себе бьют прямо в созвучные стороны сердца»²⁰⁶; «вообще я стою за родные языки для обучения инородцев»²⁰⁷. С этой целью под руководством Н.И. Ильминского были составлены буквари для школ каждого народа на его родном языке, напечатанные буквами русского алфавита с некоторыми изменениями в транскрипции, зависящими от фонетических особенностей того или другого местного языка.

---

²⁰⁵ Григорьев Д. Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев язычников // Православный благовестник. 1905. № 2. С. 89–91.

²⁰⁶ Письма Николая Ивановича Ильминского [к обер-прокурору Святейшего синода Константину Петровичу Победоносцеву]. Казань : ред. Православ. собеседника, 1895 (обл. 1898). VI, 414, XII. С. 30.

²⁰⁷ Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань : Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. С. 205.

Первый татарский букварь на кириллице, предназначенный для крещеных татар, был опубликован в 1862 г. Н.И. Ильминский писал, что это издание представляет собой учебник «со статьями христианского, вероучительного и молитвенного содержания»²⁰⁸. Этот учебник «с 1864 по 1911 год переиздавался 17 раз в количестве 48 тыс. экземпляров»²⁰⁹.

Н.И. Ильминский на первое место выдвигал цели православно-христианского воспитания, способы и приемы обучения подчинялись этим целям. Несмотря на реакционные цели, Н.И. Ильминский внес много ценного в методику преподавания русского языка «инородцам». Он впервые создал татарский алфавит на основе русской графики. «Данный шрифт у крещеных татар существовал до 1929 г.»²¹⁰ и стал основой для создания «новой» татарской кириллической письменности в 1939 г.

О главных принципах своей системы и основных способах обучения инородцев Н.И. Ильминский пишет так: «И вот таким эмпирическим путем опыта я был приведен к своему настоящему взгляду на способ инородческого обучения, в котором два главных пункта: 1) язык родной и притом самый правильный, народный; 2) учитель единоплеменный с учениками, – инородец, разумеется, с подходящими к этой обязанности природными качествами»²¹¹.

Подход к русификации Н.И. Ильминского получил большее число сторонников, был одобрен правительством и обер-прокурором Святейшего Синода Д.А. Толстым, а затем и сменившим его К.П. Победоносцевым. Система была положена в основу изданного 26 марта 1870 г. государственного документа «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»²¹².

---

²⁰⁸ Сальникова А.А. Татарская «Алифба» : история и современность / А.А.Сальникова, Д.М.Галиуллина: [пер. на татр.яз. Х.Г. Файзрахмановой]: монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2016. С. 12–14.

²⁰⁹ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань: Таткнигоиздат, 1968. С. 91.

²¹⁰ Сальникова А.А. Татарская «Алифба» : история и современность / А.А.Сальникова, Д.М.Галиуллина: [пер. на татр.яз. Х.Г. Файзрахмановой]: монография. Казань : Татар. кн. изд-во, 2016. С. 25.

²¹¹ Ильминский Н.И. Неизданное письмо Н.И. Ильминского о способах обучения инородцев. СПб., 1900. С. 8.

²¹² Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Мир ислама. 1913. Т. II. Вып. I V.7.

Н.И. Ильминский на основе данного документа стал создавать систему русско-инородческих школ. «К 1981 г. в России имелось 122 так называемых инородческих училища, в которых училось 3400 детей татар, чуваш, марийцев, удмуртов и др.»²¹³.

Нужно заметить, что серьезного влияния на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья русско-инородческие училища не имели: эти училища не удовлетворяли нерусское население, поскольку преследовали цели русификации и христианизации. Об этом свидетельствует и незначительное количество подобных училищ по всей Российской империи. С другой стороны, такими школами не были довольны и миссионеры, ведь обучение на родном языке способствовало пробуждению национального самосознания подвластных народов.

Будучи основателем и первым директором (1872–1891 гг.)²¹⁴ Казанской русско-инородческой учительской семинарии, Н.И. Ильминский внес серьезный вклад в дело подготовки педагогических кадров. Семинария готовила учителей инородческих школ для осуществления религиозно-нравственного воспитания в духе православия.

При подготовке учителей для нерусских школ Н.И. Ильминский исходил из того, что будущие преподаватели должны быть знакомы с родным языком учащихся; для этого были созданы чувашская, марийская, удмуртская и мордовская школы. Впоследствии в них учились также 3 корейца (в 1898 г.)²¹⁵ и 4 араба (в 1902 г.)²¹⁶. Несмотря на свою православно-русификаторскую направленность, семинария сыграла положительную роль в развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. На солидном

---

²¹³ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татари и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 91.

²¹⁴ НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²¹⁵ НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 530. Л. 3.

²¹⁶ Там же.

научно-образовательном уровне распространялась русская культура среди нерусских народов Волго-Уральского региона.

Ильминский, открыв целый ряд школ и училищ в Поволжье и Приуралье, убедительно доказал преимущества своего подхода к русификации и христианизации инородцев – в частности, татар-мусульман. «Н.И. Ильминский оставил после себя талантливых учителей: из крещеных татар – Василия Тимофеева, Козьму Прокофьева, Якова Емельянова, Михаила Апакова; из горных черемис (марийцев) – Гавриила Яковлева, Василия Захарова, Ивана Захарова; из чуваш – Григория Филиппова, Митрофана Дмитриева и многих других. Среди его учеников были в дальнейшем и высокопоставленные чиновники: Н.П. Остроумов (директор Ташкентской учительской семинарии), Н.А. Бобровников (приемный сын Н.И. Ильминского, директор Казанской учительской семинарии), И.Я. Яковлев (инспектор Симбирской учительской школы), но ни один из них не имел авторитета своего учителя»²¹⁷.

Стоит отметить определенное влияние Н.И. Ильминского на становление национальных кадров-педагогов. В частности, в НА РТ сохранилось письмо Ильминскому от татарского педагога-просветителя К. Насырова (К. Насыри) 1859 г., в котором говорится: «Я намерен сообщить вам некоторые новости <...> Я написал книжку на чисто татарском языке для шакирдов. К этой книге написал словарь и небольшую грамматику. Но нет никаких условий печатать, нет денег. Однако была бы хорошая книга. <...> Если бы вы были здесь, помогли бы издать мне эту книгу»²¹⁸. В исследовании Я. Ханбикова отмечено: «Как известно, Н.И. Ильминский помогал затем К. Насырову в рецензировании и печатании работ»²¹⁹.

---

²¹⁷ Муфтахутдинова Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вт. пол. XVI – нач. XX в.) : монография. Казань : Рос. ислам. инст., 2018. С. 259.

²¹⁸ НА РТ. Ф. 968. Д. 54. Л. 78.

²¹⁹ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. Казань : Таткнигоиздат, 1968. С. 97.

Однако нельзя не сказать и того, что педагогические воззрения Н.И. Ильминского, как апологета политики государства и церкви в отношении к мусульманской конфессии, шли вразрез с прогрессивными устремлениями и деятельностью мусульманских педагогов и богословов второй половины XIX в. Конфессиональная политика насильственной русификации и христианизации, поддерживая деятельность миссионеров, вызывала упорное сопротивление со стороны татарских педагогов и просветителей и разжигала мусульманский фанатизм татар, что в свою очередь ускорило процесс углубленного изучения мусульманской религии, вело к поиску наиболее эффективных методов и способов преподавания ислама, более интенсивному внедрению в учебно-воспитательный процесс в мусульманских образовательных учреждениях новометодных способов (джадидизм). И с этой точки зрения, вклад педагогических воззрений Н.И. Ильминского и его деятельность можно рассматривать в качестве своеобразного катализатора развития педагогической культуры татар-мусульман Волго-Уральского региона.

Анализ педагогических воззрений Николая Алексеевича Бобровникова (1854–1921). Основные теоретические подходы к проблеме совершенствования педагогической культуры татар-мусульман можно найти также в трудах ученого и педагога конца XIX – начала XX в. Н.А. Бобровникова. Мы намерены детально рассмотреть его педагогические взгляды и педагогическое учение, оказавшие существенное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Николай Алексеевич Бобровников родился в семье профессора-востоковеда. После завершения учебы в Казанском университете он поступил на военную службу, участвовал в войне с Турцией (1877–1878). Впоследствии Н.А. Бобровников писал: «Тут я увидел, что источник всех русских бед – безграмотность и невежество русского народа. Поэтому по окончании войны я решил отдать свои силы на работу для народного просвещения. Для лучшей подготовки к этому делу я много времени провел в чужих странах: в Австрии,

Германии, Франции, Англии, Италии, Греции, Турции, Египте. Чем больше я узнавал, как идет дело народного образования в других странах, тем более я убеждался, что наше старое правительство, как бы нарочно, держит народ в темноте, и тем более меня охватывал страх за судьбу Родины...»²²⁰.

По возвращении с военной службы Бобровников преподавал математику и физику в Казанской учительской семинарии. По представлении диссертации 13 окт. 1879 г. он был удостоен степени кандидата физико-математических наук. 5 декабря 1891 г. он назначается исполняющим обязанности директора учительской семинарии вместо умершего Н.И. Ильминского²²¹, а в марте 1892 г. утверждается в этой должности министром просвещения графом Д.И. Толстым²²².

Хорошо зная арабский и татарский языки, он в 1891 г. совершает поездку по арабскому Востоку и Алжиру, знакомясь с жизнью, бытом и образованием народов данного региона. В 1897 г. Н.А. Бобровников участвует в переписи татарского населения Российской империи, одновременно собирая материалы о грамотности и школьном образовании татар-мусульман. По результатам переписи он написал книгу «Район Сатышевский»²²³. В 1903 г. Н.А. Бобровников разрабатывает проект открытия школы восточных языков в Казани для подготовки специалистов по тюрко-татарской филологии²²⁴. Однако правительство не принимает проект Н.А. Бобровникова.

Н.А. Бобровников считал себя учеником Н.И. Ильминского и, полностью разделяя его миссионерские установки, был активным деятелем братства св. Гурия. Будучи директором Казанской инородческой учительской семинарии, Н.А. Бобровников выступает против Татарской учительской школы, где готовилась передовая татарская интеллигенция. В письме Победоносцеву от 6

---

²²⁰ Бобровников Н.А. Земля и воля. Казань, 1917. С. 3.

²²¹ НА РТ. Ф. 93 Оп. 1. Д. 379. Л. 1–5.

²²² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20038. Л. 2.

²²³ Бобровников Н.А. Район Сатышевский. Казань, 1898. 180 с.

²²⁴ НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 820. Л. 1.

января 1897 г. он рекомендует: «Лучше было бы школу эту закрыть, чтобы не разводить за казённый счет мусульманских интеллигентов». По его мнению, Татарская учительская школа стоит в прямом противоречии с русификаторской политикой царизма. Ш. Ахмерову, инспектору Татарской учительской школы, стоило больших трудов отстоять ее дальнейшее существование²²⁵.

Уже будучи попечителем Оренбургского учебного округа в 1907 г. Н.А. Бобровников добивается у правительства издания в Казани за счет казны журнала «Мусульманское обозрение» (8–12 раз в год)²²⁶, чтобы противопоставить официальную политику правительства местным татарским, особенно демократическим, изданиям, которые во основном возникли после 1905 г.

Контент-анализ педагогических взглядов Н.А. Бобровникова показывает, что он рассматривает образование как первейшую потребность всякого человека, а общее направление образования определяется им с позиций соответствия требованиям, предъявляемым к общественному устройству государства. Он отмечает неразделимость «воспитания и учения» (педагогики и дидактики): «Всякий учитель есть вместе с тем и воспитатель, и всякий урок преследует не только учебные, но и воспитательные цели»²²⁷. Он стоит на прогрессивных позициях в трактовке вопроса о роли наследственности и среды формирования человека. Бобровников являлся сторонником введения в государстве всеобщего обучения в пределах начальной школы. Он утверждает, что школьная система должна отвечать потребностям народа: «в каждой культурной стране школа есть не результат более или менее остроумных и глубоких теорий, а ответ на коренные требования всего общественного строя, и <...>, следовательно, первый, самый жизненный вопрос школы – это прислушаться голосу общества, уметь разгадать требования народа усвоить правильную точку зрения на них»²²⁸.

---

²²⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 451. Л. 5–18.

²²⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7108. Л. 1–2.

²²⁷ Бобровников Н.А. Учебная сеть Казанской губернии. Казань, 1905. С. 5.

²²⁸ Бобровников Н.А. Из чтений на съезде учителей народных училищ Казанской губернии. Казань, 1882. С. 15.

Бобровников, в частности, предлагал следующую школьную систему:

1) основная школа с четырёхлетним сроком обучения для детей 8–12 лет (вместо прежней трехлетней); такая школа должна охватить всех детей и создаваться в каждом селении, имеющем 200–300 жителей;

2) училища повышенного типа (после основной начальной школы) с двухлетним сроком обучения и интернатом для детей в селах с населением 800 и более душ, которые обслуживают выпускников близлежащих начальных школ; для селений с числом жителей менее 200 Н.А. Бобровников предлагал иметь передвижных учителей по расчету на 2 селения один учитель, который поочередно подготавливал бы ребят то одного, то другого селения к поступлению во второй класс четырехлетней нормальной начальной школы.

Ведущими предметами начального обучения Н.А. Бобровников считал родной язык и арифметику; он также подчеркивал важность изучения таких предметов, как география, история, ручной труд и т. д. Например, о значении рисования он писал: «Иногда у нас не всегда используется до конца воспитательное значение уроков рисования. Между тем рисование имеет большое значение не только в эстетическом воспитании, но и в смысле умственного развития детей. Уроки рисования могут быть поставлены так, что они будут служить отличным средством для развития воображения детей»²²⁹.

В теории познания Н.А. Бобровников опирается на сенсуализм: «Все знания происходят из впечатлений, и, следовательно, всякое обучение должно быть ведено при помощи чувств»²³⁰. От впечатлений ученик переходит к актам суждения и к упражнениям ума. Бобровников считает, что переживание, осознание истинно предметного с помощью внешних чувств или непосредственно с помощью «внутреннего» чувства, есть не что иное, как условие для умственных суждений. По его мнению, восприятие осуществляется

---

²²⁹ Бобровников Н.А. Что такое хороший урок. Изд. 6. Казань, 1914. С. 7.

²³⁰ Бобровников Н.А. Из чтений на съезде учителей народных училищ Казанской губернии. Казань, 1882. С. 43.

а) чувствами, или через наглядность; б) умом, т. е. без посредства доказательства; в) нравственностью – непосредственно совестью²³¹.

Следуя за И.-Г. Песталоцци, Н.А. Бобровников распространял идею целостного воспитания через обучение; по его мнению, воспитывающим обучением называется такое, при котором учитель, сообщая знания, думает о том, чтобы, ученик, усваивая эти знания, развивал свои духовные силы. Исходя из принципа целостного воспитания, Н.А. Бобровников считает, что физическая культура и спорт необходимы не только для телесного воспитания детей. Он пишет: «Преподавание гимнастики может быть так поставлено, что будет иметь и нравственное воздействие – развивать в детях чувство дисциплины»²³².

Н.А. Бобровников является автором одной из первых работ, посвященных проблеме урока. Его книга «Что такое хороший урок» (Казань, 1898) выдержала многократное издание и сыграла положительную роль в методическом оснащении учителей и преподавателей. Тема урока в школе встречается и во многих других его работах.

К уроку Н.А. Бобровников предъявляет высокие требования. Например, главная часть урока должна быть отведена изучению нового материала, усвоению новой темы. Тема урока должна иметь внутреннее единство и выражать законченную мысль программного материала. Урок должен иметь четкий план, который нужно озвучить в самом начале урока. При анализе урока необходимо подойти к нему с точки зрения содержания. Показателем же качества урока является активность учащихся. Важным условием хорошего урока является поддержание внимания учащихся во время изучения нового материала. Во время урока не рекомендуется вызывать ученика для ответа к столу преподавателя и т. д.

---

²³¹ Там же, с. 46.

²³² Бобровников Н.А. Что такое хороший урок. Изд. 6. Казань, 1914. С. 7.

Н.А. Бобровников критикует основной порок урока того периода, который состоял в опросе пройденного материала и задании на дом. Он рекомендует давать на дом самостоятельные работы только по одному предмету, не перегружая учеников домашними работами.

Урок, по Н.А. Бобровникову, должен включать четыре элемента: во-первых, переход от прежде изученного материала к новой теме (учитель предлагает классу вопросы по ранее изученной теме, которые закономерно подводят к изучению новой темы; на это должно быть отведено 5–6 минут урочного времени); во-вторых, изложение новой темы с многократными обращениями к классу; все, что ученики должны были запомнить, следует написать на доске; в-третьих, усвоение новой темы; в-четвертых, формирование связи нового материала с прежде изученным, опрашивание учеников по изученному.

Н.А. Бобровников все уроки в начальной и средней школе предлагает делить на два вида: 1) уроки, сообщающие ученикам сведения о фактах и явлениях, имеющих между собой четкую логическую связь (теоретический материал), 2) уроки, создающие и запечатлевающие в сознании ученика образ того или иного предмета или явления.

Качество любого урока во многом зависит от личности учителя, от уровня его педагогической культуры. Прежде всего учитель должен обладать сердечной добротой («Без доброты нельзя быть учителем, ни даже порядочным учителем»²³³). С добротой Бобровников связывает и компетенции преподавателя – в частности, такие, как умение облегчить работу детей. Он предлагает «заглянуть» в их мысли, учитывать «думы и чувства» учеников, использовать общеизвестные педагогические правила «от простого к сложному», «от конкретного к абстрактному» и прочие. Не менее важны твердый, ясный ум учителя и отличное знание им своего предмета.

---

²³³ Бобровников Н.А. Что такое хороший урок. Изд. 6. Казань, 1914. С. 48.

Следует отметить еще одно направление работы Н.А. Бобровникова, которое имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования. Занимаясь вопросами методики преподавания языков в начальной школе, Н.А. Бобровников рассматривает их применительно к изучаемому предмету, типу школы и поставленным перед ней целям, – с учетом возрастных особенностей детей. Он пишет: «Методика – это, во-первых, определенное понимание той или иной науки в смысле учебно-воспитательного [предмета – *Т. Х.*] в ряду других предметов, во-вторых, предположение о способах, какими эта наука может быть усвоена учащимися»²³⁴. Например, в методике обучения русскому языку он считал приоритетным развитие речи и мышления детей, предостерегая от увлечения формальной грамматикой и орфографией. Тем не менее ученый разработал целостную методику обучения орфографии.

В период педагогической деятельности Н.А. Бобровникова между сторонниками натурального и грамматического методов велись споры и научные дискуссии о методах преподавания русского языка в нерусских школах. Характер натурального метода ученый определяет так: «Учись чужому языку так, как ты учился языку своей матери»²³⁵. Преподавание по натуральному методу ведется следующим образом: учитель совсем не говорит на языке, на котором говорят дети, в класс приносится какой-либо предмет или рисунок, дети рассматривают и за учителем учатся называть сам предмет и слова, связанные с ним. То есть урок строится на наглядности и устном разговоре.

Н.А. Бобровников не игнорирует и значение грамматического метода обучения неродным языкам, считая его хорошим для самообразования и для занятий со взрослыми, но малоприменимым для занятий в начальной школе: «натуральный метод – это полное изгнание из школы природного языка детей, это учитель, не знающий местного языка...»²³⁶.

---

²³⁴ Там же, с. 58.

²³⁵ Там же, с. 108.

²³⁶ Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. 241.

Итак, в педагогическом наследии Н.А. Бобровникова, несмотря на его миссионерские установки, имеется много ценных общедидактических и лингводидактических положений, представляющих практический интерес и для учителей школ в современных условиях особенно, в преподавании русского языка как не родного и иностранных языков. Его воззрения о творческом ведении урока, о лингводидактических упражнениях, о системе самостоятельных работ учащихся и развитии активности их мышления в учебном процессе представляются важными элементами для обогащения педагогической культуры.

Таким образом, вклад русских педагогов и миссионеров в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья можно охарактеризовать как весьма существенный.

2.4. Влияние джадидизма на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XIX – начала XX в.

Отмена крепостного права в России в 1861 г. изменила политико-правовую и социально-экономическую ситуацию также и в регионах проживания татар-мусульман Поволжья и Приуралья. В пореформенный период как татарская культура в целом, так и татаро-мусульманская педагогическая культура наполняются новым содержанием. Реформаторские преобразования при всех недостатках и ограниченности создавали новые, более свободные и демократичные правила и перспективы развития педагогической культуры, ее компонентов и функций. Реформы послужили мощным толчком к развитию; это стало результатом взаимодействия двух аспектов: с одной стороны, понимания необходимости радикальных идейных трансформаций, с другой – сохранения мощной консервативной формации, основанной на самобытных традициях и обычаях татар-мусульман в воспитании подрастающего поколения.

О необходимости реформирования системы национального образования заявили многие видные представители татарской просветительской мысли, педагоги – Ш. Марджани, Х. Фаизханов, И. Гаспринский, Р. Фахретдин и др.

Еще в середине XIX в. выдающийся ученый, педагог и богослов Ш. Марджани выступил против господствующего в татарских мектебе и медресе догматизма и схоластики, за изучение светских дисциплин и русского языка: «Для будущности нашего народа, обеспечения ему возможности управления собственными делами и избавления его от вечного гнета на арене жизни мы нуждаемся в европейских знаниях, просвещении, культуре и промышленности. Весьма полезна для нас учеба в европейских школах. Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть. Знание и просвещение не знают ни национальных, ни языковых границ»²³⁷.

Было разработано несколько проектов реформирования татарских медресе и создания высшего учебного заведения для татар-мусульман, но наиболее ярко идеи реформирования национального образования проявились в джадидистском движении, начавшемся с борьбы за введение нового «звукового метода» обучения грамоте. И как следствие в 70 гг. XIX в. возникает джадидистское течение как движение реформы татаро-мусульманского образования в Поволжье и Приуралье.

Внедрение «ысул джадид», (от арабского «джадид» – новый, «ысул» – метод, методология) – нового звукового метода обучения грамоте – стало одним из первых компетентностных нововведений в культуре преподавания татар-мусульман. Сторонников нововведений в мусульманских школах, стали называть джадидистами, а конфессиональные школы нового типа называли джадидскими²³⁸. Как это часто бывает, новаторские преобразования

---

²³⁷ Ал-Марджани Ш. Ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-‘акаид ал-ханафиййа. Казань : Типография Вечеслава, 1888. С. 57.

²³⁸ В научной литературе прилагательные «джадидский» и «джадидистский» встречаются в сходных контекстах.

наталкивались на сопротивление: не все участники образовательного процесса были готовы к изменениям в устоявшейся системе.

Сторонников старого метода обучения грамоте по складам стали называть «ысул кадим» (от арабского «кадим» – старый метод). Процесс чтения слогов по старому состоял в «складывании» букв, поэтому и сам метод обучения назывался буквослагательным.

Новый метод обучения в конфессиональных школах отличается от старого метода, что центральным понятием звуковой методики является звук. Поэтому эта методика получила соответствующее обозначение – звуковая методика. Каждой букве арабского алфавита присваивался звук, например, «алиф» – [а], [э], «бе» – [б], «те» – [т] и т. д. После изучения всех этих букв в новую методику входило объяснение, как эти буквы пишутся в начале, в середине и в конце слова. Таким образом, ученик одновременно учился читать и писать изучаемые буквы, складывать из звуков понятные слова. Использование звукового метода значительно сокращало продолжительность обучения. Учащиеся обретали необходимые знания и умения в два раза быстрее, чем по традиционной методике. Методические новшества, помимо упрощения учебного процесса, заметно сокращали срок учебы – с шести-семи лет до двух-трех.

Первые так называемые светские школы с новыми методами звукового обучения появились у поволжских татар в 70 гг. XIX в. благодаря просветителю педагогу Каюму Насыри (Абделькаюму Насырову) (1825–1902), открывшему первую в Казани школу по обучению русскому языку мусульманских детей с использованием нового метода преподавания неродного языка (подробнее о нем в параграфе 3.3).

Трансформация педагогической культуры не ограничилась только новой методикой в джадидских учебных заведениях, а укреплялась введением и других изменений в организацию образовательного процесса татарских медресе, основанных на изучении и анализе передового опыта российских, европейских, американских, турецких педагогов. Появились такие инновации, как

распределение учащихся по классам, расписание уроков, классные доски и журналы, дидактический наглядный материал, экзамены в конце учебного года, был установлен курс обучения в мектебе (2 года) и определен возраст поступающих (7 лет) и т. п., чего не было в старой школе. Изменения происходили во всей системе конфессионального образования на начальной и средней ступенях, в профессиональной подготовке учителей.

Эти процессы способствовали улучшению результатов образовательной деятельности: повысился уровень обучения, улучшилось качество преподавания, многое изменилось во внутренней жизни учебных заведений, происходила демократизация школы. К примеру, в Иж-Бобьинском медресе Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Агрызский район Татарстана) впервые был введен метод самоуправления: в начале каждого учебного года шакирды методом открытого голосования выбирали комитет, который занимался всеми вопросами, касающимися жизни шакирдов. «Шакирды могли выражать свое мнение по религиозным вопросам, организовывали свою жизнь, досуг, по четвергам по заранее подготовленной программе проводились тематические вечера»²³⁹.

В результате преобразований, начавшихся с изменения методики преподавания, медресе перешли в совершенно новое качественное состояние, сопровождавшееся пересмотром всех устаревших норм. Одно новшество порождало другое; пересматривались и вопросы финансирования конфессиональных учебных заведений: на первое место ставилась необходимость регулярного финансирования учебных заведений мусульманских общин России. «Мухаммад Фатих Карими (1870–1937), один из тех редких реформистских мыслителей, которые теоретически обосновали финансирование общинных учреждений, предупреждал своих современников, что этот вопрос

---

²³⁹ Мостакаев Г.Х. Некоторые воспоминания о медресе «Иж-Бобья». Ташкент, 1966. Цит. по: Педагоги Бобинские и Иж-Бобьинское медресе. Историко-документальный сборник (на татарском языке). Казань : Рухият, 1999. – С. 178.

имеет не менее важное значение, чем само содержание школьных программ»²⁴⁰. В рамках махалли (населенных пунктов) стали создаваться Мутаваллият (с арабского – попечительские советы), они финансировали образовательные учреждения. К примеру, в проекте устава Оренбургской мусульманской духовной семинарии «Медресе Хусаиния», основанной и существовавшей на средства братьев Хусаиновых, в разделе «Общие положения» указывается на то, что создается попечительский совет по заведыванию капиталами и имуществом, завещанными умершим купцом Ахмедом Хусаиновым. Устав попечительского совета был утвержден министерством внутренних дел. Кроме завещанных средств, в проекте указывается на «суммы, получаемые от учеников за право учения, за пансион, и специальные пожертвования»²⁴¹.

Разумеется, эти учебные заведения оставались конфессиональными. Все богословские науки, которые преподавались в старой системе, изучались и в новометодных медресе, но все было упорядочено. В новой образовательной системе для каждого уровня был определен объем минимальных знаний и круг дисциплин, который изучался всеми обучающимися соответственно установленной программе. Кроме богословских наук, было введено преподавание родного языка и общеобразовательных предметов: преподавались география, история, арифметика, физика, геометрия, природоведение, гигиена, Коран²⁴². Хотя и в старой школе существовало преподавание светских дисциплин, но теперь все систематизировалось, улучшалось, по каждой дисциплине был определен минимальный уровень знаний.

---

²⁴⁰ Муаллим ва мураббиларах-нама (Оренбург, 1902), глава «Наши мактабы и наши медресе». Цит. по: А. Дюдуаньон. Кадимизм : элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и Мавераннахре // Ислам в татарском мире. История и современность. Материалы международного симпозиума. Казань: «Панорама-форум», 1997. С. 55–63.

²⁴¹ Устав и программа Мусульманской духовной семинарии «Медресе Хусаиния»: пер. с татарского языка. Казань : Иман, 1998. С. 4.

²⁴² Из программы, изложенной в книге «Рухбар мугаллимин яки мугалимлэре юлдаш» («Помощник учителю») – справочнике для учителя джадидисткой школы, выпущенном в 1898 г. И. Гаспринским, где в число предметов входили чистописание, письмо, чтение на тюркском и арабском языках, счет в размере четырех действий арифметики, тюркская морфология, основы веры.

В джадидском медресе «Мухаммадия» г. Казани, основу которого заложил Галимджан Баруди, учебный процесс был разделен на несколько ступеней: ибтидайя (с арабского языка – начальное) – подготовительный класс и 5 лет обучения; санавия (с арабского языка – среднее) – 6 лет обучения; галия (с арабского языка – высшее, или возвышенное) – трехлетнее обучение. С 1912–1913 учебного года к среднему отделению было добавлено игдадия (продвинутое среднее), которое давало право на преподавательскую деятельность, что было равнозначно получению среднего специального педагогического образования. В письме Казанского учебного округа департаменту народного просвещения указывается, что в этом медресе впервые началось преподавание светских дисциплин, а мулла-джадидист «пригласил в медресе по-новому мыслящих преподавателей и ввел новый, звуковой метод обучения».

Исследования показывают, что в учебных программах, учебных изданиях новометодных медресе уже точно определены цели и задачи, а также содержание профессионального образования. Получаемые в среднем отделении новометодных медресе объем и качество знаний были достаточными для того, чтобы шакирды могли преподавать в татарских начальных учебных заведениях.

По окончании новометодных учебных заведений (то есть высших отделений медресе) шакирдам стали выдавать дипломы. Постепенно каждое медресе начинало специализироваться в каком-либо направлении – гуманитарном, экономическом. В программах религиозные дисциплины сочетались с общенаучными дисциплинами по направлению подготовки специалиста.

Новометодные учебные заведения стремились отвечать социально-экономическим условиям и готовить своих выпускников в соответствии с современными требованиями жизни при сохранении мусульманской идентичности.

Необходимо заметить, что долгое время мусульманские школы не принимали никаких новшеств, считая их пустым времяпрепровождением и не

богоугодным занятием. «Хорошими» тогда считались школы со строгой дисциплиной и неизменными программами. Инспектор народных училищ Казанской губернии сообщает попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову «о мерах к распространению знания русского языка между магометанами»: открытие русских классов при медресе «не приведено и не приводилось в исполнение, с одной стороны, по неимению в руках инспектора народных училищ средств побудить магометанские общества к открытию классов русского языка при мектебе и медресе; а с другой – по равнодушию, с которым относилось до сих пор земство к вопросу о развитии русской грамотности между магометанами»²⁴³.

Для развития педагогической культуры татар-мусульман шагом вперед стало выступление в русской прессе в 1880 г. идейного основателя джадидского течения Исмаила Гаспринского²⁴⁴ с предложением обучения детей по-новому, облегченному звуковому методу и создания сети специальных учебных заведений для тюрко-мусульман Поволжья и Приуралья. Предлагая преобразовать 10 мусульманских учебных заведений в десяти крупных городах с татарским населением путем введения в них преподавания на татарском языке общеобразовательных дисциплин: географии, истории, естествоведения, арифметики с планиметрией, основ педагогики, русского законоведения и других предметов, он выстраивал пути повышения уровня культуры и образования народов, исповедующих ислам. Преподавателями в новометодных учебных заведениях, по мысли автора проекта, должны были стать выпускники восточного факультета Петербургского университета и Лазаревского института восточных языков²⁴⁵.

Преобразования в системе конфессионального образования привели к необходимости изменений в подготовке преподавателей. С целью подготовки

---

²⁴³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 4–7 (об.)

²⁴⁴ В 1883 г. Исмаил Гаспринский открыл в городе Бахчисарае школу «Ходжаи-Сабиян» с новым джадид-методом обучения.

²⁴⁵ Ганкевич В.Ю. Крымскотатарские медресе: Курс лекций. Симферополь : Доля, 2001. С. 13.

учителей для русских классов начальных школ были учреждены в 1875 г. в Уфе, в 1876 г. в Казани татарские учительские школы (КАТУШ). В 1877 г. подобная школа была открыта в Оренбурге. Основанием для открытия учительских школ стало «Положение о татарских учительских школах» от 27 марта 1872 г.²⁴⁶. Особенностью этих школ было то, что вводились предметы светского характера: история, география, естествознание, арифметика, гигиена, сельское хозяйство. На содержание этих школ правительство выделяло ежегодно по 20000 рублей, (точнее, в 1876 г. КАТУШ было выделено 16 тыс. 520 руб. и 3 тыс. на наем помещения²⁴⁷). Все предметы в этих учебных заведениях велись на русском языке, кроме мусульманского вероучения. Обучение основам ислама в Казанской татарской учительской школе в 1890-е гг. «заключалось в изучении религиозных книг: в 1-м классе – «Мухтасар» (учение о соблюдении чистоты, молитвах, раздаче милостыни, браке, разводе, торговле) и чтение Корана; во 2-м классе – «Гакаид» (учение о Боге и об обязанностях правоверного в отношении к Богу); в 3-м классе – «Гайнуль-Гильм» (собрание правил поведения в жизни: об отношении мулл к ученикам, отца к детям, мужа к жене, детей к родителям); в 4-м классе – «Фараиз» (о разделе имущества, оставшегося после умершего)»²⁴⁸. Казанскую татарскую учительскую школу, Оренбургскую учительскую школу и Уфимские женские и мужские учительские школы по ряду параметров можно отнести к конфессиональным педагогическим учебным заведениям: этнический состав учащихся (татары, башкиры, казахи), преподавание мусульманского вероучения, получение выпускниками права преподавать мусульманское вероучение в начальной школе. Именно поэтому эти учебные заведения постепенно приобретали признание у мусульман, и им принадлежало видное место в новом джадидитском движении в образовательной среде.

---

²⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XLVII. СПб., 1875. С. 348–351.

²⁴⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12335. Л. 6–6 об.

²⁴⁸ Траубенберг П.В. Татарская учительская школа в Казани. Казань, 1890. С.19–20.

За период работы с 1876 по 1917 г. Казанскую татарскую учительскую школу окончили более 350 человек. Д. Валидов пишет о высоком уровне преподавания в этой профессиональной школе: «Она поставляла не только хороших педагогов, но и видных общественных и политических деятелей; шакирды стремились туда не столько за дипломом и хорошим казенным местом, сколько с целью просветить себя научными знаниями и служить своему народу на общественно-политическом или научно-литературном поприще»²⁴⁹.

Таким образом, учительские школы сыграли прогрессивную роль в культурном развитии татар, они стали подлинными культурно-образовательными центрами формирования татаро-мусульманской интеллигенции, важной составляющей педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в конце XIX в.

Проявлением огромного влияния джадидизма на процесс ускорения развития педагогической культуры в Поволжье и Приуралье стало введение изучения татарского языка в учебных заведениях и переход к преподаванию общеобразовательных предметов на родном языке. Одним из первых внедрять преподавание татарского языка начал меценат и просветитель Гани бай Хусаинов (в 1898 г.). Повсеместный переход к татарскому языку стал осуществляться после Уфимского совещания (1899), принявшего решение об обучении на материнском языке. Последователи же нового метода призывали единоверцев «осмыслить свою веру, очистить ее от суеверий и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сфере и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности»²⁵⁰.

Изучение татарского языка и обучение на родном языке учебным дисциплинам, по сравнению с преподаванием на арабском языке, явилось

---

²⁴⁹ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. С. 34.

²⁵⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 99. Л. 1 (об).

прогрессивным, ибо, во-первых, обучение в медресе стало осмысленным и доступным, а во-вторых, оно приобретало национальный компонент.

О национальном компоненте джадидских медресе свидетельствуют не только данные об изучении родного языка и литературы, но и национально направленные учебники и методическая литература. По данным академика А. Г. Каримуллина, только в 1913 г. на татарском языке вышло 46 таких изданий по истории, 71 по языкознанию, 6 экономике и коммерции, 15 изданий философского характера, 20 по педагогике, 9 по техническим и прикладным наукам, 33 по естествознанию, по 8 книг по химии, астрономии и математике. В начале XX в. действовало множество медресе и мектебе, обучающих по джадидским методам (к 1910 г. по этим методам обучали почти в 90% конфессиональных мусульманских школ Казанской губернии²⁵¹).

Точкой роста педагогической культуры татар-мусульман Приуралья в первой половине XIX в. стал один из центров мусульманского образования – медресе в деревне Стерлибаш, основанное в XVIII в. Рассвет медресе связан с именами мударрисов Нигматуллы Тукаева (1772–1844), его сыновей Мухаммадхариса (1810–1870) и Мухаммадхарраса (1814–1871), воспитанников бухарских медресе, сторонников и учеников известных татарских религиозных реформаторов Г. Курсави и Ш. Марджани. Их стараниями местное медресе превратилось в благоустроенное учебное заведение. К середине 60-х гг. XIX в. были выстроены новые здания, а их число достигло 25²⁵².

Директор училищ оренбургской губернии Попов об этом медресе сообщает так: «Иногда медресе состоит из многих школ, помещающихся в разных зданиях, каково, например, медресе в деревне Стерлибаш Стерлитамакского уезда. Эти отделения состоят в ведении учеников муллы, получающих за свои труды от учащихся вознаграждение, которое, конечно,

---

²⁵¹ Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань, 1992. С. 22–24.

²⁵² Там же, с. 18.

состоит не из денег, а из разного рода продуктов и при том в самом ограниченном количестве»²⁵³.

При медресе комплектовалась богатая библиотека. К преподаванию привлекались талантливые учителя. Совершенствовалась методика преподавания, поощрялись различные нововведения. Высокий уровень преподавания, демократический дух школы привлекали молодежь со всей округи, а также из Казахстана и Средней Азии. И в пореформенный период медресе сохранило свои традиции и славу, высокие стандарты образования. Академик В.В. Бартольд, посетивший Стерлибашевское медресе в 1913 г., назвал его одним из главных центров мусульманской науки в России. До закрытия в первые годы советской власти медресе подготовило сотни священнослужителей, учителей, писателей, общественных деятелей. В их числе М. Акмулла, Г. Чокрый, Г. Рафики, Т. Янаби, М.Ш. Тукаев, Р. Султанбеков и др. В башкирских и татарских деревнях Южного Урала было свыше 600 мектебе и медресе с более чем 20 тыс. учащихся²⁵⁴.

Активная деятельность передовых представителей татарского общества в направлении просвещения населения нашла отражение и в циркулярах Казанского учебного округа за 1911 г.: «В жизни конфессиональных татарских училищ начинают происходить некоторые изменения: учреждаются новометодные мектебе и медресе, в которых наряду с религиозным образованием, пытаются ввести преподавание по общеобразовательным предметам... Несомненно только одно, что у татар есть стремление к усвоению культуры и просвещения, и этому необходимо содействовать всеми возможными мерами»²⁵⁵.

---

²⁵³ Записка об образовании мусульман Оренбургского края // Сб. документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1869. С. 459.

²⁵⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90 гг. XIX в. М. : «Наука», 1994. С. 18.

²⁵⁵ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1461. Л.76.

Вскоре такие крупные города Поволжья и Приуралья, как Казань, Оренбург, Уфа, становятся центрами джадидской образованности и просвещения. Среди них прежде всего следует выделить такие медресе, как «Мухаммадия» и «Апанаевское» (Казань), «Хусаиния» (Оренбург), «Расулия» (Троицк), «Галия» и «Усмания» (Уфа), «Буби» (с. Иж-Бобья Вятской губернии) и др. Программа этих учебных заведений включала в себя преподавание религии на основе Корана и Сунны, истории, а также ряда научных дисциплин.

Важно то, что на территории Российской империи с компактным проживанием татар начали функционировать джадидские школы и для юношей, и для девушек.

Одной из особенностей татаро-мусульманской педагогической культуры стало то, что джадидисты поставили вопрос не только о начальном обучении девочек²⁵⁶, но и получении ими национального среднего образования. Так, к началу XX в. в Казани существовали женские школы Аитовой, Хусаиновой, Муштариевой, Сайфуллиной, Габитовой, Амирхановой и др. В 1907 г. женская школа была открыта в деревне Иж-Бобья, в 1909 – женские гимназии в Троицке, Оренбурге и др. Предоставление женщинам широких возможностей для получения образования и повышения культуры является одним из необходимых условий прогресса нации, так как женщина выступает первым воспитателем детей. Развитие женского образования отражало новые прогрессивные сдвиги в педагогической культуре татар-мусульман Волжско-Уральского региона. Таким образом, джадидистское движение отвечало требованиям нового времени, связанным с изменением роли и места женщин в обществе.

Политика царского правительства была такова, что татары никак не могли иметь общеобразовательные школы. В результате, народ был обречен на отсталость, не мог приобщиться к передовым методам производства и хозяйствования, достижения науки и культуры становились для него

---

²⁵⁶ Традиционно девочек чтению обучала на дому жена муллы (абыстай).

недостижимы. Царское правительство, преследуя имперские цели, под видом борьбы с пантюркизмом и панисламизмом препятствовало даже введению общеобразовательных дисциплин в программы конфессиональных школ. Так, «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае», созванное премьер-министром П.А. Столыпиным (1862–1911) в 1910 г., постановило «устранить из конфессиональных мусульманских школ (мектебе и медресе) предметы преподавания общего характера, в том числе и русский язык, ограничив программу преподавания в означенных школах исключительно предметами, относящимися к изучению мусульманского вероучения, подчинив их в отношении соблюдения этого требования общему учебному надзору»²⁵⁷.

Против просвещения татарского народа выступали не отдельные чиновники или миссионеры, а высшие должностные лица государства. Как пишет А.Ю. Хабутдинов, за 40 лет всевозможных реформ царская Россия так и не создала систему обязательного начального образования на всей территории империи. Хотя «одна из закономерностей истории гласит: в странах, где всем гражданам доступна хотя бы начальная школа, не происходит социальных революций»²⁵⁸.

Но, несмотря на готовность теологов к реформам преподавания в мектебе, уровень образования более не удовлетворял образованную молодежь. «В ответ на требования шакирдов изучать медицинское, инженерное дела, максимум, что могли ввести в программу медресе, это практически все дисциплины, входящие в курс общеобразовательной средней школы»²⁵⁹.

Как отмечает Г. Баязитов в ряде своих статей, более всех свое недовольство состоянием образования выражали именно учащиеся джадидских медресе, программы обучения которых были изменены в сторону увеличения числа

---

²⁵⁷ Махмутова А. Проект, не успевший стать законом // Эхо веков. 2001. № 1–2. С. 41.

²⁵⁸ Хабутдинов А.Ю. Родной язык: 100 лет классическим учебникам // Медина аль-Ислам. 2010. № 103.

²⁵⁹ Баязитов Г. Безнең медресэләр // Нур. 1906. 1 апр.

общеобразовательных дисциплин²⁶⁰. Так, в медресе «Мухаммадия», «Хусаиния», «Галия» в начале века преподавались русский язык, история, математика, физика, география, черчение, юриспруденция, психология, этика, гигиена, риторика, педагогика. Татарское общество проявило высокую степень мобильности и смогло создать учебные заведения, использовавшие в преподавании последние достижения отечественной и мировой дидактики.

Учащиеся медресе – шакирды – организовывали публичные выступления, участвовали в массовых народных волнениях. Активность шакирдов была наиболее высока в Казани, где уже в 1901 г. в медресе «Мухаммадия» создается общество «Иттихад» («Единение»), которое своей основной целью ставит объединение всех казанских шакирдов с целью реформирования учебных заведений в свете современных требований, то есть европеизации татарского школьного образования. Это был прежде всего своеобразный вызов правительственной политике подавления всех светских начинаний в татарском обществе. Подпольные ученические организации возникли и в ряде других городов Поволжья и Приуралья (Уфа, Уральск, Троицк и др.). Большой резонанс получило забастовочное движение шакирдов, охватившее 10 из 11 медресе в Казани и продолжавшееся в течение месяца. По сведениям Р.У. Амирханова, в нем участвовало до 1,5 тыс. шакирдов²⁶¹. «Они, как и свои русские ровесники, хотят получить светское образование в гимназиях и университетах, стать техниками, механиками, юристами, инженерами, врачами, фармацевтами, быть наравне с ними»²⁶². В условиях жесточайшего запрета национальной светской школы прогрессивные желания шакирдов активизировали процесс поиска новых путей передачи и получения знаний, ускорили освоение идей, связанных с обновлением образования, широкими массами педагогов, богословов, мусульманских учителей.

---

²⁶⁰ Баязитов Г. Мәдрәсә һәм шәкертләр // Нур. 1906. 21 марта.

²⁶¹ Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. Казань : Татарское книжное издательство, 2005. С. 25.

²⁶² Баязитов Г. Безнең мәдрәсәләр // Нур. 1906. 1 апр.

17 апреля 1905 г. был опубликован именной Указ императора Всероссийского Николая II Правительствующему сенату «Об укреплении начал веротерпимости». Указ о свободе вероисповедания стал первым в ряду российских государственных актов XX в., призванных реформировать отношения между религиозными организациями и государством. Он предусматривал пересмотр законоположений мусульманского сообщества: «...признать подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания»²⁶³. Для «иноверных лиц нехристианского исповедания» указ рассматривал возможность разрабатывать вопросы, касающиеся жизни мусульман, и составлять законопроекты, безотлагательно и напрямую представляя их Государственному Совету и даже не согласуя с ведомствами. В частности, это касалось таких вопросов: «а) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий; б) о порядке избрания и назначения должностных лиц Магометанского духовенства, приходских и высших; ... г) о порядке открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе»²⁶⁴.

Одним из проявлений Указа стало разрешение на создание для татар национального печатного органа. Правительство Российской империи разрешило ахунду города Петербурга Гатаулле Баязитову, коллежскому асессору, переводчику Азиатского департамента министерства иностранных дел, удостоенному многих высших орденов России, издавать газету на татарском языке. 2 сентября 1905 г. стало днем рождения татарской периодической печати: вышел первый номер газеты «Нур» («Луч») ²⁶⁵.

Открыв новую эпоху в развитии татарской общественно-культурной жизни, эта газета стала отправной точкой ускорения развития педагогической

---

²⁶³ Именной высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год] : В 33-х т. СПб.; Пг. : Гос. тип., 1885–1916. С. 258–259.

²⁶⁴ Там же, с. 262.

²⁶⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1989. Л. 28.

культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в начале XX в. Появление на российском пространстве газеты на татарском языке можно было бы сравнить с появлением Интернета в современной жизни, так как до этого возможности получения ежедневной разнообразной информации на родном языке у татар не было.

С начала издания первой газеты к 1917 г. было уже 63 наименования газет и журналов, издававшихся на татарском языке²⁶⁶. Так, в 1906 г. насчитывалось восемь новых татарских газет, из них пять выходили в Казани: «Юлдуз», «Азат», «Баянель-хак», «Ган йолдызы», «Азат халык». Однако только около десяти из периодических изданий – «Нур», «Идел» («Волга»), «Урал», «Фикер» («Мысль») и другим – удалось сохранить непрерывный выпуск²⁶⁷.

Анализ содержания названных периодических изданий показывает, что в них пропагандировались достижения зарубежных систем образования, новые методы и приемы преподавания, которые потом использовались при разработке новых программ и учебников для медресе.

Так, в Казани 1913–1914 гг. регулярно издавался первый татарский специализированный научный журнал, посвященный вопросам образования и воспитания, «Мектеб» («Школа»), который состоял из 20 номеров в год. Редактором этого педагогического журнала был Шигаб Ахмеров. До этого у тюркоязычных народов России не было сугубо научных журналов, создающих на своих страницах особую информационную среду и поле профессионального общения ученых-педагогов. Журнал можно отнести к классическому периоду становления и развития национальной педагогической культуры, который был ознаменован появлением научной педагогической периодики у татар-мусульман. Этот журнал знакомил читателей и опытом зарубежной педагогики. Показательны, например, заголовки статей в номере 4 от 20 марта 1914 г.: наряду

---

²⁶⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 451. Л. 90.

²⁶⁷ Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань : Тат. кн. изд-во, 1974. С. 262.

со статьями «Уроки религии в наших школах», «Родной язык в наших школах», «Вопросы правописания», «Учебные предметы в начальных школах» здесь опубликована статья Халиля Абдульхана «Американская методика начального образования»²⁶⁸. Это статья выходила частями в нескольких номерах журнала, в ней описывались новейшие иллюстративные приемы обучения иностранным языкам – так называемый «прямой метод».

Сам факт издания специализированного научно-ориентированного средства массовой информации указывает на то, что в начале XX в. татарская нация была готова к качественным преобразованиям общественного сознания и, следовательно, к модернизации национальной педагогической культуры. Считаем, утверждение чиновника Министерства просвещения Н.А. Бобровникова в 1917 г., будто мусульманские школы были полностью конфессиональными, совершенно неверно. Впрочем, он сам отмечает: «Даже в школах, работающих в самых дальних уголках России, можно найти учебники, по которым обучают учащихся по новому звуковому методу, а также книги для чтения по светским наукам. Везде преподается арифметика, во многих случаях и история, проводятся уроки пения. Так что мектебы по курсу в той или иной степени приближаются к русским средним школам»²⁶⁹. К этому следует добавить, что в новометодных школах активно внедрялся русский язык.

Таким образом, в начале 70-х гг. XIX в. в Поволжье и Приуралье возникает джадидистское течение как движение реформы мусульманской школы. Прогрессивно настроенная интеллигенция, понимая, что сохранение традиционной замкнутости в меняющихся условиях могло привести к серьезному кризису, осознавала необходимость модернизации педагогической культуры для дальнейшего развития татаро-мусульманского общества.

---

²⁶⁸ Мектеб: 1914 год. № 1–5 : пер. с татар. Казань : Школа, 2004. С. 117.

²⁶⁹ Бобровников Н.А. Конфессиональные школы мусульман // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 2. С. 62.

Джадидисты добивались преодоления косности сознания мусульман прежде всего через медресе и мектебе, вводя там преподавание светских наук при сохранении основ религиозного образования и воспитания. Этим самым они добивались сохранения социокультурной уникальности татаро-мусульманской педагогической культуры при одновременной ее модернизации. «Самая важная и достойная проблема эпохи прогресса, – писал Ш. Культаси, – проблема обучения и образования... Благодаря облегчению и совершенствованию методов обучения и воспитания цивилизованные страны обеспечили подготовку тысяч ученых и высокообразованных наставников, мыслителей и врачей, сотен инженеров и астрономов, географов и историков, политиков и военных специалистов, химиков и мореплавателей, мастеров пера и коммерсантов, земледельцев и промышленников»²⁷⁰.

Оканчивая джадидские медресе Казани, Оренбурга, Стерлибаша, Кшгары и др., шакирды распространяли знания не только в Поволжье и Приуралье, но и в Сибири, Казахстане, у тюркских народов Средней Азии и Кавказа.

Выводы к главе 2

Во второй главе выявлены и охарактеризованы факторы, оказавшие значительное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

К таким факторам относится трансформация этноконфессиональной политики российского государства, начатая в период правительства Екатерины II с конца 60-х гг. XVIII в. с объявления свободы вероисповедания, отмены насильственного крещения, разрешения мусульманам строить мечети и открывать при них школы. Изменения в имперской политике по отношению к представителям мусульманской конфессии в конце XVIII в. стали важнейшим

---

²⁷⁰ Култаси Ш. Новый метод. Казань, 1896. С. 58.

катализатором повышения уровня системы образования мусульман и поворотным моментом для развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Следующим фактором развития педагогической культуры явилась деятельность открытого в 1804 г. Казанского университета как центра изучения и просвещения всех народов региона. Ориентированный на подготовку кадров для Востока России, Казанский университет готовил европейски образованную татарскую национальную элиту, заложил основы для развития высшего педагогического образования в Поволжье и Приуралье. Функционируя как авторитетный научно-методический центр, он оказал большое влияние в том числе и на педагогическое образование, так как его профессора и выпускники участвовали в формировании правительственной политики, в общественных инициативах и в формировании основных концепций, легших в основу педагогических учебных заведений, определив их становление и развитие.

Огромное значение для повышения уровня образования не только татар, но и всех тюркских народов Российской империи имела Казанская Азиатская типография, способствовавшая широкому распространению передовых научных трудов и учебно-методической литературы. Типография стала субстанциональным фактором для процесса развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Весомым фактором развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в. был вклад русских педагогов и просветителей. Их вклад в развитие педагогической культуры татар-мусульман можно охарактеризовать как своеобразный «адаптер», в котором интегрировались и взаимодополнялись религиозный и светский аспекты жизни общества.

Под воздействием русских педагогов, миссионеров педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья по своей силе и мощи воздействия на умонастроения татарского общества вышла далеко за рамки

традиционного общекультурного явления, связанного с проблемами распространения знаний, расширения системы народного образования и воспитания следующих поколений.

Еще одним фактором развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья с 80-х гг. XIX в. стало джадидистское течение как движение реформы татаро-мусульманской школы и педагогической мысли. Совокупность последствий, связанных с джадидизмом и обусловивших стремительный рывок развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, выражается в следующем: а) реформирование религиозного образования, которое приобрело просветительский характер и позволило сформировать новую систему национального образования; б) трансформация мусульманского образования, перешедшая в систему религиозного просвещения и имеющая целью приобщение мусульманских народов как к ценностям ислама, так и к достижениям общечеловеческой культуры и цивилизации; в) разработка новых методов осмысления традиций и наследия татар-мусульман в области воспитания и обучения нового поколения; г) сохранение педагогической культурой татар-мусульман социокультурной уникальности с одновременным приобщением к общечеловеческому наследию и использованием научных подходов в педагогике. Джадидистское течение претворялось в жизнь сохраняя целостность сложившейся системы образования.

Глава 3. Вклад прогрессивных татарских ученых-богословов и педагогов-просветителей в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в.

В исследовании развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья особое место занимает период конца XVIII – начала XIX в. Как было сказано выше в параграфе 2.1, трансформация

этноконфессиональной политики Российской империи в период конца XVIII – первой половины XIX в. требует изучения различных традиций и их роли в педагогической культуре и в определении перспектив ее развития. Именно в этот период на историческую арену выходят такие представители общественной богословской и педагогической мысли, как Г. Утыз-Имяни, Г. Курсави, Х. Фаизханов, Ш. Марджани и др., которые проявили свои интеллектуальные способности в различных сферах педагогической культуры (особенно в духовном ее компоненте) и предложили различные варианты решения накопившихся проблем. Всех их объединяла одна цель – сохранение национальной и конфессиональной самобытности татар, а также определение путей исторического процесса смены поколений и социализации личности в татаро-мусульманском обществе.

На рубеже XVIII–XIX вв. за оптимизацию системы просвещения и мусульманской культуры в целом выступил татарский философ Габденнасыр Курсави (1771–1812). В это же время критике средневековых медресе посвятил одну из своих поэм известный поэт Габдрахим Утыз-Имяни (1754–1834). В ней он отрицал схоластику, господствовавшую в сфере обучения. В 50–60-е гг. XIX в. ученые-просветители Шигабутдин Марджани (1818–1889) и Хусаин Фаизханов (1828–1866) предприняли первые практические шаги по осуществлению реформы медресе. Их идеи возрождения религиозных школ ислама широко распространялись в Поволжье, в Приуралье, в Крыму.

В этой связи наметились два направления. Приверженцы первого из них (Г. Курсави) считали необходимым реформировать некоторые из сторон жизни татарского общества (обновить его). Представители второго (Г. Утыз-Имяни) считали необходимым очистить религиозную жизнь мусульман от различных недозволенных новшеств (бид'а), которые укрепились у татар в XVI–XVII вв.

3.1. Тенденции возрожденчества и религиозного реформаторства в богословской и педагогической мысли Габденнасыра Курсави и Габдерахима Утыз-Имяни

Первым ярким представителем идеи реформирования мусульманской богословской и педагогической мысли стал прогрессивный мыслитель философ, религиозный реформатор, педагог, имам-хатиб Курсави Абу Наср (Габденнасыр, Абуннасыр)²⁷¹ (1775/1776–1812).

Впервые изучением жизни и деятельности Г. Курсави занялся Ш. Марджани в книге «Мустафад ал-ахбар», а вслед за ним – Р. Фахретдин, который в труде «Асар» приводит различные источники, описывающие жизнь, обучение и педагогико-просветительскую деятельность Габденнасыра Курсави. Он отмечает, что «Абуннасыр родился в 1776 г., скончался в 37-летнем возрасте, 17 сентября 1812 г. После его смерти мусульмане Казани и Булгара, а возможно, и весь мусульманский мир потеряли крупного ученого»²⁷².

Г. Курсави родился в деревне Корса (на территории современного Арского района) недалеко от города Казани, начальное образование получил в деревне Маскара Малмыжского уезда. Обучаясь в Бухаре, он посещал уроки прославленных ученых, беседовал с великими шейхами, добиваясь духовного совершенствования.

Педагогическая деятельность Г. Курсави начинается с того, что, вернувшись на родину, он с помощью сыновей своего шурина, купцов Утямышевых, построил крупные мечети, набрал много шакирдов (учеников) и начал преподавать. В свою педагогическую деятельность он включает нововведения: начинает преподавать алгебру, математику, геометрию и историю

²⁷¹ Образование получил в Бухаре. Был приговорен в Бухаре к смертной казни за своеобразное толкование Корана, однако избежал ее. Умер во время хаджа в Стамбуле, там же и похоронен.

²⁷² Фахреддин, Ризаэддин. Асарь: Мәмләкәтемездә улан ислам галимләренең вә мәшһүркемәләренең тәржемә вә табәқаләре, тарихе вәләдәт вә вафатлары вә башка әхвалләре хақында язылмыш китабдыр, 2 жилд, 15. Оренбург: «Шәрәкь» к-ханәсе, 1908. 564 б. – гарәп шр. / Переиздано : Фахретдин Р. Асар. Том 1. Казань : Рухият, 2006. С. 261.

наряду с религиозными науками. Свои нововведения он объясняет в философском труде «Аль-иршад лиль гибад» («Возвращение невежественных людей на светлый (святой) путь») так: «И делятся (бид`а) на две части: благие и скверные. Те, что были извлечены из основы, то они – благие, а те, что нет, – дурные. И благие порой бывают похвальными (мустахабб), такие, как строительство медресе и сочинение книг, так как содействие в распространении знаний и предохранение шариата от прерывания (инкита`) – коренная основа религии. И порой (бид`а) бывают обязательными (ваджиба)...»<sup>273</sup>. В народе же эти нововведения Курсави принимались как скверные – «бид`а».

Центральное место в его деятельности принадлежало вопросам борьбы с невежеством, культурной отсталостью и неграмотностью народа. По его мнению, именно они были причинами застоя педагогической мысли и отсталости народа в целом. В числе проблем, которые переплетаются с просвещением в целом, он называет неправильное чтение сур Корана, что было актуально в татарской среде. Будучи мусульманами, татары, по его мнению, были обязаны совершать молитвы, в которых правильно произносятся аяты Корана. Неправильное произношение приводило к тому, что слова Корана теряли свой истинный смысл. По этому поводу Г. Курсави говорит: «И если спросить их о религиозных обязанностях (ваджибат), то совершенно не в состоянии они ответить на это, и большинство их не прочтет (по правилам таджвида) суру ал-Фатиха и что-либо из сур Корана»²⁷⁴.

Реформаторство Г. Курсави отражено также в его суждениях и трудах по одному из важных вопросов мусульманского богословия – ижтихада (вынесение самостоятельного суждения). Смысл этого слова – приложение максимальных усилий в каком-либо из видов деятельности. Критикуя сторонников таклида²⁷⁵, Г. Курсави заявляет: «И это высказывание их, да помилует тебя Аллах,

²⁷³ Курсави Г. Аль Иршад ли ал`ибад. Казань : Типография И.Н. Харитоновна, 1903. С. 37.

²⁷⁴ Там же, С. 41.

²⁷⁵ Таклид (араб. تَقْلِيد), в исламском праве – следование авторитетному специалисту (муджтахид, муфтий) в вопросах фикха (мусульманского права) со стороны человека.

высказывание новоизобретенное (мухтара`), измышленное (мустахдас), в чем их никто не поддержит среди людей знания»²⁷⁶. Г. Курсави считал, что большинство авторитетных ученых были сторонниками иджтихада (самостоятельное толкование богословско-правовых источников), поэтому и сам встает на эту позицию. Важно отметить, что к муджтахиду ²⁷⁷ (человеку, способному совершить иджтихад), предъявляется ряд требований. Во-первых, муджтахид обязан в совершенстве владеть арабским языком, его грамматикой, лексикой и т. д.; во-вторых, он должен хорошо знать Коран и историю ниспосылания каждого аята; в-третьих, от муджтахида требуется хорошее знание Сунны; в-четвертых, от него требуется знание правил иджтихада и общая эрудированность, так как муджтахид будет отвечать на вопросы, которые будет ставить перед ним современный мир. Все эти требования Г. Курсави предъявлял своим шакирдам, тем самым реформируя и развивая педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Р. Фахретдин в своей книге комментирует письмо ахуна деревни Ура из-под Казани, «указного имама соборной мечети деревни Казакская Ура Царевококшайского округа, мударриса и мухтасиба Фатхуллы, сына Хусаина, 11 ноября 1810 года господину муфтию Мухамметжану, сыну Хусаина»: «Если даже Абуннасыр и объявил себя муджтахидом, то в чем его грех? <...> Непонятно, какой вред от постройки медресе и обучения шакирдов. Согласно шариату, обучение тому, что знаешь, и изучение того, чего не знаешь, – обязанность каждого»²⁷⁸.

За свою короткую жизнь Г. Курсави успел в своих трудах, произведениях и письмах распространить новые, передовые общественно-педагогические идеи,

---

²⁷⁶ Курсави Г. Аль Иршад ли ал-`ибад. Казань : Типография И.Н. Харитонова, 1903. С. 2–3.

²⁷⁷ Муджтахид (араб. مُجْتَهِدٌ) – высокопоставленный факих (исламский богослов-правовед, знаток фикха). Муджтахид обладает способностями и правом выносить фетвы (решения, основанные на принципах ислама) по важным вопросам религии и мусульманского права. Он обязан опираться исключительно на коранические аяты и достоверные хадисы пророка Мухаммада, а не на суждения других богословов.

²⁷⁸ Фахретдин Р. Асар. Т. 1. Казань : Рухият, 2006. С. 264.

которые имели важное значение в подготовке национальной интеллигенции, высокообразованных людей.

Р. Фахреддин пишет о Г. Курсави: «Хотя он и прожил менее сорока лет, не имел себе равных среди современников... Мы выяснили, что произведения эти серьезные, сильные, написаны не просто для того, чтобы что-то написать, а для установления истины. У читателя возникают уважение к Аллаху, любовь к пророку Мухаммеду и ненависть к чиновничеству, высокомерию, скандалам. Поэтому и сам Курсави желал своему народу добра, прилагал силы к тому, чтобы направить народ на истинный путь, уважал веру предков и служил ей»²⁷⁹.

Весьма знаменательные слова, с которыми трудно не согласиться, сказал о Г. Курсави Ш. Марджани: «После принятия Булгарским государством ислама Курсави был единственным, чьи произведения пользовались большим вниманием, и именно он является свидетельством того, что (при большом усердии) казанские мусульмане могут достичь совершенства в науках. Издание всех его произведений стало бы гордостью для нашего государства, однако это требует больших денег и потребности в науке, поэтому время для этого еще не пришло»²⁸⁰.

Таким образом, Курсави относится к той плеяде деятелей просвещения и богословов, которые внесли существенный вклад в формирование критического мышления своего поколения, тем самым формируя мировоззренческие установки, противоположные устоявшимся догматам. Плюрализм же мнений сам по себе формирует разномыслие, способствующее толерантному отношению к разным богословским и педагогическим взглядам.

Сохранением национальной самобытности татар и определением путей развития народа занимался также Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари²⁸¹ (1754–

---

²⁷⁹ Фахретдин Р. Асар. Т. 1. Казань: Рухият, 2006. С. 267.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Он родился в деревне Утыз Имяни Чистопольского уезда Казанской губернии, учился в деревенском медресе, медресе, а затем продолжил образование в Бухаре, Герате, Кабуле. Занимался науками, встречался с прославленными учеными, преподавал в медресе в Бухаре, был имамом одной из центральных мечетей города. Работал имам-хатибом и муэдарином в различных деревнях Казанской и Оренбургской губерний.

1835). Он был представителем направления, которое считало необходимым очистить религиозную жизнь мусульман от различных недозволенных новшеств (бид'а), которые укрепились у татар в XVI–XVII вв. Перу Г. Утыз-Имяни принадлежит более 100 произведений, из которых сохранилось около 50; из них 24 – на татарском языке, остальные – на арабском и персидском языках; так, например, «Инказ ал-халикин»²⁸² вначале был сочинен на арабском языке, затем переведен на татарский.

Историко-педагогическое изучение самой личности Г. Утыз-Имяни уже является важным вкладом в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья, поскольку его жизнь и деятельность не только оказали влияние на взгляды его последователей, но также способствовали формированию целого направления татарской педагогической мысли. Первые и наиболее подробные сведения о Г. Утыз-Имяни содержит научно-исторический труд Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар».

Известный деятель просвещения и богослов Каюм Насыри, приводя подробные сведения из биографии Г. Утыз-Имяни и, в частности, впервые указывая годы его жизни – 1730–1815, рассматривает его в основном как поэта, а не как богослова и педагога.

Значение же просветительской деятельности Г. Утыз-Имяни подчеркивает Е.А. Малов²⁸³. В частности, он отмечает, что Г. Утыз-Имяни «выделял вместо сорока общепринятых фардов²⁸⁴ шестьдесят и одним из них считал знание русского языка»²⁸⁵.

Риззатдин Фахретдин в своем известном труде «Асар» («Памятники»), наряду со сведениями биографического характера, приводит отрывки из сочинений Г. Утыз-Имяни, анализируя в том числе и его педагогической

²⁸² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39. – Ед. хр.1–182. 103 б.

²⁸³ Евфимий Александрович Малов — православный тюрколог-миссионер, писатель, протоиерей, заслуженный профессор Казанской духовной академии по кафедре противомусульманских миссионерских предметов.

²⁸⁴ Фарды – поступки и нормы поведения, предписанные исламом.

²⁸⁵ Малов Е.А. Мухаммеданский букварь. Казань, 1894. С. 109.

наследие²⁸⁶. Как и в трудах Ш. Марджани, в исследованиях Р. Фахретдина также отсутствуют ссылки на источники, которыми он пользовался при изучении жизни и деятельности Г. Утыз-Имяни, и не упоминаются названия его трудов. В целом можно сказать, что исторические исследования дореволюционного периода наследия Г. Утыз-Имяни являются в основном описательными и не содержат глубокого и разностороннего анализа деятельности Г. Утыз-Имяни как мыслителя, просветителя и педагога, внесшего существенный вклад в развитие педагогической мысли татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Современные исследователи трудов Утыз-Имяни характеризуют его богословскую и педагогическую деятельность следующим образом: «Г. Утыз-Имяни выступал за приоритетность знаний и просвещения, критиковал реакционное духовенство, негативные стороны человеческой морали, а также придерживался мнения о необходимости толерантного отношения к представителям других конфессий»²⁸⁷.

Оценка духовного наследия Г. Утыз-Имяни дана и в трудах современного историка Х.Х. Хасанова. Так, рассматривая процесс формирования татарской буржуазной нации, ученый обращает внимание на то, что «Утыз-Имяни сделал шаг вперед по сравнению с другим суфийскими поэтами в отображении реальной действительности. В его творчестве наметились светские мотивы, имевшие огромное значение в прогрессе нации, развитии ее экономики и культуры»²⁸⁸.

Существенным вкладом в изучение наследия Г. Утыз-Имяни явились работы немецкого исследователя М. Кемпера²⁸⁹, который впервые

²⁸⁶ Фахретдин Р. Асар. Т. 1. Кисэк VI. Оренбург : Рухият, 1904. Б. 300–316.

²⁸⁷ Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное: Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат; Трактат о закате; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Порицание чаепития; Трактат о важном. Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова; Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. С. 9.

²⁸⁸ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. С. 78.

²⁸⁹ Кемпер М. Между Бухарой и Средней Волгой : Столкновение Абд ан-Насра ал-Курсави с улемами традиционалистами // Мир Ислама. 1999. № 1. С. 160–161; Кемпер М. История суфизма в Поволжье и Приуралье // Мир Ислама. 2005. № 3. С. 5–10; Кемпер М. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством : пер. с нем. Казань : Российский исламский университет, 2008. 675 с.

предпринимает попытку определения места Г. Утыз-Имяни в истории татарской общественной мысли. М. Кемпер не только анализирует неопубликованные богословские трактаты Г. Утыз-Имяни, но и дает им объективную оценку, утверждая, что этот мыслитель во многом придерживался традиционалистской позиции. При этом он подчеркивает, что это нисколько не умаляет его роли как крупного общественного и религиозного деятеля, внесшего значительный вклад в духовное оздоровление татарского общества. Рассматривая богословский и идеологический спор Г. Курсави и Г. Утыз-Имяни, М. Кемпер сумел показать важное место обоих в духовной жизни татар-мусульман.

Считаем необходимым подчеркнуть, что в своем труде «Трактат о Важном» («Рисала-и-мухимма») Г. Утыз-Имяни собрал цитаты различных авторитетных на то время источников, которые затрагивали вопросы знания, акыды (науки о вероубеждениях мусульман) и этики. Важность своей работы он объясняет так: «...среди книг нашего времени я не обнаружил, ни одной книги о моральных ценностях на тюркском языке. А так как большинство таких книг издается на арабском или персидском языках, то у большинства представителей простого народа нет возможности ознакомиться с морально-этическими нормами. И для того, чтобы восполнить этот недостаток, я собрал в этой книге цитаты из различных авторитетных источников»²⁹⁰. Продолжая мысль о том, что «знание является не только фардом, но и необходимостью для каждого верующего»²⁹¹, он утверждает, что знания должны быть полезными не только для того, кто ими обладает, – ими следует делиться с другими, принося людям пользу.

Дальше он предлагает свой путь преподавания, который, на его взгляд, должен привести к правильному формированию мировоззрения шакирда: «И для

---

²⁹⁰ Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное: Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат; Трактат о закате; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Поричание чаепития; Трактат о важном. Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова; Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. С. 269.

²⁹¹ Там же, с. 268.

того, чтобы процесс обучения и изучения был успешным, преподавателям и студентам также следует придерживаться этого порядка. Вначале изучить акыду, затем этику и только потом переходить к внешним деяниям. В противном случае они оба могут стать грешниками или даже неверными. Ведь если студент, не изучив того, что приводит к неверию, начнет изучать внешние деяния, то он может стать неверным. Также и его преподаватель может стать неверным по той причине, что не протестовал против неверия своего студента»²⁹².

Основную мысль, которую должны были донести учителя-мусульмане до своих студентов, Утыз-Имяни представляет таким образом: «...краткая вера в Аллаха подразумевает под собой признание и подчинение всем повелениям Аллаха, а также воздержание от того, что Он запретил. Что же касается подробной веры, то она подразумевает под собой веру сердцем и подтверждение этой веры языком. <...> Каждый человек, достигший совершеннолетия, обладающий здравым рассудком, должен признавать все перечисленные качества, и именно такого человека мы называем верующим».²⁹³

В качестве результата успешной педагогической деятельности Утыз-Имяни в упомянутом труде «Трактат о Важном» описывает качества, одобряемые в том, кто хочет стать «хорошим мусульманином». Среди них, по его мнению, «пятое из вышеупомянутых одобряемых качеств – наставление», которое «подразумевает желание добра всем своим братьям-мусульманам», а также «щедрость», которую Утыз-Имяни рассматривает как «принесение пользы другим посредством своих знаний, физической силы, языком или имуществом»²⁹⁴.

Известно, что в доктрине Ислама есть различие «Харам» (запретное Аллахом) и «Халяль» (дозволенное Аллахом). Нельзя совершать запретное, совершать можно только сугубо дозволенное, предписанное шариатом. В этой

---

²⁹² Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное; Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. С. 255.

²⁹³ Там же, с. 256.

²⁹⁴ Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное. Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. С. 268.

связи Утыз-Имяни обосновывает еще одно одобряемое качество – совершение предписанного. Это подразумевает трату своего имущества, времени, сил и знаний на то, что разрешено шариатом. Он объясняет это наставление тем, что «запрещается все вышесказанное тратить без надобности и на то, что шариатом не дозволено. За деяния, предписанные шариатом, человек может получить огромное вознаграждение»²⁹⁵. И для того чтобы жить в принципах «предписанной жизни», мусульманину следует обращаться к Аллаху с мольбой о помощи словами: «О Аллах, мы твои слабые рабы, помоги нам избавиться от порицаемых качеств и приобрести одобряемые»²⁹⁶.

Прогрессивным вкладом просветительской деятельности и творчества Утыз-Имяни в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья начала XIX в. можно назвать то, что он проповедует идеи толерантного отношения к миру. Особенно явно это проявляется в его отношении к религии и к результатам научного познания мира. Он высоко оценивал научное знание, считал его не противоречащим религиозному, а закономерно существующим наряду с ним. Утыз-Имяни пытался решить проблему соотношения веры и знания не за счет дискредитации знаний, хотя большинство улемов и мударисов того времени делали именно так, а путем установления между верой и научным знанием мирного сосуществования. «Великий просветитель своего рода был продолжателем идей Фомы Аквинского, который так же в своих трактатах утверждал мысль о мирном сосуществовании двух основных приоритетов человечества – религии и знания. Однако его религиозное свободомыслие не доходило до прямого отвержения мусульманской догматики»²⁹⁷.

Наш анализ педагогических идей Г. Утыз-Имяни выделяет ценностные компоненты, которые стали реформирующим вкладом в педагогическую

---

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же, с. 268–269.

²⁹⁷ Мухаметшин А.Г. Становление и развитие педагогической мысли в казанском крае VIII – начала XX в. : Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Нижний Новгород, 2009. С.33.

культуру татар-мусульман Волго-Уральского региона, – в частности: а) воспитание человечности, гуманного, толерантного отношения к другим людям; б) формирование нравственных основ личности, стремление к нравственному самосовершенствованию; в) культ человека, его разума, чувств, воли его души, наилучших стремлений; г) формирование общей культуры, подлинной интеллигентности, утверждение приоритетности общечеловеческих ценностей; д) формирование философско-мировоззренческих основ личности (понимание основ жизни, назначения человека, добра и зла, чести и достоинства, внутренней и внешней красоты и т. п.).

Г. Утыз-Имяни был уверен, что ислам является единственным и истинным источником возрождения татарского общества при условии его правильного восприятия и очищения от вековых наслоений и новшеств, достойных порицания. Он был одним из тех, кто стоял у истоков осмысления социально-культурных и религиозных традиций в условиях нового времени. Его идеи оказали влияние не только на взгляды его современников, представителей педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, но и на мировоззренческие установки мыслителей более позднего периода.

Таким образом, идейными столпами раннего периода реформаторства педагогической культуры Поволжья и Приуралья следует считать виднейших учёных-мыслителей начала XIX в., духовных лидеров татарской нации Г. Утыз-Имяни и Г. Курсави. Их многогранная подвижническая и новаторская деятельность прокладывала дорогу для изменений во многих сферах татаро-мусульманской общественной жизни, особенно это проявлялось в просветительской и образовательной среде. Татарское религиозное реформаторство и развивавшаяся на его волне татарская педагогическая культура сыграли огромную роль в поднятии образовательного уровня элиты татарского общества, подготавливая умы для принятия нового образа мышления, связанного с научным восприятием мира. Вслед за поколением первых прогрессивно мыслящих богословов пришла новая генерация интеллектуалов-

педагогов. Они, развивая традиции религиозных перемен, развернули многогранную просветительскую и образовательскую деятельность.

3.2. Развитие и взаимовлияние педагогических культур в богословских и философских трудах Шигабутдина Марджани и Хусаина Фаизханова

Крупнейшим татарским мыслителем, богословом, педагогом, впервые обратившимся к проблеме взаимовлияния культур Запада и Востока, был *Шигабутдин Марджани (1818–1889)*. Его труды, насчитывающие в общей сложности более 30 томов, положили начало татарской исторической науке. Среди работ, опирающихся на древнейшие, частично утерянные к сегодняшнему дню источники, особое место занимает фундаментальный свод материалов по истории татарского народа – «Мустафад аль-ахбар фи ах вали Казан ва Булгар» («Сведения, привлечённые для истории Казани и Булгара»). Работа, состоящая из двух томов и содержащая сведения по истории булгар, хазар, татар и других тюркских народов, была издана в Казани в 1885–1890 гг.; сегодня она переиздана не только в Татарстане, но и в Турции.

В книге «Назурат аль хакк фи фардият аль-аша ва инлям ягиб аш-шафак» («Рассмотрение истины об обязательности молитвы ал-‘иша’, если вечерняя заря и не исчезла») Шигабутдин Марджани, развивая религиозно обновленческие идеи Г. Курсави и других авторов, заложил основы татарской просветительской идеологии и мысли конца XIX в.

С 1850 г. Ш. Марджани был имамом первой Соборной мечети – старейшей каменной мечети Казани, построенной по личному разрешению Екатерины II ещё во второй половине XVIII в. В 1867 г. он стал и мухтасибом Казани (мухтасиб контролировал соблюдение мусульманских норм шариата и морали первоначально в торговых отношениях, а позднее и в других сферах жизни и быта). В 1876 г. Марджани был избран членом Археологического общества Императорского Казанского Университета. Он хорошо был знаком и

сотрудничал с такими выдающимися учеными-востоковедами Казанского университета, как В.В. Радлов, И.В. Готвальд, А. Казембек. Марджани обладал высоким авторитетом в научном мире: с ним консультировались, его работы цитировали многие крупные исследователи восточных языков и истории. Я.Д. Коблов пишет, что труд Ш. Марджани «Мустафад алахбар фи-ахвал Казан ва-Булгар» («Из книги использованных сведений о состоянии Казани и Болгар») отличается выдающейся ученостью»²⁹⁸.

Ш. Марджани занимает особое место и в истории татаро-мусульманской педагогической мысли. Именно он является наиболее яркой фигурой реформаторского движения XIX в. Над входом в основанное им медресе висел девиз: «Мой мазхаб²⁹⁹ в том, что доводы и аргументы – из рациональных наук, а религиозные науки – из Сунны и Корана».

Ш. Марджани – первый из татар, кто предложил классификацию основных распространенных в его эпоху наук и искусств. Современники считали его «самым крупным ученым болгарской земли», «Платоном своей эпохи», «татарским Герадотом». Татарский поэт Г. Тукай охарактеризовал его как «поборника свободомыслия, знания и прогресса, сделавшего первый шаг к просвещению»³⁰⁰. Академик В. Бартольд назвал Ш. Марджани «родоначальником прогрессивного движения среди татар»³⁰¹. Он был в числе тех, кто подготовил основу для освоения татарами западной культуры.

Ш. Марджани оказал благотворное влияние на развитие не только исторической науки и богословско-философских идей, но и педагогико-просветительской мысли татар-мусульман. Его влияние наглядно прослеживается в трудах таких татарских мыслителей-педагогов, как Муса

---

²⁹⁸ Доклад Я.Д. Коблова о татарских сочинениях по гражданской истории // Иностранное обозрение : приложение к журналу «Православный собеседник» за март и июнь 1916 года. Том II. № 2 и 3. Казань : Центральная Типография, 1916. С. 213.

²⁹⁹ Мазхаб – школа шариатского права.

³⁰⁰ Тукай Г. Сочинения: в 5 т. Т. 2. Казань : Тат. кн. изд-во, 1985. С. 259.

³⁰¹ Бартольд В.В. Сочинения: Работы по истории Ислама и арабского халифата. М. : Наука, 1966. С.133.

Бигиев (1875–1949), Зия Камали (1873–1942) и Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936).

Сделаем краткий обзор богословско-педагогических воззрений Ш. Марджани, отражавших толерантную сущность педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Так, в 1870 г. был опубликован полемический трактат Марджани под названием «Назурат ал-хакк фи фардийат ал-‘иша’ ва ин лам йагиб аш-шафак». Эта работа вызвала большой резонанс и принесла известность автору на мусульманском Востоке. По мнению Ш. Марджани, изменения продолжительности дня и ночи в северных широтах не могут отменить обязательности совершения пяти обязательных молитв в сутки. Он аргументировал свой тезис, основываясь на Коране, хадисах, положениях фикха. Еще учась в Бухаре, Ш. Марджани, занимаясь математикой, геометрией и астрономией, обосновал допустимость применения математических расчетов при определении начала месяцев мусульманского календаря и их соответствие требованиям шариата. Он доказывал, что совершение точных общих расчетов позволяет без традиционного метода индивидуального, локального наблюдения за небом, воспользоваться научными методами, так как они совпадают с условиями религиозных предписаний относительно поста в месяц рамадан.

В связи с вопросом о ночной молитве Ш. Марджани подчеркивает необходимость постоянного применения иджтихада, т. е. он, как и его предшественник Г. Курсави, придерживается идеи принципа «открытия дверей» иджтихада, сделав его доступным каждому образованному мусульманину. Соединяя научные знания и религиозное мировосприятие, Ш. Марджани объединяет два способа познания мира.

На страницах упомянутой книги он призывал к очищению ислама от непозволительных в религии нововведений, возврату к Корану, сунне и практике праведных предшественников. Он утверждает, что после эпохи праведных

предшественников и их последователей появляются тенденции падения нравов, исходящие из человеческой природы, а затем наступает полный упадок.

Ш. Марджани определяет эпоху между подлинным исламом и современностью как время «фанатизма и невежественного рвения» («ал-‘асабийя вал-хамийя ал-джахилийя»). Ученый-богослов считал, что следование традиции (таклид) должно соблюдаться лишь в отношении к Корану, сунне и иджтихаду великих богословов прошлого. При этом Марджани допускает, что человек не всегда может иметь свое мнение или суждение по какому-либо вопросу. Обращение к таклиду он допускал как вынужденную необходимость в случае отсутствия знаний и способностей.

Ш. Марджани рекомендовал всем в меру своих возможностей стараться практиковать иджтихад, чтобы не совершать действий, не подкреплённых доводами, в соответствии с аятом: «Так следуйте тому, что ваш господь вам ниспослал, и покровителям не следуйте иным, кроме Него» (Коран, 7: 3).

Даже при следовании решению муджтахидов необходимо выяснять его доводы. Незнающий или неспособный к совершению иджтихада мусульманин должен обращаться за помощью к более осведомленным единоверцам, подчиняясь словам Всевышнего: «Спросите же людей напоминания, если вы сами не знаете, – с ясными знамениями и с писанием» (Коран, 16: 43–44).

В книге «Назурат ал-хакк...», размышляя о мазхабах, он утверждал, что для простых людей использование знаний или установок из разных мазхабов может привести к хаосу в мышлении. Но он не исключал возможности перехода из одного мазхаба в другой в отношении второстепенных проблем, считая его даже обязательным в целях защиты имана (веры) отдельной личности. Данная его позиция позволяет сделать вывод о том, что в своих суждениях и иджтихадах Ш. Марджани был сторонником гуманности и толерантности в богословских размышлениях о знаниях.

Еще один пример толерантного мышления Ш. Марджани проявился в издании им фетвы, разрешающей татарам отдавать своих дочерей замуж за

иранских шиитов (имамитов), поскольку те являются мусульманами. Казанские татары-мусульмане ранее запрещали подобные браки, ошибочно не считая имамитов правоверными. Ш. Марджани указал на то, что иранские шииты – это тоже правоверные, как и четыре суннитских мазхаба (ханафитский, маликитский, шафиитский, ханбалитский).

К несомненным заслугам Ш. Марджани следует отнести то, что он активно развивал и устанавливал связи с представителями русской культуры и духовенства. В 1876–84 гг. он стал первым представителем мусульманского духовенства, назначенным на должность преподавателя мусульманского вероучения в Казанской татарской учительской школе. В сущности, он стал первым представителем татарского мусульманского духовенства, который согласился на предложение инспектора В.В. Радлова преподавать в Казанской учительской школе, работавшей по «русской методике». Позднее Ш. Марджани написал, почему он согласился работать в «русской» школе: «У меня и в мыслях не было работать в этой школе, и только неоднократное обращение ко мне Радлова, специальная просьба, прозвучавшая из уст самого губернатора, сподвигли меня принять предложение. Однако серьезно взвесив все доводы, я пришел к мнению, что эта должность чрезвычайно важна. Я осознал, что если это место будет занимать какой-нибудь невежда, то учащиеся школы будут иметь совершенно превратное мнение об Исламе. Я решил согласиться с предложением, так как получал возможность довести до шакирдов огромную роль канонов Шариата в повседневной жизни, а также вклад Ислама и мусульман в различные науки»³⁰².

Исследователи творчества Ш. Марджани справедливо пишут, что «контакт с русскими образовательными учреждениями заставил его задуматься о вопросе реформирования мусульманских школ»³⁰³.

---

³⁰² Марджани – преподаватель богословия Казанской учительской школы. URL: <https://islam-today.ru/istoria/mardzani-prepodavatel-bogoslovia-kazanskoj-ucitelskoj-skoly/> (дата обращения 04.03.2022)

³⁰³ Шагавиев Д.А. Татарская богословская мысль XIX – нач. XX в. и Шихабутдин Марджани. Казань : Хузур, 2018. С. 119.

К XIX в. наблюдалась тенденция к снижению общего уровня мусульманского образования. Далеко не все книги и не всегда в полном объеме просматривались шакирдами, и не всем наукам отводилось равное место. В итоге шакирды (если не занимались самостоятельно) выходили из стен медресе, не обладая достаточным уровнем даже религиозных знаний. Ш. Марджани в своем труде «Мокаддимат вафийател-асляф» подверг резкой критике фанатизм и невежество преподавателей, программы и учебники бухарских медресе, а также весь процесс обучения и методику преподавания, царившие в них. Он призывает молодежь отказаться от поездок в Бухару и рекомендует изучать светские науки. Его критика имела действие: в поисках знаний молодежь все чаще выбирала такие города, как Стамбул и Каир. И это не случайно, поскольку, по справедливому замечанию В. Бартольда, «в государственной и общественной жизни Турции и Персии мы уже в XVIII в. видим признаки европейского влияния; Туркестан, как самая отдаленная от Европы часть мусульманской Азии, в культурном отношении стоял ниже других мусульманских стран, оставаясь средневековой страной»³⁰⁴.

В трудах Ш. Марджани можно найти предложения по развитию аспектов педагогической культуры, направленных на формирование толерантного мышления обучающихся. К примеру, после изучения множества хадисов о достоинствах сахабов и степени их достоверности часть трактата «Ал-Хикма ал-балига» он посвящает обсуждению вопроса о достоинствах сподвижников Пророка Мухаммада (афдалийят ас-сахаба), подводя читателя к мысли, что превосходство одного сподвижника над другим не относится к вопросам «обязательных вероубеждений». Он считает, что ранние ученые разошлись во взглядах о том, кому из сподвижников следовало отдать предпочтение по тому или иному вопросу. Не обязательно отдавать предпочтение одному определенному сподвижнику, так как Коран и Сунна не ограничивают и не

---

³⁰⁴ Бартольд В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М. : Восточная литература, 2002. С. 372–373.

диктуют ограничения. Из сказанного можно сделать вывод, что Ш. Марджани проповедует целесообразность существования разных мнений и позиций, не отдавая предпочтение ни одному из них; он считает их равными.

Отношение Ш. Марджани к восточной религиозно-педагогической мысли рассматривал в своих трудах известный филолог и критик Габдрахман Сагди. Он систематизировал основные положения религиозно-реформаторских взглядов Марджани и свел их к шести позициям: врата иджихада открыты для каждого; таклид должен быть искоренен; из медресе должны быть изъяты старые, схоластические, бесполезные книги; необходимо ввести в медресе изучение Корана, хадисов, истории ислама; не следует возражать против изучения светских наук и русского языка; нужно вернуть мусульман к основам раннеисламской веры и религиозной культуры времен Мухаммада.

А. Юзеев, подробно изучая религиозно-реформаторские и просветительские аспекты мировоззрения Ш. Марджани³⁰⁵, условно разделил жизнедеятельность татарского мыслителя на два периода: религиозно-реформаторский (до 70-х гг.) и просветительский (70–80-е гг.) – и при этом считал его представителем татарской философии нового времени (вторая половина XIX – начало XX в.). Именно А. Юзеев впервые квалифицировал мировоззрение Ш. Марджани как синтетическое и синкретическое – религиозно-реформаторское и просветительское одновременно.

Таким образом, хотя многие труды Ш. Марджани носят общепhilosophический характер и в них рассматривается широкий спектр проблем, но в них затрагиваются также сугубо педагогические аспекты, которые формируют новое направление в педагогической культуре татар-мусульман. Реформаторские идеи Ш. Марджани носили не только богословский, социально-политический, но и

---

³⁰⁵ Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков (эволюция, основные направления и представители). Книга вторая. Казань, 1998. С. 14–31, 53–63.

просветительский характер, определяя развитие как религиозного, так светского образования и в целом педагогической культуры татарского народа.

Примечательно, что в период жизни и просветительской деятельности Ш. Марджани, в том числе и благодаря его усилиям, диалог религий интенсивно развивается на основе общего диалога культур. Ш. Марджани писал о необходимости для мусульманина «знать три вещи – язык, письмо и законы государства, где живешь»³⁰⁶. Эти идеи нашли более широкое распространение в деятельности следующего поколения мусульманской интеллигенции.

В вопросах, касающихся реформ педагогической мысли татар-мусульман, нельзя обойтись без обращения к трудам ученика Ш. Марджани *Хусаина Фаизханова (1828–1866)*, который посвятил себя изучению истории татарского народа в тесном единстве с историей и культурой других народов.

Будучи широкообразованным человеком, он читает курс арабского и турецкого языков, исследует историю татарских ярлыков и грамот, занимается расшифровкой надгробных камней. Являясь автором проекта реформы татарской школы, он ратует за создание татарской гимназии. В 1858 г., когда кафедра восточной словесности была переведена в Санкт-Петербургский университет, Хусаин Фаизханов переезжает туда вместе с А.К. Казимбеком, И.Н. Березиным и многими другими педагогами и учеными.

Следует обратить внимание на то, как строились отношения ученика и учителя на примере документально подтвержденной переписки двух выдающихся деятелей татарской науки XIX в. – Шигабутдина Марджани и Хусаина Фаизханова (1823–1866).

Х. Фаизханов посетил много старометодных сельских медресе, изучил опыт педагогической работы в них. В подавляющем большинстве случаев его не устраивала царившая там схоластика. Когда он оказался в медресе Шигабутдина

---

³⁰⁶ Шагавиев Д.А. Татарская богословская мысль XIX – нач. XX в. и Шихабутдин Марджани. Казань : Хузур, 2018. С. 119.

Марджани, то поразились методам, которые здесь применялись. С этого дня началось сотрудничество двух выдающихся ученых и педагогов: сначала как учителя и ученика, а позже как двух равноправных ученых, знатоков и ценителей древних манускриптов.

Целеустремленный, стремящийся к знаниям Х. Фаизханов мечтал о продолжении учебы, но после долгих размышлений выбрал не традиционную Бухару, а Санкт-Петербург – центр иного мира и цивилизации. Сочетание специфической татарской востоковедческой подготовки и освоение русско-европейской научной методики (в дополнение к таланту и трудолюбию самого Хусаина Фаизханова) и сформировали его как уникального ученого. На протяжении всей своей жизни он вел переписку со своим наставником Шигабутдином Марджани, ставил его на голову выше многих мусульманских ученых того времени, делился с ним своими мыслями и находками, просил совета, морально поддерживал в период гонений – в целом выполнял роль посредника между восточной и европейской культурами.

Весьма показательны в отношении «учитель – ученик» содержание письма Х. Фаизханова своему наставнику от 7 января от 1860 г.³⁰⁷: «Обладателю всяческих достоинств, щедрому учителю выражаю свое искреннее преклонение... На днях выделил время, чтобы прочесть Ваш [труд] по истории. Нашел много полезного. Однако я, ничтожный, осмелюсь высказать свое мнение. Скажем, откуда возникла потребность в таких науках, как фикх, калям, логика, синтаксис и морфология, семантика, теория литературы и др. И почему начали составляться труды по этим [направлениям]? Ожидаю Вашего скорейшего ответа по «Муджам ал-булдан». Презренный Хусаин. 1860 год, 7 января».

Письмо Х. Фаизханова к Ш. Марджани 1864 г. свидетельствует о том, что уже к середине XIX в. положение татаро-мусульманской образовательной

---

³⁰⁷ Фаизханов Х. Жизнь и наследие : ист.-док. сб. Нижний Новгород : Медина, 2008. С. 99–100.

системы перестало устраивать часть татарской интеллигенции; автор письма выражает намерение перестроить учебный процесс татарской школы. С его точки зрения, медресе должно было стать синтезом существующей татарской школы с русскими гимназиями, с последующим продолжением учебы в университете: «В медресе будет 10 классов, в первых трех классах все учащиеся будут изучать татарский, персидский, арабский, русский языки, кроме того, географию, геометрию, чистописание, литературное чтение. После трех лет обучения классы будут разделены на два отделения: богословское и отделение типа классической гимназии...»³⁰⁸.

Проект высшего профессионального учебного заведения для татар был изложен в его работе «Ислах аль-мадарис» («Школьная реформа»). К сожалению, из-за тяжелой болезни Х. Фаизханова проект не был опубликован, но основные его положения сохранились в письмах Шигабутдину Марджани. Приведем отрывок в переводе на русский язык: «Единственный ученый среди ученых, светящийся своим тонким умом милостивый учитель! <...> Вот кое-что из наших планов: самым тщательным образом подготовив все необходимое, открыть в Казани большое медресе. За счет казны будут обучаться 60–70 шакирдов – остальные в качестве вольнослушателей. Помимо тех предметов, которые преподаются в обычных гимназиях, ввести уроки шариата и арабского языка. Европейские языки, география, медицина и естествознание будут преподаваться на русском языке, остальные – на тюрко-татарском...»³⁰⁹. Это письмо не только демонстрирует желание Х. Фаизханова реформировать педагогическую систему мусульманского образования (при этом обязательным условием является поддержка этой инициативы государством: обучение должно осуществляться «за счет казны»), но и показывает конкретные пути реформирования школы. Так, Х. Фаизханов предлагает уроки шариата и

---

³⁰⁸ Фаизханов Х. Письмо Ш. Марджани // Шура. 1916. № 14. С. 19.

³⁰⁹ Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие : ист.-док. сб. Нижний Новгород : Медина, 2008. С. 104–105.

арабского языка чередовать с уроками обучения европейским языкам, а географию, медицину и естествознание преподавать на русском языке, чтобы открыть учащимся путь к широкому кругу источников.

Говоря о дидактических взглядах Х. Фаизханова, следует отметить его суждение о том, что учение должно не быть в тягость и вызывать отвращение, а нести радость и наслаждение, вести к совершенству и подлинному счастью. Он предлагал широко применять при обучении такие методы, как наблюдение и опыт, являющиеся началами знаний и основами доказательств. Вслед за прогрессивными просветителями своего времени Фаизханов отстаивает факт познаваемости мира силой человеческого разума, т. е. интеллекта, который, по его мнению, развивается и совершенствуется с помощью логических занятий и упражнений. В своих воззрениях на человека он исходит из признания некоего общего для всего человечества природного свойства, усматриваемого им в его разумной деятельности.

Значительным вкладом в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья Х. Фаизханова можно считать такие его идеи:

а) стремление к светскому просвещению, которое с середины XIX в. становится неотъемлемой частью культурной жизни общества и обязательным признаком образованности;

б) широкое привлечение достижений культуры прошлого, в частности, болгарской, арабской и др., что следует трактовать не как возвращение к старому, а как возрождение забытых культурных ценностей и творческое использование их для создания нового опыта;

в) рационализм, тесно связанный со знаниями в области естествознания, истории, обращение к разуму, восхваление и превращение его в мерило истины и как следствие всего этого – развитие логики, знание которой входило в понятие учёности и образованности;

г) отрицательное отношение к догматике, противопоставление ей разума, критика косности и различных пороков, отход от постулатов ортодоксальной религии, развитие вольнодумия;

д) гуманизм, проявившийся в восхвалении познавательных и нравственных способностей и качеств человека, отношение к человеку как к высшему творению;

е) любовь к слову, устному и письменному, широкое увлечение филологией, риторикой, изящной речью и сложением стихов – всем, что считалось неотъемлемыми качествами образованного человека;

ж) универсальность, энциклопедичность, овладение несколькими науками, языками восточных стран как характерная черта культуры рассматриваемого периода (заметим, что сам Х. Фаизханов мог плодотворно работать одновременно в нескольких областях знаний).

3.3. Просветительско-педагогические воззрения Каюма Насыри и их влияние на педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья

В период глобальных перемен в обществе, когда традиционные социально-экономические уклады при переходе Российской империи на индустриальный путь развития резко изменились, ярко проявился педагогический и научно-исследовательский талант татарского педагога, писателя, учёного, этнографа, просветителя Каюма Насыри³¹⁰ (Габделькаюма Габденнасыровича Насырова) (2 февраля 1825 – 20 августа 1902), который внес выдающийся вклад в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

---

³¹⁰ Каюм Насыри образование получил в медресе, был вольнослушателем в Казанском университете. Преподавал в Казанском духовном училище и 149-й духовной семинарии. Автор первых татарских настольных календарей и 40 трудов по художественной литературе, филологии, педагогике, математике, истории, географии, биологии, астрономии. Общался со многими русскими учеными.

К. Насыри понимал, что, придерживаясь традиционных канонов, невозможно воспитать предприимчивых людей, которые были бы способны воспринимать новые веяния и использовать их для улучшения положения своих соплеменников. Его образовательные и педагогические идеи воплотились в ряде сочинений, наиболее известными из которых являются «Ахляк рисалясе» («Трактат по этике»), «Бала тэрбия кылучы хатыннарга нэсихэт» («Советы матерям, воспитывающим детей»), «Балаларга тэгълим бирмэк» («Обучение детей»), «Китаб Ат-тербия» («Книга о воспитании»). В названных и во многих других трудах татаро-мусульманские философские и научные традиции гармонично соединяются с русской и западноевропейской мыслью. В этом автору в известной степени помогало хорошее владение турецким, арабским и персидским языками.

Следуя примеру К.Д. Ушинского, который своей книге для детей «Родное слово» отводит значительное место фольклорным материалам, К. Насыри широко использует в своей педагогической деятельности пословицы, поговорки, сказки, загадки. Он живо интересуется народным творчеством и промыслами, собирает сведения о них, изучает, стремится использовать эти материалы в учебниках.

Описывая современную ему ситуацию с воспитанием и обучением детей татар-мусульман, К. Насыри пишет: «Наши дети, к сожалению, лишены подлинного просвещения и отличаются от животных только тем, что обладают речью... Они не имеют представления о науках, обогащающих разум и способствующих развитию умственных способностей. Не получают они также необходимую нравственную закалку, плохо осведомлены в основах человеческого общежития и не знают правил общения»³¹¹. Важное значение К. Насыри уделяет именно социальным аспектам воспитания, что соответствует ценностным принципам мусульманской общины: «Главная цель жизни – это

---

³¹¹ Каюм Насыри о воспитании и обучении. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/589686> (дата обращения 27.09.2022).

оставить о себе добрую память у людей. Но добрую память люди могут сохранить лишь о человеке, который радовал их своими добрыми делами. Если человек не делал этого в жизни, то никто не будет горевать по поводу его смерти»³¹².

В фундаментальном труде К. Насыри, изданном в 1884 г., «Фэвакиһелжөлэса фил эдэбият» («Плоды для собеседников по литературе»), который включает 40 разделов и имеет объем 615 страниц, доказывається, что именно синтез разума и опыта дает «более верное представление о событии»³¹³.

Объясняя с материалистических позиций сущность разума как «органа мышления и чувственных восприятий» и разъясняя, что он «находится в мозгу», К. Насыри представляет двухуровневую систему функционирования разума, где на первой, естественной стадии «разум не воспринимает ни добавления, ни убавления [вещи и предметы рассматриваются в покое, в природном, естественном состоянии]», а на второй стадии «разум воспринимает и убавления, и добавления», связываясь с жизненным опытом. Размышляя о работе разума, К. Насыри основывался, в том числе, на идеях Авиценны (Ибн Сины), который разграничивал материальный разум, разум по опыту и действующий разум³¹⁴.

К. Насыри придает очень большое значение развитию разума, памяти, мышления, способности познавать мир и самого себя, считая это важнейшей частью воспитания человека.

Подобно Аристотелю и другим философам, мыслитель называл мыслительную способность главной отличительной характеристикой человека: «Человек отличается от других животных тем, что имеет разум и может мыслить, имеет язык и может говорить. То, что мы назвали языком и речью, осуществляется путем мышления и обучения новым и незнакомым предметам от

---

³¹² Насыри К. Книга о воспитании. Казань : Татарское книжное издательство, 1992. С. 15.

³¹³ Насыри К. Фаваких ал-джуласа. Казан, 1884. С. 64.

³¹⁴ Ибн Сина. Избранные философские сочинения. М. : Наука, 1980. С. 217.

осведомленных людей и из книг»³¹⁵. В бытии человека К. Насыри пальму первенства отдавал разуму, считая, что его возможности безграничны. Он считает, что именно разум определяет жизнедеятельность человека: «...все вещи имеют предел, лишь разум беспределен»³¹⁶. Ученый утверждает, что действенность разума наиболее ярко проявляется в работе, потому что «всякое дело нуждается в уме. Но ум сам нуждается в практике. Ум и практика в отношении взаимодействия похожи на воду и землю. Ибо вода без земли, а земля без воды ничего взрастить не могут»³¹⁷.

Вклад К. Насыри в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья отражен в его многочисленных трудах по художественной литературе, филологии, педагогике, математике, истории, географии, биологии, астрономии. При этом педагог-просветитель настоятельно рекомендовал каждому человеку заниматься не только развитием духа, но и физическими упражнениями, потому что «от постоянной сидячей работы появляется усталость, застывает кровь», и, чтобы этого не происходило, необходимо «ежедневно два часа» заниматься «физической работой» по изготовлению «необходимых вещей»³¹⁸. Во многих произведениях К. Насыри ссылался на неизвестного мудреца, который наставлял: «Учитесь ремеслу. Имущество и деньги так ненадежны на этом свете. Золото и серебро – лишь опасность для путника; а у живущего дома их могут отнять грабители и огонь. Ремесло же неиссякаемо как источник. Умелец не познает невзгод, даже если лишится всех богатств своих. Верьте, дети мои, это не пустые разговоры. Постигайте же ремесла»³¹⁹. Как и во многих мусульманских произведениях, особенно в

---

³¹⁵ Горохов В.М. Общественные и педагогические взгляды Каюма Насыри // Каюм Насыри. Казань : Татгосиздат, 1948. С. 71.

³¹⁶ Насыри К. Кырык бакча. Казан, 1902. С. 3.

³¹⁷ Насыри К. Фаваких ал-джуласа. Казан, 1884. С. 64.

³¹⁸ Цит. по: Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри : Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 15.

³¹⁹ Насыри К. Книга о воспитании. Казань : Татарское книжное издательство, 1992. С. 5.

суфийских, К. Насыри отдавал предпочтение душе, потому что «только тогда, когда душа здорова, – тело человека бывает здоровым»³²⁰.

По мнению К. Насыри, путь к исцелению и здоровому жизненному укладу, лежит через усердие, труд, аскетический образ жизни, в результате чего в человеке воспитываются терпимость, стойкость, сила воли, умение контролировать себя. Например, в книге «Китаб Ат-тербия» в двадцать четвертом наставлении он приводит притчу о двух дервишах из провинции Хорасан, один из которых, слабый здоровьем, во время путешествия постился и ел мало, а другой, здоровый, ел трижды в день. Попав в тюрьму, второй умер, а первый, казалось бы немощный, остался жив. Судья объясняет удивленным людям: «...умерший привык много есть и не мог терпеть голод, потому и погиб. Этот же был терпелив, приучил себя подолгу обходиться без пищи, вот и остался жив». Насыри из этой поучительной истории делает вывод: «...тот тяжело переносит лишения, кто не может ни в чем себе отказать»³²¹.

Как педагог-просветитель, К. Насыри считал, что для совершенствования человеческой личности требуется еще воспитание воли, характера и нравственных качеств: «Настоящая человечность, предполагает воспитанность добрых нравов и характера и умения избегать дурных деяний»³²². Способность трудиться считается обязательным качеством совершенного человека: «Человек никогда не должен оставаться без заботы и труда. Если ты хочешь испытать наслаждение в жизни, живи своим трудом, знанием, наукой и не расходуй всего приобретенного трудом, потому что деньги, сбереженные в молодости, пригодятся в старости»³²³. Нужно отметить, что К. Насыри полагает, что человек должен заниматься только тем, что он хорошо умеет делать: «...не берись за дело, в котором не имеешь опыта, лучше занимайся привычной работой»³²⁴.

---

³²⁰ Цит. по: Яковлева Е.Л. Проникая в миры инклюзии. Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. С. 129.

³²¹ Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань : Таткнигоизд. 1977. 255 с.

³²² Там же.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

В своих педагогических трудах К. Насыри касается и темы эстетического начала в человеке. Высоко оценивая поэтов, считая их истинными мастерами слова, он говорил: «...поэты являются владыками слова. <...> То, что не разрешается иным, им позволено... Они близкое делают далеким, а далекое превращают в близкое»³²⁵. К. Насыри, придавая огромное значение музыке, считает, что она дарит человеку вдохновение, радость, душевную гибкость: «Мудрец Аполлон говорит, что, если кого одолеет горе и печаль, пусть послушает хорошее пение. Если у кого горит душа, то от хорошего пения “уйдется огонь”»³²⁶. Ссылаясь на мудрецов, он размышляет так: «...хороший голос является духовной пищей... он освещает ум, усиливает мышление, облагораживает душу, милостивого возвеличивает, малодушного превращает в храбреца, скрягу делает щедрым»³²⁷.

Проповедуя изучение различных наук, Каюм Насыри ставит своей целью воспитать и образовать человека в соответствии с уровнем развития своей эпохи. Неслучайно он пишет о личности воспитателя и преподавателя (мугаллима), считая, что они закладывают жизненную программу в своих воспитанников: «Если ты педагог и воспитатель, так воспитывай своих подопечных, чтобы твое воспитание сказывалось на них до конца их жизни»³²⁸.

Он считает, что именно учитель прививает своим ученикам идеи труда, нравственности и красоты – те установки, которые даны в Коране: «Воспитание имеет своей задачей не только питание и кормление, то есть воспитание только тела, но и воспитание и ума, и рассудка, и души»³²⁹. Он подчеркивает, что преподаватель, владея «искусством воспитания», должен быть сам человеком образованным и лишь на своем примере он может учить других: «если кого-либо

---

³²⁵ Цит. по: Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри : Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 33.

³²⁶ Цит. по: Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри : Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 36.

³²⁷ Цит. по: Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри : Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 36.

³²⁸ Там же, с. 38.

³²⁹ Там же.

хочешь учить чему-либо, то сначала сам изучи эту вещь и пусть, глядя на тебя, люди сами захотят учиться этому»³³⁰. В своей практической деятельности он опирается на мнемотехнику, то есть методику обучения, в основе которой лежит мнемоника: «каждое услышанное слово нужно запоминать и постепенно, слово за словом, положить их в казну памяти»³³¹.

В своем трактате «Китаб Ат тербия» К. Насыри приводит ряд примеров того, как воспитанный и благородный человек должен вести себя в обществе. Содержанием этого сочинения являются наставления, поучительные истории и притчи, где каждое его слово преследует одну цель – воспитание человека совершенного.

Свою книгу «Китаб Ат тербия» К. Насыри начинает с размышлений о нравственности человека: «Воспитание нельзя понимать лишь как хлопоты о кормлении и росте ребенка, это и пропитание его, и забота о его нравственном совершенствовании, и привитие прекрасных, благородных манер, и стремление вывести его из животного состояния, чтобы сделать достойным звания человека, и обучение наукам, и развитие понятий приличия»³³².

Заслуживая К. Насыри перед педагогической культурой татар-мусульман Поволжья и Приуралья является то, что он впервые обратил внимание на то, что именно в процессе воспитания человеческое дитя становится личностью и обретает свои сущностные характеристики. Воспитание, по К. Насыри, имеет социальный характер и общественную значимость, особенно в условиях глубоких и объективных перемен в окружающем мире. При этом в житейских обстоятельствах гораздо больше ценятся мудрость, знания и нравственные качества, чем внешняя красота.

Исходя из собственной практической деятельности, К. Насыри утверждает, что при одинаковом подходе к организации педагогического

---

³³⁰ Там же, с. 23.

³³¹ Цит. по: Хакимова Р.А. Каюм Насыри как языковед // Каюм Насыри. 1825–1945: материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948. С. 74.

³³² Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань : Таткнигоизд. 1977. С. 5.

процесса невозможно достичь одинаковых результатов по причине разных способностей у обучающихся. Поэтому процесс обучения должен основываться на дифференцированном подходе к каждому, согласно индивидуальной природе каждого ученика. Насыри приводит пример с сыном падишаха, который учился хуже всех, подчеркивая, что «дети черни бывают порой куда проворней и смышленей байских сынков», – и делает вывод: «Вот почему я еще раз повторяю, что обучение байских детей требует гораздо больше стараний, ибо бывают они чересчур избалованы»³³³.

К. Насыри, напоминая об универсальности принципа «все в жизни относительно», подчеркивал, что такие качества, как красота, здоровье, благосостояние, преходящи и временны. А вот ощущение чувства счастья, довольства человек может испытать только через его противоположность: «человек не в силах радоваться своему здоровью и благополучию, пока судьба не пошлет ему испытание», так как «всегда здоровым быть нельзя»³³⁴.

В числе нравственных принципов, из которых должен исходить каждый мусульманин, особенно, руководитель-преподаватель, К. Насыри выделяет доброту. В «Книге о воспитании» в 11 наставлении он приводит пример из жизни Александра Македонского, который на вопрос: «Как удалось тебе добиться покорности на Востоке и Западе? Прежние правители не жалели ни войск, ни сокровищ, а не смогли завоевать столько стран», – ответил: «Я брал страны, но не обижал народ. А прежних правителей поминал только добром»³³⁵. К. Насыри, акцентируя, «сколь могуч воспитанный человек», говорит, что «доброта и кротость берут города; надо быть добрым и снисходительным ко всем», остерегаясь «говорить дурно даже о своих врагах»³³⁶. Он считает, что уже в юном возрасте, когда еще жизнь активна и наполнена событиями, а в самом человеке заложен большой потенциал для свершений, нужно стараться, чтобы доброта

---

³³³ Там же.

³³⁴ Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань : Таткнигоизд. 1977. С. 54.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же.

стала характерной чертой бытия. Люди, не делающие добра в молодости, почувствуют результат в старости: «кто не творил добра при силе, в слабости познает суровость» А «умение простить» К. Насыри определяет как «истинное мужество»³³⁷.

В своих многочисленных трудах по воспитанию К. Насыри учил учеников и их родителей эмпатии и пониманию, умению внимательно, искренне относиться к проблемам, затруднениям окружающих людей. Так, в поучительной притче о разорившемся купце К. Насыри наставляет: «Никогда не радуйся, если придется услышать о разорении и горе другого», – и добавляет, что «только приветливый и добрый человек заслуживает уважения и почестей»³³⁸. В любой тяжелой жизненной ситуации необходимо первым протягивать руку помощи, а это сможет сделать только такой человек, который обладает чуткостью, искренностью и умением сочувствовать и соучаствовать.

В то же время К. Насыри предостерегает человека, говоря, что внутреннее равновесие можно сберечь при условии избегания скверных людей: «сторонись только пятерых. Прежде всего, не связывайся со лжецом – слово лжеца подобно записи на воде. Он ненадежен, всегда может оттолкнуть тебя и приблизить другого. Избегай также дружбы глупца и невежды. Глупец вроде и хочет помочь тебе, но на деле от всех его стараний – один вред. Не сходишь с алчным человеком, потому что он постоянно будет рассчитывать на твои деньги. Беги прочь от скряги, эта дружба ничего не даст тебе, кроме разорения. А случится пойти к такому за помощью, – испытаешь лишь позор и унижение. Особенно опасно оказаться со скрягой в пути. Обходи стороной также разиню и труса, с подобными приятелями ты никогда не познаешь покоя и благополучия»³³⁹.

К. Насыри на протяжении всей своей педагогической и научной жизни стремился сблизить татарскую и русскую культуру, заботился об аккультурации.

---

³³⁷ Там же.

³³⁸ Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань : Таткнигоизд. 1977. С. 54.

³³⁹ Там же, с. 59.

В.М. Горохов отмечает: «Насыри был человеком нового направления. Он понял, по какому руслу надо направить общественную и культурную жизнь татар... Так, жизнь, благополучие своего народа Насыри неразрывно связывал с жизнью и благополучием русского народа. Это была поистине мудрая жизненная установка»³⁴⁰.

Педагогические воззрения К. Насыри актуальны и в наши дни. В частности, его совет: «...если с кем-либо придется беседовать, то не думай о том, какую религию он исповедует, а обрати внимание на его ум. Ибо религия нужна ему, а ум – и тебе, и ему»³⁴¹ – был направлен на формирование и развитие социально активной, толерантной личности, нравственно ориентированной на гражданские и поликультурные ценности. Как мы уже отметили в параграфе 2.3, он работал и в татарской, и в русской среде, а по поводу межкультурного диалога разъяснял: «Благодаря тому, что русский человек и мусульманин живут и растут на одной земле, едят один и тот же хлеб, эти два народа хорошо знают обычаи друг друга и имеют исторически сложившиеся взаимоотношения»³⁴². Представляя татарскую культуру русскоязычной аудитории, в предисловии к книге «Поверия и обряды казанских татар» он говорит: «Желая, со своей стороны, сообразно моим силам и средствам, содействовать русским людям к выяснению татарского быта, считаю святым долгом своим поделиться с ними печатно выводами моих многолетних наблюдений и исследований этого быта»³⁴³.

Каюм Насыри был одним из первых представителей татарской педагогической культуры, кто ратовал за восстановление культуры татарской речи и кодификации татарского языка. На протяжении 40 лет он разрабатывал этимологические, синтаксические, стилистические и орфографические нормы

---

³⁴⁰ Горохов В.М. Общественные и педагогические взгляды Каюма Насыри // Каюм Насыри. Казань : Татгосиздат, 1948. С. 80.

³⁴¹ Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри: Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 23.

³⁴² Там же, с. 39.

³⁴³ Там же.

языка и исследовал проблемы его изучения. В книге «Татарское наречие» (1896) он пишет о трагическом положении, когда народ, несмотря на поголовную грамотность, не был в состоянии определить, к какой нации он принадлежит, на каком языке говорит³⁴⁴. По замечанию М. Фридериха, Насыри «был убежден, что ни традиционный чагатайский, ни османско-турецкий не могут быть основой татарского литературного языка»³⁴⁵. Поэтому он выступал за использование казанского диалекта в качестве основы литературного языка: «если мы более внимательно будем изучать свой язык, убедимся, что он по наличию слов, названий, понятий, вообще во всем своем построении нисколько не уступает... другим языкам, даже более того, в некоторых случаях он и богаче их»³⁴⁶.

К. Насыри является автором первой татарской грамматики, стилистики и словарей; в 1860 г. он издал свои работы «Нәсху китабы» («Синтаксис») и «Буш вакыт» (хрестоматия «На досуге») о явлениях природы, написанные на татарском языке. Первым из татар К. Насыри издал на татарском языке и распространил книги по истории, географии, геометрии, арифметике, ботанике, гигиене, физике и другим областям знаний: «Хисаплык» («Арифметика», 1873), «Истыйлахат гыйльме һөндәсә» («Геометрия», 1895), «Истилахете жәгърәфия» («Терминология по географии», 1895), три части «Жәгърафияи кабир» («Большая география», 1894–1899), «Гөлзар вә чәманзар, ягъни уләнлек вә чәчәклек» («Травы и цветы», 1894).

Объединяя с помощью понятного всем тюркским народностям татарского литературного языка многих жителей Поволжья, Приуралья и других регионов, где проживали тюрки, говорившие на разных диалектах, он формировал новую языковую общность. Тем самым К. Насыри дал возможность подключить всех татар, вне зависимости от региона их проживания и используемого диалекта, к

---

³⁴⁴ Насыри К. «Ләһжәи татари» дан // Насыри К. Сайланма әсәрләр. 4 томда. Т. 3. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2005. Б. 273.

³⁴⁵ Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы : пер. с нем. И.А. Гилязова. Казань : Татарское книжное издательство, 2011. С. 154.

³⁴⁶ Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри : Очерк жизни и творчества. Казань : Татарское книжное издательство, 1975. С. 26.

прогрессивной педагогической культуре татар-мусульман Поволжья и Приуралья.

Знаменательно, что Каюм Насыри в 1885 г. был избран действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. И это было высочайшим признанием его заслуг как ученого-этнографа.

Научно-творческая деятельность этого просветителя касалась многих отраслей знаний, но, несмотря на наличие религиозного образования и опыта написания теологического труда «Мифтах ал-Кур'ан» («Ключ к Корану»), он не отважился составлять учебники по богословским наукам на татарском языке. Свою последнюю книгу «Алифба. Иман шарты белэн» («Азбука. С добавлением Условий веры») в 1902 г. К. Насыри завершил лозунгом: «Яшәсен үзебезнең кадимебез» («Да здравствует наше исконное, древнее [наследие]»).

В целом Каюма Насыри можно назвать выдающимся педагогом-просветителем XIX в., ориентирующимся на приобщение татар-мусульман к сокровищницам мировой философии, науки, педагогики, а также к их новейшим достижениям.

Таким образом, К. Насыри заложил основы татарской педагогики, разрабатывая и издавая многочисленные учебники, книги и рукописи, которые были пронизаны идеями гуманизма, толерантности, патриотизма, воспитания гармоничной личности с широким интеллектуально-эстетическим потенциалом. Под влиянием этих идей педагогическая культура народностей Поволжья и Приуралья, исповедующих ислам, становится востребованной в современном поликультурном и поликонфессиональном пространстве, а установки любви к родному краю и культуре татарского народа способствует сохранению и проявлению национальной идентичности в эпоху глобализма.

Педагогические идеи по воспитанию культуры и нравственности К. Насыри, нашли понимание среди педагогов последующего поколения – Р. Фахреддина, Х.Г. Габаши, Г. Баруди и др.

Педагогические идеи и методики обучения К. Насыри стали применяться преподавателями мектебе и медресе на рубеже конца XIX–XX в. Повлияв на дальнейшее развитие педагогической культуры татар-мусульман Волго-Уральского региона, они продолжают оставаться актуальными и в нашем поликультурном мире.

3.4. Вопросы воспитания и образования подрастающего поколения в творчестве Ризаэтдина Фахретдина

В духовном наследии Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936)³⁴⁷ – выдающегося татарского ученого-историка, педагога-просветителя, писателя и публициста, муфтия, автора большого количества трудов и учебных пособий по педагогике, которые выдержали многочисленные издания, – особое место занимают вопросы формирования нравственности подрастающего поколения и проблемы социализации личности.

Труды Р. Фахретдина написаны на арабском, персидском, турецком, древнетюркском языках. Во многих его работах ясно прослеживается мысль о том, что систематическое образование ведет к совершенствованию личности и является основой самовоспитания.

Р. Фахретдин написал серию работ «Учение о нравственности», где он развивает учение ислама о нравственности, приспособлявая его к условиям современной ему повседневной жизни: «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок»), «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать»), «Тәрбияле ата» («Воспитанный отец»), «Насыйхэт» («Наставление»), «Әдәби тагълим» («Учение о вежливости»), «Мотәлага» («Чтение»), «Шәкертлек әдәбе»

---

³⁴⁷ Родился ученый в селе Кичучат ныне Альметьевского района Республики Татарстан в семье муллы. По окончании начальной школы и медресе он начинает заниматься преподаванием и написанием научных трудов.

(«Вежливость шакирдов»), ставшие настольной литературой в интеллигентных семьях.

В учебнике для школ-медресе «Тәрбияле бала», который до 1914 г. выпускался большими тиражами 13 раз, большое внимание уделяется формированию у детей нравственных ценностей, которыми они должны руководствоваться в повседневной жизни. Р. Фахретдин призывает мусульман при любых обстоятельствах оставаться тактичными и толерантными, уважительно и почтительно относиться к своим родителям. Родителям же нужно целенаправленно уделять внимание воспитанию детей. Можно с уверенностью сказать, что названная выше книга служила учебником по этике, этикету, эстетике в школах-медресе. Р. Фахретдин пишет: «Благовоспитанный ребенок, вернувшись из школы, первым делом поприветствует своих родителей. Он коснется губами их заботливых рук, а также доставит им радость рассказами, как отвечал на уроке и получил благодарность от своего учителя. Родители будут удовлетворены успехами школьника и прочитают ду'а³⁴⁸ по этому поводу»³⁴⁹.

В своих работах Р. Фахретдин анализирует ценности, которые представляют собой некие установленные мусульманским сообществом идеалы. Он пропагандирует такие духовно-нравственные качества, как скромность, милосердие, трудолюбие, которые исключают различные пороки; в том числе выступает против злоупотребления спиртными напитками. По его мнению, именно перечисленные качества являются основой внутреннего поиска человека, его устремлений, индивидуального взгляда на окружающую действительность. В пример Фахретдин приводит основные идеи татаро-мусульманской «народной» педагогики, основанные на закреплённом вековой практикой опыте народа. «Каждый человек должен заниматься самовоспитанием и самосовершенствованием, взрослый человек имея волю, сам в состоянии себя

---

³⁴⁸ Ду'а в исламе – личная мольба мусульманина на родном языке, обращение к Аллаху.

³⁴⁹ Риза Фахретдин об особенностях исламского воспитания. URL: <https://islam-today.ru/istoria/riza-fahretdin-ob-osobennostah-islamskogo-vozpitanija/?desktop=true> (дата обращения 08.09.2019).

воспитать»³⁵⁰, – утверждает Р. Фахретдин. Например, в своей книге «Юаныч» («Отрада») в разделах «Зыяфат, или гостеприимная свадьба» и «Еда» Р. Фахретдин напоминает забытые обычаи и предания татарского народа, связанные с гостеприимством, и выступает против употребления подрастающим поколением алкоголя и табака, указывая на их вред для здоровья человека. Он приводит действенные методы избавления от этих пороков.

В 1887 г. Р. Фахретдин выдерживает испытание на должность имама, а в 1891 г. назначается главой (казыем) Духовного управления мусульман России и переезжает в Уфу. Обладая большим интеллектуальным потенциалом и энциклопедическими знаниями, он приступает к изданию биографий выдающихся людей в научно-биографической энциклопедии – серии книг «Асар» («Памятники»).

Научно-биографическая энциклопедия «Асар», состоящая из 14 томов, содержит биографии 733 личностей, проживавших и проживающих на территории Поволжья и Приуралья с X по XX в., которые внесли значительный вклад в развитие разных наук.

Библиографический труд написан под влиянием «Некрологов» Ш. Марджани, которого Р. Фахретдин особо почитал и с которым много раз встречался, обсуждая насущные религиозные и педагогические проблемы. В 1887–1888 гг. издаются его книги «Ат-тухфател-анисия», «Китабет-тасрыйф», «Китабе-мукадима», использовавшиеся как учебные пособия по грамматике (морфологии) арабского языка. Для нас эти работы интересны еще и потому, что в них ярко выражены также идеи мусульманской педагогики.

Являясь идеологом мусульманской модернизации и ведущим богословом, Р. Фахретдин заслуженно пользовался авторитетом во всем мусульманском мире. Свое религиозное мировоззрение он изложил в работах «Дини вэ иджтимагый мэсьэллэр» («Религиозные и общественные проблемы», 1914) и

---

³⁵⁰ Фахретдин Р. Ф. Балаларга нэсыйхэт. Казан : Рухи Мэгърифэт Академиясе, 2006. С. 13.

«Джавами калим шархи» («Комментарии к сборникам хадисов», 1916). В этих сочинениях Фахретдин рассматривал проблемы реформирования мусульманского мира в Новое время, отстаивал совместимость ислама и науки, призывал вернуться к первоначальному «чистому» исламу, без позднейших средневековых наслоений, пропагандировал новометодное религиозное образование, нравственные устои религиозного воспитания в семье, равноправное положение женщины и мужчины в семье и в социальной жизни.

Составляя проект реформы образования с двухступенчатой системой обучения, Р. Фахретдин предлагает на первой ступени изучать Коран, а на второй – светские предметы. Он призывает создавать учебники с учетом достижений современной ему педагогики и дидактики.

Вышеназванные книги принесли ему славу просветителя. В 1906 г. по приглашению братьев М-Ш. и М-З. Рамиевых Р. Фахретдин переезжает в Оренбург. Сначала он работает сотрудником в газете «Вақыт» («Время»), где выступает за создание национальных библиотек, за издание газет и журналов на татарском языке. А затем десять лет (1908–1918) Фахретдин занимает должность издателя и редактора журнала «Шура» («Совет»); некоторое время возглавляет известное медресе «Хусаиния». На страницах издаваемого им журнала, который считался одним из самых передовых изданий своего времени, печатаются его статьи (более 300) по проблемам философии и истории, литературы и языкознания, географии и педагогики, религии и естествознания. В философских исследованиях – «Ибн Рушд», «Имам Газали», «Ибн Араби» – он анализирует философские взгляды мусульманских ученых, определяет место и значение их в истории исламской культуры.

Понимая, что женщина – «сердце» семьи, Р. Фахретдин отмечает огромную роль матери в воспитании детей. Он считал, что отношения в семье создаются женщиной и от снижения ее роли в семье на фоне изменений социального положения женщины в мусульманском обществе семья теряет единство и сплоченность. О «секретах и важности» материнской воспитания

говорит его книга «Воспитанная мать», где он подчеркивает: «...в большинстве случаев в том, что народ является добрым, хорошим, заслуга матери. Воспитанные матери не только уважаемы своими детьми, но и народом»³⁵¹. Он отмечает ответственность материнства, называя его «самым тяжелым трудом», в то же время указывая на важность личного примера в семейном воспитании. «То, что невозможно сделать трудом или купить за деньги, можно сделать с помощью прекрасного характера, поведения»³⁵². Тему женщин он продолжает и в историко-библиографических трудах (20 книг), в числе которых и «Мэшхур хатыннар» («Выдающиеся женщины»). Эти книги сыграли особую роль в пробуждении самосознания татарской женщины. Поддерживая идею равноправия, отводя женщине важное место не только в продолжении рода, но в общественной жизни, он показывал роль женщины в развитии педагогической культуры татаро-мусульманского общества.

Р. Фахретдин исходил из мысли, что школа, наравне с семьей, является важнейшим социальным институтом, где решаются вопросы гармоничного всестороннего развития личности. «Для чего мы отправляем детей в школу? Безусловно, для того чтобы правильно воспитать. Из этого следует, что задача школы состоит не только в подаче научного материала, но и в воспитании детей, в развитии у детей таких ценностей, как любовь к Аллаху, трудолюбие, хороший характер, духовность, смелость и др.»³⁵³.

Р. Фахретдин выступал за взаимодействие педагогов и родителей в воспитании шакирдов (учащихся). Подчеркивая значимость воспитания, он писал: «Воспитание подрастающего поколения – это очень важная социальная задача, и она требует внимания учителей и родителей»³⁵⁴.

---

³⁵¹ Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – начале XX в. (очерки политической истории). Казань : Магариф. 1998. С. 80.

³⁵² Фахретдин Р.Ф. Балаларга нәсыйхәт. Казан : Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. С. 13.

³⁵³ Фахретдин Р. Адабе тәгълим» («Укыту кагыйдәләре»). Казан, 1908. Б. 43.

³⁵⁴ Там же, б. 8.

Р. Фахретдин отмечал, что такое сложное явление, как учебно-воспитательный процесс, достигает совершенства, когда учитель и ученик готовы полностью отдаться этому процессу, и что учителя должны вести обучение, используя свой личный пример. «Учитель обязан прежде сам совершенствоваться, только потом воспитывать. Иначе его уроки без пользы. Так как в большинство случаев ученики схватывают не слова педагога, а перенимают его черты характера. По этой причине учителю необходимо совершенствовать свой характер, прежде чем говорить своим ученикам “Будьте таким!”, “Делайте так!”»³⁵⁵, – считает просветитель. Таким образом, по мнению Р. Фахретдина, воспитание должно строиться на личном примере педагога, на его профессионализме и знании не только своего предмета, но и психологии учеников.

Р. Фахретдин выдвигал на первый план воспитание личности на основе татаро-мусульманской культуры, поскольку считал, что исламская этика может сыграть здесь важную роль. Например, в книге «Жавамигуль – калим шахре» (1916) представлены 344 хадиса пророка Мухаммеда, комментируя которые Фахретдин дает ответы на актуальные вопросы религиозного, социального, духовно-нравственного, педагогического характера. Например, он пишет: «Как подвести ребенка к праведному пути? Безусловно, очень важна здесь роль родителей. С раннего возраста дети должны получать должное воспитание»³⁵⁶.

Раскрывая основы мусульманской педагогики и исламского учения в деле образования народа, Р. Фахретдин утверждает, что религия без образования столь же пагубна, сколь и образование без религии. Религия, по его убеждению, должна сохранять свое значение как система мировоззренческих и моральных устоев, она должна идти в ногу со временем и сообразовываться с достижениями науки. Пропагандируя научные знания, выступая за всеобщее просвещение

---

³⁵⁵ Фахретдин Р. Жавамигуль – кэлим шэрхе. Казан : Иман, 1995. Б. 87.

³⁵⁶ Там же, с. 83.

татарской нации, он внес огромный вклад в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XIX – начала XX в.

Р. Фахретдин создает объемистые труды «Булгар вә татар төрекләре» («Булгарские и татарские тюрки») и «Татарские ханы», участвует в работе крупных симпозиумов, всемирного исламского конгресса, устанавливает связи с А.Н. Самойловичем, И.Ю. Крачковским, В.В. Бартольдом, зарубежными учеными мусульманских стран, Канады, Японии, Китая, Франции. В мае 1917 г. он вновь избирается казыем, а в 1922 г. – муфтием Духовного управления мусульман в Уфе. Последние годы Фахретдин жил в тяжелых материальных условиях и в политической изоляции: вследствие негативного отношения Советской власти к религиозным деятелям он был отстранен от научной и общественной деятельности.

Еще 1923 г. объективную оценку педагогико-творческой деятельности Р. Фахретдина дал Д. Валиди: «Одной из главных черт этого писателя является его веротерпимость и уважение к чужой мысли, но он человек чересчур серьезный, в современной культуре для него ценно только то, что научно и нравственно; в этом отношении он указывает на европейцев как на достойных подражания, но его не очаровывает внешний блеск этой культуры. Он настойчиво предостерегает мусульманскую молодежь от следования моде, от расточительности и разврата современного культурного общества»³⁵⁷.

Р. Фахретдин, являясь главой большой дружной семьи, отцом шестерых детей, уделяет большое внимание вопросам воспитания и образования ребенка в семье, школе, в обществе и щедро делился собственным опытом. Как представитель духовенства, всю свою жизнь посвятивший обучению подрастающего поколения, преподаванию в медресе, он внес огромный вклад в педагогическую культуру татарского народа, исповедующего ислам в Волго-Уральском регионе.

---

³⁵⁷ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань : Издательство «Иман». 1998. С. 106.

3.5. Значение просветительско-педагогических воззрений Мусы Бигиева для педагогической культуры татар-мусульман

Значительный вклад в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья внес также выдающийся просветитель, богослов, педагог, общественный деятель и публицист Биги (Бигиев) Муса Джаруллах³⁵⁸ (1873–1949). Обратимся лишь к некоторым научным работам этого неореформатора богословской, общественной и педагогической мысли. Сто двадцать больших и малых трудов, написанных им за семидесятичетырехлетнюю жизнь, полную страданий и трудностей, являются бессмертными свидетелями его научной силы.

Приведем пример из творческого наследия М. Бигиева, который касается вопросов гносеологии и способов получения знаний. Обращаясь к ученым, М. Бигиев пишет: «То, что преподнесено в книгах в качестве знаний, не приведет к истине. Если хочешь изучать явления, имеющиеся в природе, то думай самостоятельно»³⁵⁹. Эта мысль вполне согласуется с мировосприятием новой цивилизационной эпохи, когда решающую роль в познании окружающей действительности начинают играть интеллектуальные способности и возможности самого человека.

Нельзя не заметить, что позиция М. Бигиева восходит к философским взглядам великих реформаторов эпохи Просвещения. В частности, к таким великим деятелям просвещения, как Р. Декарт, Д. Дидро, Дж. Локк, И. Кант и др. Напомним известное высказывание И. Канта: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по

---

³⁵⁸ Он встречался с В.И. Лениным, неоднократно был арестован и сидел в тюрьме за свои убеждения. С 1930 года в эмиграции, жил во многих странах, Индии, Турции, Египте, опыт которых изучал. Умер в Каире.

³⁵⁹ Бигиев М. Әдәбияте гарәбия илә голуме Исламия. Казан : Мәғариф, Е.к. (Лито-Тип. И.Н.Харитонов), 1911. Б. 24.

собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения»³⁶⁰.

Основываясь на рациональных доводах, М. Бигиев предлагает свое толкование положений Корана и Сунны. Так, в работе «Рэхмэт илаһия борһанлары» («Доказательства божественного милосердия») М. Бигиев, обращаясь к теме спасения людей из ада и их перемещения в рай, которая является одним из принципиальных вопросов мусульманского богословия, ссылается на десять аятов Корана и приводит две ссылки на Сунну, которые, по его мнению, позволяют утверждать, что Всевышний со временем введет в рай всех людей, независимо от их вероисповедания. Он утверждает, что Аллах может прощать все грехи, кроме неверия, которое ни в коем случае не подлежит прощению. По его мнению, грешники после долговременного мучения в аду освобождаются и идут в рай, а неверующие навечно остаются в аду³⁶¹.

Еще пример. В книге «Озын көнләрҙә рузә» («Пост в длинные дни»), поднимая вопрос о соблюдении мусульманами поста в разных географических широтах и о возникающих при этом проблемах и основываясь на утверждении Корана, что Всемилостивый и Милосердный Аллах желает всемерно облегчить жизнь людей (в том числе и при совершении ими обрядов поклонения и почитания Бога), М. Бигиев предлагает в северных широтах вообще отказаться от соблюдения поста в той ситуации, когда солнце в долгие летние дни практически не заходит за горизонт и у мусульман, следовательно, нет возможности принимать пищу после захода солнца. Примечательно, что М.

---

³⁶⁰ Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994. С. 29–37.

³⁶¹ Бигиев М. Рэхмәте илаһийә борһанлары. Оренбург : Шәрәк, 1911. 97 б.

Бигиев сам совершает «путешествие за Полярный круг для созерцания картины незаходящего солнца с дальнейшим предложением аргументированного установления, касающегося проблем вечернего, ночного и утреннего намазов, а также поста в условиях высоких северных широт»³⁶². Вне всякого сомнения, в вопросе соблюдения поста М. Бигиев не только показывает свое гуманное отношение к людям, не только предпринимает попытку приспособить исповедальные нормы Корана к конкретным реалиям жизни, но и ярко демонстрирует преподавателям возможности интеллекта человека, его мыслительных способностей для осмысления сведений, изложенных в Коране, с учетом специфических условий жизни людей.

М. Бигиев выражает свое собственное отношение и к проблеме первородного греха, обосновывая необходимость уважительного отношения к женщине. В работе «Коръэн кәрим аять кәримәләренен нурлары хозурында хатын» («Женщина в свете священных аятов Благородного Корана») Муса Бигиев считает, что проблема «первородного греха» перекочевала в ислам из христианства, где именно Ева представлена несовершенной, так как была создана всего лишь из ребра мужчины. М. Бигиев доказывает, что, согласно Корану, сатана, став причиной низвержения прародителей, совратил одновременно и мужчину, и женщину (Коран 2: 36). Он полагает, что Коран более чем ясно дает понять, что сатана вначале обратился к Адаму, а не к Еве со словами: «О Адам, не указать ли мне тебе на древо вечности и власти, что не иссякнет?» (Коран, 20: 120). Он приводит также слова Корана, в которых говорится: «...так Бога своего ослушался Адам – и с праведной стези был совращен» (Коран, 20: 121). Таким образом, главным виновником провозглашается не праматерь людей Ева, а первый человек Адам. Поэтому, как полагает М. Бигиев, в соответствии с коранической версией нет основания для обвинений женщины в изначальной греховности и порочности. По мнению М.

---

³⁶² Бигиев М. Озын көнләрдә рузә. Казан : Электро-типография «Умидь», 1911. С. 1–10.

Бигиева, именно неверное понимание этого положения Корана стало причиной того, что женщина воспринималась в исламе в качестве приниженного создания. О качествах женщин М. Бигиев писал, «что скромность и красота, невинность и достоинство не нуждаются в украшениях и внешнем блеске. Женщины являются не только украшением общества, но и величайшим сокровищем совершенства нации»³⁶³. Исходя из вышесказанного и из анализа других работ ученого-педагога, можем сделать вывод, что М. Бигиев еще 110 лет тому назад проповедовал гендерную толерантность, актуализировал женский вопрос и вывел его в ряд актуальных общественных и педагогических проблем мусульманского мира. Он писал: «Уважительное, почтительное отношение к женщине было привито мне Кораническим воспитанием»³⁶⁴. В качестве основного способа решения неблагоприятных ситуаций в отношении женщин в исламском обществе он предлагает ввести разностороннее и полноценное образование женщины.

М. Бигиев нашел возможность изучения и сравнения с Кораном священных Писаний иудеев и христиан – Ветхого и Нового заветов, которые в Коране признаны истинными Посланиями от Единого Бога (Аллаха) и названы «Афсар», а также арабских и русских толкований к ним. А в дальнейшем при разработке полноценной образовательной программы для мусульманских учебных заведений он предлагает изучать Тору, Библию и Евангелие, поскольку считает, что без знания этих книг понимание ислама будет несовершенно.

В 1910 г. М. Бигиев был приглашен для преподавания арабского языка и истории религий в джадидское медресе «Хусаиния», находившееся в Оренбурге, и там, даже ограниченный учебной программой, он внедрил идею о всеохватности Божьей милости.

---

³⁶³ Бигиев Муса Джаруллах. Женщина в свете священных аятов Благородного Корана. Берлин : Zonna. 1933. С. 18.

³⁶⁴ Там же, с. 9–12.

Весьма знаменательным можно назвать и предложение М. Бигиева, связанное с необходимостью изучения арабского языка на материале древнеарабской поэзии, чтобы владение языком базировалось на знании самых тонких литературно-художественных приемов и средств выражения мысли. М. Бигиев считал, что только после такой «перенастройки» языковой картины мира и языкового мышления человек может постигать Коран и что для полноценного понимания ислама человек должен остаться один на один с кораническими и суннитскими дисциплинами. При этом человек должен лично ознакомиться с текстом Корана, самостоятельно анализировать один за одним все его аяты, не обращаясь к каким-либо их толкованиям. Он считал, что тафсиры (толкования Корана) нанесли большой вред исламскому миру, и был убежден, что каждый мусульманин способен толковать Коран самостоятельно. А для этого ему необходимо дать надлежащее фундаментальное образование. Так, в частности, глубоко уважая и зная математику как науку, М. Бигиев выступает с предложением о соединении общественных наук с математикой и использовании последней в качестве методологической основы познания мира.

По поводу образования по фикху (мусульманскому праву) М. Бигиев говорил, что все труды древних богословов студенты должны знать, но относиться к ним критически, а не как к незыблемым истинам, потому что они выражают всего лишь мнение людей, а не Бога. И в этом отношении М. Бигиева можно сравнить с другим великим просветителем-реформатором – Р. Декартом, который, будучи глубоко верующим человеком, тем не менее в работе «Первоначала философии» призывал на пути познания истины все подвергать сомнению («De omnibus dubitandum»)³⁶⁵.

М. Бигиев был абсолютным приверженцем открытия «врат иджтихада», т. е. размышлений и вывода собственной позиции. Согласно М. Бигиеву, любой специалист, обладающий базовыми знаниями Корана и Сунны пророка, имеет

---

³⁶⁵ Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 313–315.

право высказывать свое мнение и выносить свое правовое решение. Надо сказать, что во время преподавания в медресе сам М. Бигиев не делил учения, бытовавшие в исламе, на мазхабы (богословско-правовые школы). Он считал, что шакирды (ученики) должны их изучать, знать, но относиться к ним критически. Сам он был против разделения на мазхабы, поскольку утверждал, то это тупиковый путь, который привел мир ислама к отсталости, косности и слабоумию.

М. Бигиев высказывал мнение, что именно Коран является главным источником и мировоззренческим фундаментом ислама и что поэтому мусульманам необходимо вернуть Коран в его первоначальной чистоте, чтобы они непосредственно работали с этим текстом по самым разным направлениям. Он полагал, что важны и графика Корана, и исправление ошибок, и правильная рецитация Корана, и стили рецитации, и весь комплекс коранических наук.

Поэтому задачей мусульман является возвращение к Корану, который больше обращен в будущее, чем в прошлое, и поиск в нем света, который осветит день сегодняшний и будущее. Несмотря на то, что Муса Бигиев всю жизнь посвятил изучению исламских наук, его очень интересовали и судьбы мусульманских народов, и то, какую роль может сыграть в их истории правильное понимание ислама и Корана. М. Бигиев считал, что в будущем у человечества не будет иной альтернативы для выживания и благополучия, кроме следования исламу, что ислам – это спасительный маяк для всего человечества. Он писал: «Все бедствия, которые обрушились на мир ислама, проистекают от игнорирования содержащихся в Коране безграничных потенциалов совершенствования и заключения жизни мусульман, опирающейся на определенные комментарии и толкования, в тесные рамки уложений, претендующих на истинность во веки веков»³⁶⁶. Те, кто считает, что в исламе

---

³⁶⁶ Хайрутдинов А.Г. Сущность и содержание веры с точки зрения Мусы Бигиева // Ислам в современном мире. 2017. № 13(2). С. 73-90. URL: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-2-73-90>.

имеются ответы на все вопросы, которые выдвигает та или иная эпоха, найдут способ их разрешения.

М. Бигиев придавал огромное значение разуму мусульманина, обосновывая это так: «Разум есть мерило любой истины. Достоверность истины доказывается весами разума. То, что не имеет веса на чаше весов разума, не будет пользоваться спросом на рынке истины»³⁶⁷. Далее он пишет о том, что «для убеждения в достоверности какого-либо сообщения необходима взаимосогласованность обладателей трезвого рассудка»³⁶⁸. При этом Бигиев полагает, что «достоверное сообщение всегда соответствует общему мнению обладателей ясного разума. Сообщение, которое противоречит собору трезвого суждения, никогда не будет истинным. Но фантазии, взгляды и мнения любого отдельно взятого человека не могут расцениваться как плод его разумности»³⁶⁹.

М. Бигиев выступал сторонником объединения образования и обучения, а главной причиной педагогических ошибок он считал «неправильную систему преподавания в наших школах и медресе, изначально порочное воспитание наших детей и некомпетентность людей, занимающихся вопросами образования»³⁷⁰.

Подготовленная им пятнадцатистраничная программа называется «Низам ал-Джами‘ат ал-исламийа ал-‘илмийа» («Концепция научного исламского Университета»). Судя по общей направленности и настрою его записей, эту концепцию можно считать не учебной программой для университета, а скорее, программой для реформированного медресе. Создавая программу М. Бигиев, сформулировал основные методы формирования и социализации личности, исповедующей ислам.

---

³⁶⁷ Бигиев М. Эдэбияте гарэбия илэ голуме Исламия. Казан : Мэгариф, Е.к. (Лито-Тип. И.Н. Харитоновна), 1911. Б. 9.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Бигиев Муса. История Корана и его сводов. М. : ИД «Медина», 2016. С. 16.

Важнейшим инструментом социализации личности М. Бигиев видел образование, предлагая такую программу: «при обучении детей следует начинать с азов всех наук – чтения, письма и первооснов веры. Затем им преподаются знания общественные, такие, как языки и умение сочинять на них, основы математических наук – арифметика, алгебра и геометрия, биология и геология, основы естествознания, химия, астрономия; необходимые религиозные и литературные науки; обширные сведения по истории и событиям первых веков; география и астрономия. Следует обучать этому ребенка, чтобы он стал полностью сознательным и разумным. Обучение всему этому занимает считанные годы, ведется по самой легкой методе и в той последовательности, которую предусмотрели для воспитания духовные наставники (раббанийун) и ученые люди»³⁷¹.

Имея обширные знания, М. Бигиев подверг резкой критике принципы традиционного классического исламского образования, которые он знал изнутри. Так, еще учась в Бухаре, он испытал на себе схоластику веками не менявшейся системы образования (например, ученики полгода занимались анализом двух предложений в тексте комментария, который к тому же был написан к другому комментарию). Он описывал свое удивление, вызванное тем, что в мусульманских медресе не преподавались ни Коран, ни Сунна, и выражал возмущение: «...в мусульманских медресе мы из детей мусульман делали абсолютных кяфиров³⁷²»³⁷³. Образование, будь оно светским или религиозным, призвано не только снабдить человека знаниями об окружающем мире, истории, культуре и религии, но и научить его мыслить – мыслить позитивно, творчески, объемно и последовательно, используя логику и обращаясь к первоисточникам, и таким образом постигать истину.

---

³⁷¹ Бигиев М. История Корана и его сводов. М. : ИД «Медина», 2016. С. 19.

³⁷² Кяфир – неверный, иноверец, невежественный человек.

³⁷³ Бигиев М. Эдэбияте гарэбия илэ голуме Исламия. Казан : Мэгариф, Е.к (Лито-тип. И.Н.Харитонов). Б. 26.

Понимая процессы, происходящие в мусульманском социуме, как, впрочем, и во всех остальных сообществах, которые были связаны с социально-экономическими, политическими и нравственно-этическими преобразованиями его времени, М. Бигиев считал необходимым обновить всю систему образования, ее содержательную основу и методiku преподавания различных дисциплин. Он писал: «Поскольку же общественные потребности людей вращаются вокруг наук, религии, ремесла и торговли, нужно, чтобы у них, кроме начальных школ, были также средние и школы уровня рушдийа и и'дадийа – религиозные, общеобразовательные, ремесленные и торговые; нам нужны также высшие учебные заведения, которые готовили бы людей науки и труда, способных трудиться ради общественного блага на религиозном поприще и во всех областях жизни»³⁷⁴.

По мнению Мусы Бигиева, такие нравственные черты характера человека, как целомудрие, старательность, терпеливость, кротость, умение прощать, щедрость и благочестие, в своей основе являются составными частями свободы личности, которые способны стимулировать свободомыслие в обществе, где каждая личность свободна от пороков, осуждаемых Кораном. Он указывал, что сугубо миролюбивое, толерантное отношение к друг другу способно сформировать человека, достойного высокого предназначения, указанного Всевышним. Данными своими положениями М. Бигиев предвосхищает декларируемые современными международными актами и Конституцией Российской Федерации принципы свободы сознания и вероисповедования. Так, в частности, М. Бигиев пишет: «Поскольку свобода – это избавление от всякого рода рабства и принуждения, то целомудрие – это избавление от власти низменных инстинктов и половых чувств, старательность – избавление от лени и праздности, терпеливость – избавление от страха и стеснения, кротость – избавление от гнева и злости, прощение – избавление от чувства мщениа,

---

³⁷⁴ Бигиев М. История Корана и его сводов. М. : ИД «Медина», 2016. С. 21.

щедрость – избавление от сребролюбия и стяжательства, благочестивость – избавление от эгоистических начал»³⁷⁵.

Анализ педагогико-богословских воззрений Мусы Бигиева позволил выделить несколько важных моментов предлагаемого им направления формирования человека и социализации личности, которые, вне всякого сомнения, являются существенным вкладом в развитие педагогической культуры татар-мусульман:

- значимость для любого человека образования и просвещения, посредством которых человек знает свои права и обязанности и познает мир;

- приобщение человека непосредственно к первоисточникам, то есть к «небесным» писаниям, в частности, к Корану и Сунне пророка; почтительность и уважение в соблюдении законов, основанных на Справедливости и Истине;

- развитие интеллектуальных способностей посредством самостоятельного толкования отдельных положений Корана и Сунны для формирования собственного мнения о них;

- осознание значимости плюрализма мнений, исключаящего диктат и авторитаризм, которые веками насаждались исламскими богословами в виде религиозных догм и постулатов; наличие силы и мужества, достаточных для того, чтобы не смиряться с унижением достоинства человека и не следовать за ложными призывами богословов;

- право на свободу мысли для каждого мусульманина, который имеет право на иджтихад; формирование чести у каждого мусульманина и его надежности с целью сохранения его от нарушения прав окружающих;

- право на личную свободу для каждого человека – избавление от всякого рода рабства и принуждения, в том числе от собственных негативных внутренних качеств;

---

³⁷⁵ Гермез М. Муса Джаруллах Бигиев : Учебно-методические и научные материалы для составления учебных пособий, курсов лекций, хрестоматий, а также научно-исследовательской работы студентов. Казань : Изд-во ДУМ РТ, 2009. С. 85.

– необходимость изучения не только Корана и Сунны пророка, но и Торы, Библии, включая Новый завет, для полноценного религиозного понимания мира.

Анализ научной, просветительской и педагогической деятельности М. Бигиева дают основание говорить, что он является именно тем ученым, который проповедовал «лучший» смысл аята Корана: «Тех, кто Господне Слово слышит и следует за лучшим (смыслом) в нем. Они – все те, которых вел Аллах, и те, кто обладает разумением» (Коран, 39: 18). Педагогические воззрения Мусы Бигиева, формировались в переломные для судеб жителей Поволжья и Приуралья годы и несли на себе отпечаток принципиально новых подходов, в том числе и в осмыслении Корана; их значение в педагогической культуре татар-мусульман Поволжья и Приуралья можно характеризовать как неореформизм, предопределяющий движение от традиций к новациям в сфере образовании.

Выводы к главе 3

Вклад прогрессивных татарских ученых-богословов, педагогов-просветителей в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в. чрезвычайно велик. В начале XIX в. Габденнасыр Курсави впервые вводит в систему мусульманского образования в Волжско-Уральского региона наряду с религиозными дисциплинами преподавание дисциплин светских – алгебры, математики, геометрии и истории. Следуя возрожденческим тенденциям, Г. Курсави, пропагандирует новые, передовые общественно-педагогические идеи, которые имели важное значение в подготовке национальной интеллигенции и высокообразованных людей.

Прогрессивный вклад в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья вносит творчество и в просветительская деятельность Габдрахима Утыз-Имяни, который проповедует идеи толерантного отношения к миру – в отношении к религии и научному познанию. Высоко оценивая научное знание, он считает его не противоречащим религиозному, а закономерно

существующим наряду с ним. Он пытается решить проблему соотношения веры и знания путем установления между ними «мирного сосуществования». Выступая за приоритетность знаний и просвещения, критикуя реакционное мусульманское духовенство, а также придерживаясь мнения о необходимости толерантного отношения к представителям других конфессий, Г. Утыз-Имяни способствовал реформаторству богословской и педагогической мысли.

Религиозно-реформаторская концепция Шигабутдина Марджани утверждает, что врата иджитхада открыты для каждого; таклид должен быть искоренен; из медресе должны быть изъяты старые, схоластические, бесполезные книги; необходимо ввести в медресе изучение Корана, хадисов, истории ислама; не следует возражать против изучения светских наук и русского языка; необходимо вернуть мусульман к основам раннеисламской веры и религиозной культуры времен Мухаммада.

Основные педагогические идеи Хусаина Фаизханова, внесшие богатый вклад в развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, заключались в следующем: а) стремление к светскому просвещению, которое во второй половине XIX в. становится неотъемлемой частью культурной жизни общества и обязательным признаком образованности; б) широкое привлечение достижений культуры прошлого, что следует трактовать не как возвращение к старому, а как возрождение забытых культурных ценностей и творческое использование их для создания новых; в) рационализм, тесно связанный с изучением естествознания, истории, с обращением к разуму, с восхвалением его, и превращением в мерило истины, – и, как следствие, развитие логики и приобретение знаний в разных областях; г) отрицательное отношение к догматике, противопоставление ей разума, критика косности и пороков, отход от постулатов ортодоксальной религии, развитие вольнодумия; д) гуманизм, проявляющийся в восхвалении познавательных и нравственных качеств человека, в отношении к человеку как к высшему творению; е) любовь к слову, устному и письменному, широкое увлечение филологией, риторикой, изящным

словом и сложением стихов – всем, что считается неотъемлемым качеством образованного человека; ж) универсальность, энциклопедичность, овладение несколькими науками, языками восточных стран.

Просветительско-педагогический вклад Каюма Насыри в педагогическую культуру татар-мусульман Поволжья и Приуралья заключается в том, что он, разрабатывая и издавая многочисленные учебники, книги и рукописи, которые пронизаны идеями гуманизма, толерантности, патриотизма, воспитания гармоничной личности с широким интеллектуально-эстетическим кругозором, заложил основы татарской педагогики как науки. Под влиянием идей Каюма Насыри педагогическая культура народностей Поволжья и Приуралья, исповедующих ислам, становится востребованной в современном поликультурном и поликонфессиональном пространстве, а установки любви к родному краю и культуре татарского народа способствуют сохранению и проявлению национальной идентичности в эпоху глобализма.

Влияние Ризаэтдина Фахретдина на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья обусловлено тем, что он, как представитель духовенства, всю свою жизнь посвятивший обучению подрастающего поколения и преподаванию в медресе, показал пути практического применения духовно-нравственных основ ислама в воспитании и образовании подрастающего поколения в семье, школе, в обществе. Он внедрял в сознание педагогической общественности веротерпимость и уважение к чужой мысли, показывал на практике, как формировать научное мировосприятие, не теряя духовно-нравственных основ; настойчиво предостерегал мусульманскую молодежь от следования моде, от расточительности и развращающего влияния западного общества.

Сущность просветительско-педагогических воззрений Мусы Бигиева для развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья можно характеризовать как неореформизм, предопределяющий движение от традиций к новациям в сфере образования. Он предлагал принципиально новый

подход к формированию человека и социализации личности, который включал в себя значимость для любого человека образования и просвещения, благодаря которым человек познает свои права и обязанности; приобщение человека непосредственно к первоисточникам ислама – к Корану и Сунне пророка; развитие интеллектуальных способностей человека посредством самостоятельного толкования им положений Корана и Сунны и формирования собственного мнения о них; осознание значимости плюрализма мнений и позиций, исключающих диктат и авторитаризм; право на свободу мысли и иджтихад для каждого мусульманина; право каждого человека на свободу от всякого рода рабства и принуждения, в том числе от своих негативных внутренних качеств; необходимость изучения Корана и Сунны пророка, а также Торы и Библии для полноценного объективного понимания мира.

Заключение

В ходе исследования нами установлено, что педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья является частью общей татаро-мусульманской культуры, объединяющей духовные и материальные ценности, нашедшие отражение в идеях и практике педагогической деятельности, и сложившейся под воздействием общих условий жизни, геополитических обстоятельств, экономических и культурных связей.

Педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья возникла с проникновением на территорию Волжской Булгарии (VIII–XIII вв.) религии ислама, с ее развитой письменной культурой, предписывающей своим последователям стремиться к приобретению знаний. Аксиологически она формировалась на мировоззренческой основе Корана и хадисов пророка. В первоисточнике ислама содержатся фундаментальные основы педагогики, определяющие нравственное, умственное, физическое, правовое, трудовое, эстетическое воспитание подрастающего поколения; в нашей работе они определены и описаны как принципы реляции, взаимодействия и осознанного познания.

В эпоху Золотой Орды (XIII–XV вв.) в становлении педагогической культуры татар-мусульман решающую роль сыграла совокупность фундаментальных религиозных ценностей, связанных с понятием «равенства всех людей перед Всевышним».

Дальнейшее развитие татаро-мусульманской педагогической культуры связано с тем, что Казань в XV–XVI вв. становится частью исламского культурного мира и религия теперь составляет главный компонент самобытной татарской духовной культуры. Ее расцвет совпал по времени и перекликался по формам и содержанию с культурными процессами, протекавшими на Востоке и Западе. Казань стала одним из мировых центров соприкосновения взаимодействия и взаимопроникновения самых разнообразных социокультур:

расположение Казанского ханства на исламо-христианском пограничье давало возможность мирного сосуществования между всеми этническими группами населения государства и межкультурного взаимодействия. Развитие татаро-мусульманской педагогической культуры после присоединения в 1552 г. Казанского ханства к России по-прежнему оставалось в ареале влияния мусульманской цивилизации, было её составной частью и шло под воздействием восточного перипатетизма, калама и суфизма – но оно также попало под влияние российской православной системы образования.

В работе подробно исследованы факторы развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в. Трансформация этноконфессиональной политики российского государства, начатая в период правления Екатерины II (с конца 60-х гг. XVIII в.), стала поворотным моментом в развитии педагогической культуры, так как татары-мусульмане уже не подлежали насильственному крещению, получили право на свободу вероисповедания, строительство мечетей и открытие при них школ. Следующим фактором является деятельность открытого в 1804 г. Императорского Казанского университета, ориентированного на подготовку кадров для Востока России и по-европейски образованной татарской национальной элиты. Университет заложил основы для развития высшего педагогического образования в Поволжье и Приуралье. Профессура и выпускники университета принимали участие в разработке правительственной политики, а также в общественных инициативах и в формировании основных концепций, которые стали основополагающими для деятельности педагогических учебных заведений, что позволило стать Университету авторитетным научно-методическим центром.

Функционирование Казанской Азиатской типографии (с 1797 г.) способствовало широкому распространению передовых научных трудов и изданию учебно-методической литературы. Научно-педагогическая деятельность русских ученых-педагогов Н.И. Лобачевского, В.В. Радлова,

миссионеров-просветителей Н.И. Ильминского, Н.А. Бобровникова и др. стала своеобразным «адаптером» интеграции и взаимодополнения религиозного и светского аспектов педагогики, вследствие чего педагогическая культура татар-мусульман вышла за рамки традиционного национального явления и получила общекультурный, просветительский характер. Джадидистское течение (с 80-х гг. XIX в.), направленное на реформирование татаро-мусульманской школы и педагогической мысли и обеспечившее стремительный рывок развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья, приобретя просветительский характер, смогло сформировать новую систему национального образования, в рамках которой происходило приобщение к наследию общечеловеческих достижений с использованием научных подходов при сохранении социокультурной уникальности татаро-мусульманского общества.

В ходе исследования нами выделена группа татарских ученых-богословов и педагогов-просветителей, чьи воззрения и педагогическая практика оказали существенное влияние на развитие педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья конца XVIII – начала XX в. В их числе Габденнасыр Курсави, Габдрахим Утыз-Имяни, Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Каюм Насыри, Ризаэтдин Фахретдин, Муса Бигиев. Благодаря им педагогическая культура татар-мусульман смогла возродить свои прогрессивные традиции, что выразилось в отходе от педагогической схоластики и устаревшей религиозной догматики. Ими была внедрена в педагогическую культуру мысль о том, что научное знание не противоречит религиозному, а закономерно существует наряду с ним; они раскрыли значение толерантного отношения к представителям других конфессий, и это способствовало реформированию богословской и педагогической мысли, интеллектуализации общества. Внедрив в педагогическую практику изучение светских наук и русского языка, они заложили основы татарской педагогики как науки, разрабатывали и издавали многочисленные учебники, книги и рукописи, пронизанные идеями гуманизма,

толерантности, патриотизма, воспитания гармоничной личности с широким интеллектуально-эстетическим кругозором. Благодаря их творчеству педагогическая культура татар-мусульман Поволжья и Приуралья стала востребованной в поликультурном и поликонфессиональном пространстве. Они пропагандировали непосредственное приобщение к первоисточникам монотеизма – в частности, к Корану и Сунне пророка, а также к Торе и Библии.

В развитии педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья в исследуемый период (конец XVIII – начало XX в.) постепенно проявляются те черты, которые определили ее особенности и значение:

- конец XVIII – середина XIX в.: тенденции возрожденчества и религиозного реформаторства в богословской и педагогической мысли;

- 50-е г. – середина 70-х гг. XIX в.: противодействие христианизации, борьба за сохранение самобытности и при этом взаимовлияние педагогических культур;

- последняя четверть XIX в. – 30-е г. XX в.: зарождение и активное распространение джадидизма, включавшего в себя широкое просветительское, собственно педагогическое, религиозно-реформаторское и политическое направления.

К началу XX в. педагогическая культура татар-мусульман, оформилась в самостоятельное направление в мировой педагогической культуре. Ее важной особенностью стало то, что такие значимые ее элементы, как материальное обеспечение, содержание, формы и методы обучения, существовали независимо от государственных ведомств и финансирования. Педагогическая культура татар-мусульман Волго-Уральского региона приобрела общедоступный, широкоохватный характер, предопределив движение от традиций к новациям.

Процесс бурного в качественном и количественном отношении роста педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья шел вплоть до 1917 г., после чего положение кардинально изменилось: произошел тотальный переход от богословско-педагогического образования – с

соответствующим содержанием обучения, формами и методами преподавания – к светскому содержанию и организации учебного процесса на основе идеологии воинствующего атеизма. Правда, по инерции прежняя система образования еще существовала в течение 10 лет после установления советской власти.

Проведенное исследование позволило раскрыть ряд теоретических и методических аспектов процесса развития педагогической культуры татар-мусульман Поволжья и Приуралья. В этой связи одной из важных задач историко-педагогической науки должно стать исследование педагогической культуры татар-мусульман начиная с VIII в. с акцентами на наименее изученном: деятельности духовенства и учителей, посвятивших свою жизнь образованию и воспитанию подрастающего поколения в регионах, в деревнях и селах; написанных ими рукописных учебниках; накопленном татарами опыте в сфере религиозного воспитания; историческом опыте школ и других учебно-воспитательных учреждений.

Сегодня также актуальны вопросы изучения и перевода на русский язык многочисленных книг, учебников и методических пособий, написанных на старотатарском и арабском языках. Кроме того, их необходимо перевести на кириллицу и оцифровать. Это поможет представить масштабность татаро-мусульманской педагогической культуры, ее многогранность и актуальность для современного педагогического сообщества.

Материалы, приведенные в данной работе, и поднятые в ней проблемы позволяют определить перспективные направления дальнейшего углубленного изучения Корана с точки зрения его педагогического потенциала, в том числе для современного учебно-воспитательного процесса, а также всей истории татаро-мусульманской педагогической культуры Поволжья и Приуралья.

Список использованных источников

Архивные материалы

1. НА РТ. – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 3805. – Л. 1–40.
2. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 10464. – Л. 19–20.
3. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 20038. – Л. 2.
4. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 7108. – Л. 1–2.
5. НА РТ.- Ф. 92. - Оп. 1. - Д. 5186. - Л. 34–35 за 1841–1855 гг.
6. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1. - Д. 6328. - Л. 1.
7. НА РТ. – Ф. 92. – Оп. 1.- Д. 6339. - Л. 1, 120.
8. НА РТ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 21. –Л. 1.
9. НА РТ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 379. – Л. 1–5.
10. НА РТ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 530. – Л. 3.
11. НА РТ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 194.
12. НА РТ. – Ф. 968. – Д. 54. – Л. 78.
13. НА РТ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 11.
14. НА РТ. – Ф. 977. – Оп. 1. – Д. 5612. – Л. 9–14.
15. НА РТ. – Ф. 977. – Д. 4527. – Л. 4.
16. НА РТ. – Ф. 977. – Д. 8651. – Л. 3.
17. НА РТ. – Ф. 977. – Д. 8836. – Л. 1.
18. НА РБ. – Ф.295. – Оп.6. – Д. 87. – Л.46 об.
19. НА РБ. – Ф. И-116. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 147.
20. ОРРК НБ КФУ. – 73 г. (э. № 86). [Рисалат фи аксам-ал-хакикат ва-л-маджаз.]
21. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 1525. – Л. 3.
22. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 1695.
23. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 6459.
24. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 7834.
25. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 8817.

26. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 9044.
27. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 9047.
28. ОРРК НБ КФУ. – Ед. хр. 2386 т. – 24 лл. [Касыйм Биккулов. Яна Тинчэле тарихы].
29. РГБ. ОР - Ф. 757 - К. 80 - Ед. 8. Императорский указ о народном просвещении и предварительные правила о народном просвещении [Рукопись]. - [Б. м.], 1803. Январь. 21 л.
30. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 451. – Л. 90. [Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел : Обзор мусульманской печати в империи в 1910 г. и казанско-татарских газет за июнь 1913 г.]
31. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 8. – Д. 1989. – Л. 28. [Дело об издании в Петербурге газеты «Нур» («Свет») на татарском языке.]
32. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 40. – Д. 422. – Л. 2, 36.
33. РГИА. – Ф. 1574. – Оп. 2. – Д. 152. – С. 1–2. [Грингмута В.А., педагога, редактора «Московских ведомостей», с изложением его мнения о «Земском соборе» и последствиях провозглашения свободы совести.]
34. РГИА. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1397. – Л. 177. [Мусульманская религиозная община по правительственным распоряжениям русского законодательства.]
35. РГИА. – [Фонд департамента народного просвещения.] - Д. 156450 : 1871 г. – Л. 4–6.
36. ЦПН ИЯЛИ АН РТ. – Ф. 39. – Ед. хр. 46. [Утыз-Имяни, Г. Рисалат дигага.]
37. ЦПН ИЯЛИ АН РТ. – Ф. 39. – Ед. хр. 1–182. [Утыз-Имяни, Г. Инказ ахаликин.]

Источники на русском языке

38. Акт частного совещания духовных лиц округа Оренбургского Магометанского Духовного Соборания. – Уфа : Электрич. губернк. типография, 1914.

39. Бартольд, В.В. Татарский поэт Абдулла Тукаев // «Мир Ислама»; под ред. Дмитрия Позднеева. Вып. 3. – СПб. : Издание императорского общества востоковедения, 1913. – Т. 2. // Переиздано в журнале «Мусульманский мир». – Казань : Издательство «Иман», 2011. – № 9. – С. 5–15.
40. Баязитов, А. Возражение на речь Эрнеста Ренана : Ислам и Наука / А. Баязитов. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1883. – 38 с.
41. Баязитов, А. Ислам и прогресс / А. Баязитов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1898. – 95 с.
42. Баязитов, А. Магомет как пророк / А. Баязитов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. – 35 с.
43. Баязитов, А. Отношения Ислама к науке и к иноверцам / А. Баязитов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. – 71 с.
44. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : В русском переводе : С параллельными местами : Перепечатано с Синодального издания. – М. : Объединенные библейские общества, 1992. – 1377 с.
45. Бигиев Муса. Полуночное солнце: [Фрагмент трактата «Пост в длинные дни» о путешествии в Финляндию, в район Северного полярного круга] / Муса Бигиев : со старотатарского перевел Айдар Хайрутдинов // ИДЕЛЬ :. – 2003. – № 4. – С. 34–41.
46. Бигиев, М. Избранные труды : в 2 т. – Т. 1 : Доказательства божественного милосердия; Взгляд на верование людей в божество; Пост в длинные дни / М. Бигиев. – Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2005. – 336 с.
47. Бигиев, М. Избранные труды : в 2 т. – Т. 2 : Обращение в Великому Турецкому Национальному Собранию; Введение к трактату «Аль Муафакат»; Воззвание к мусульманским нациям; Женщина в свете священных аятов благородного Корана. / М. Бигиев. – Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – 256 с.

48. Бигиев, Муса. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с арабск.; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – М. : ИД «Медина», 2016. – 88 с.
49. Бобровников, Н.А. Земля и воля / Н.А. Бобровников. – Казань, 1917. – 21 с.
50. Бобровников, Н.А. Из чтений на съезде учителей народных училищ Казанской губернии / Н.А. Бобровников. – Казань, 1882. – 60 с.
51. Бобровников, Н.А. Конфессиональные школы мусульман / Н.А. Бобровников // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 2. – С. 62.
52. Бобровников, Н.А. Район Сатышевский / Н.А. Бобровников. – Казань, 1898. – 180 с.
53. Бобровников, Н.А. Что такое хороший урок / Н.А. Бобровников. – 6-е изд. – Казань, 1914. – 136 с.
54. Бобровников, Н.А. Школьная сеть Казанской губернии (проект) / Н.А. Бобровников. – Казань : Лито-типография И.Н. Харитонова, 1905. – 192 с., 95 с. табл.
55. Брокгауз, Ф.А.; Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь : в 41 т. – Т. 36 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Типо-литография И.А. Ефрона, 1896. – 478 с.
56. Булич, Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819) : рассказы по архивным документам Н. Булича. / Н. Булич. – Ч. 1. – Казань : Типография Императорского университета, 1887. – 644 с.
57. Валидов, Д. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) / Д. Валидов. – М.; Пг. : Гос. изд-во, 1923. – 143 с.
58. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.С. Выготский. – Т. 2 : Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
59. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату Министром народного просвещения 7 декабря «О передаче во владение Министерства Народного Просвещения Башкирских, Киргизских и Татарских

- школ разных наименований» // Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собрание второе. – Т. XLIX. – Отделение второе. – Д. 554061. – СПб., 1876.
60. Газиз, Г. История татар / Г. Газиз. – М., 1925. – 175 с. // Переиздано: сокращенный перевод с татарского С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. – М.: «Московский лицей», 1994. – 190 с.
61. Гаспринский, И. Русское мусульманство : Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. – Симферополь : Типография Спири, 1881. – 45 с.
62. Глухарев, М.Я. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе / [соч.] Архимандрита Макария Глухарева; с предисловием священника С.В. Страхова. / М. Глухарев. – М. : Тип. А.И. Снегиревой, 1894. – 131 с.
63. Григорьев, Д. Несколько слов о причинах успешного распространения магометанства среди инородцев язычников / Д. Григорьев // Православный благовестник. – 1905. – № 2. – С. 89–91.
64. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – Т. 1 / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
65. Дрэпер, Д.В. История умственного развития Европы / Д.В. Дрэпер : перевод с английского. – Под редакцией А.Н. Пыпина. – Т. 1. – СПб. : Типография О.И. Бакста, 1869. – 355 с.
66. Записка об образовании мусульман Оренбургского края // Сб. документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1869. – 522 с.
67. Ибн Сина. Избранные философские сочинения / Ибн Сина. – М. : Наука, 1980. – 552 с.
68. Ильминский, Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине / Н.И. Ильминский. – Казань : Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. – 396 с.
69. Ильминский, Н.И. Записки об устройстве учебных заведений / Н.И. Ильминский. – Казань, 1904. – 15 с.

70. Ильминский, Н.И. Неизданное письмо Н.И. Ильминского о способах обучения инородцев / Н.И. Ильминский. – СПб., 1900. – 10 с.
71. Ильминский, Н.И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия / Н.И. Ильминский. – Казань : Тип. Ун-та, 1883 (обл. 1885). – 356 с.
72. Именной высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание третье: [С 1 марта 1881 г. по 1913 г.] : В 33-х т. – СПб.; Пг. : Гос. тип., 1885–1916.
73. Инородческое обозрение, приложение к журналу «Православный собеседник» : за март и июнь 1916 года. – Т. II. – № 2 и 3. – Казань : Центральная типография, 1916. – 264 с.
74. Катанов, Н.Ф. Восточная библиография / Н.Ф. Катанов. – Переиздание 1898 г. – Казань : Иман, 2004. – 214 с.
75. Катанов, Н.Ф. О религиозных войнах учеников Шейха Багаутдина против инородцев западной Сибири / Н.Ф. Катанов. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1904. – 26 с.
76. Катанов, Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Известия общества археологии, истории и этнографии» : 1905 г. – Т. 21. – Вып.1–6 / Н.Ф. Катанов. – Казань : Типография Императорского Казанского Университета, 1905. – С. 263–268.
77. Коблов, Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар / Я.Д. Коблов. – Казань : Центральная типография, 1916. – 210 с.
78. Коблов, Я.Д. О магометанских муллах : Религиозно-бытовой очерк / Я.Д. Коблов. – Казань, 1907 / Переиздано: Казань : Иман, 1998. – 26 с.
79. Конституция Республики Татарстан. Принята 6 ноября 1992 года на XII сессии Верховного совета Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014 (дата обращения: 24.042021).

80. Конституция Российской Федерации : офиц. текст. – М. : ОСЬ-89, 2000. – 48 с.
81. Коран / Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М. : СП ИКПА, 1990. – 512 с.
82. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – Изд. 10-е, дополненное. – М. : Рипол Классик, 2008. – 800 с.
83. Красносельцев Н.Ф. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. / Н.Ф.Красносельцев. – Казань: университетская типография, 1872 – 223 с.
84. Малов, Е.А. О Новокрещенской Конторе / Е.А. Малов. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1878. – 208 с.
85. Малов, Е.А. О татарских мечетях в России / Е. Малов. – Казань : Унив. тип., 1868. – 80 с.
86. Марков, Е.Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел Таврической дирекции училищ и других местных источников директором Таврических училищ Марковым // Сб. документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1869. – 522 с.
87. Марджани, Шихаб Ад-Дин. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробнее о предшественниках и приветствие потомкам) / Ш.Марджани. Перевод с арабского А.Н.Юзеев. – Казань : Из-во «Иман»,1999. – 126 с.
88. Мектеб. – 1914. – № 1–5 / Переиздано: Мектеб : 1914 год : № 1–5. – Пер. с татар.; под ред. У.Ш. Ахмерова. – Казань : Школа, 2004. – 195 с.
89. Николай Иванович Ильминский : Сборник статей : Книгоиздательство Восточно-Русского Культурно-Просветительного Общества. – Вып. 4 : По поводу 25-летия со дня кончины его. – Казань : Центральная типография, 1916. – 144 с.

90. Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских конфессиональных школах(мектебах и медресах) и изданных большею частью за последние 3 года (1911-1913). -Казань : Центральная типография, 1917. – 54 с.
91. О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Собрание I. – Т. XXII. – № 15936. – СПб., 1830.
92. Письма Николая Ивановича Ильминского [к обер-прокурору Святейшего синода Константину Петровичу Победоносцеву]. – Казань : Ред. Православ. собеседника, 1895 (обл. 1898). – 24 с.
93. Полное собрание законов Российской империи : с 1649 года: [Собрание первое: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851.
94. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое [с 1649 по 12 декабря 1825 г.] : 48 т. – Т. 18 [1767–1769]. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830.
95. Полное собрание законов Российской империи. – 1-е изд. – Т. XXIV. – Ст. 18287. – СПб., 1830.
96. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи: высочайше утвержденное 5-го июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1895. С. 18.
97. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Мир ислама. 1913. - Т. II. - Вып. IV.
98. Радлов, В.В. Белек / В.В. Радлов. – Казань, 1872. – 232 с.
99. Радлов, В.В. Грамматика русского языка / В.В. Радлов. – Казань : Тип. Казан. ун-та, 1873. – 114 с.
100. Радлов, В.В. Образцы народной литературы Тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи : собраны В.В. Радловым / В.В. Радлов. – СПб., 1866. – 416 с.

101. Ренан, Э. Ислам и наука. Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в собрании «Научной французской ассоциации», основанной в 1861 г. Леверье, бывшем 29 марта в большом Сорбонском амфитеатре / Э.Ренан; перевод Алексея Ведрова. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883. – 25 с.
102. Ренан, Э. Исторические статьи : Происхождение языка. Что такое нация. Участие семитов в цивилизации. Иудаизм, как раса и религия и др. / Э. Ренан : пер. с французского под ред. В.Н. Михайлова. – Киев : Типография М.М. Фиха. – 1902. – С. 164.
103. Рождествин, А. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае / А. Рождествин. – Казань : Типо-лит. Ун-та, 1900. – 85 с.
104. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1 : Царствование императора Александра I (1802–1825). – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1864. – 1644 с.
105. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания 1836-1903 г. – Уфа: 1905. – 165 с.
106. Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / Гл. ред. Д. Мухутдинов. – М. : ИД «Медина», 2015. – 1888 с.
107. Серафим Слободский. Закон Божий для семьи и школы : составил Протоиерей Серафим Слободский. – Репринтное издание. – Николо-Волосовский монастырь, 1999. – 722 с.
108. Смолин, В. К. К открытию списка сочинения Ибн-Фадлана / В.К. Смолин // Вестник научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2. – Январь–апрель. – С. 10–15.
109. Тора. (Пятикнижие Моисеево) / Ред. русского перевода П. Гиль; под общ. ред. Г. Бранновера. – М. : АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР : Шамир, 1993. – 1135 с.
110. Траубенберг, П.В. Татарская учительская школа в Казани / П.В. Траубенберг. – Казань, 1890. – 26 с.

111. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб. : Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. – С. 241.
112. Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии за 1878–1905 годы (томы I–XXI), составленный действительным членом Общества И.В. Альфонсовым. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1906. – 120 с.
113. Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете за 1906–1927 гг. (томы XXII–XXXIII) : Составлен Н.И. Воробьевым. – Казань, 1928. – 110 с.
114. Устав и программа Мусульманской духовной семинарии «Медресе Хусаиния» : пер. с татарского языка. – Казань : Иман, 1998. – 35 с.
115. Устав народным училищам в Российской империи : Уложенный в царствование имп. Екатерины II: В Царском Селе 5 августа 1786 г. – СПб. : Типография Брейткопфа, 1786. – 122 с.
116. Утыз-Имяни Габдрахим. Избранное: Трактат о выделке кож; Жемчужины разъяснения; Спасение погибающих; Наставительный трактат; Трактат о закате; Острый меч; Подарок любимым о правильном чтении книги Господа; Порицание чаепития; Трактат о важном / Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. – 320 с.
117. Фаизханов, Х. Письмо Ш. Марджани / Х. Фаизханов // Шура. – 1916. – № 14. – С. 19.
118. (Ибн) Фахраддин, Рида'аддин (Ризаэтдин бин Фэхретдин). Ибн 'Араби (Ибне Гарэби) / Рида'ад-дин ибн Фахрад-дин. – Оренбург : Вақыт, 1912. – 148 б.
119. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.; с изменениями 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/12.html> (дата обращения 01.01.2020)
120. Фукс, К. Казанские татары / К. Фукс. – Казань : Фонд ТЯК, 1991. – 210 с.
121. Фукс, К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях / К. Фукс. – Казань, 1844. – 146 с.

122. Хальфин, И.И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в императорской Казанской гимназии. – Казань : Типография Казанского университета, 1809. – 106 с.
123. Харлампович, К. Казанская Новокрещенская школа : к истории христианизации инородцев казанской епархии в XVIII в. / К. Харлампович. – Казань : Типо-литография Императорского Университета. 1905. – 91 с.
124. Н Хвольсон, Д.А. Известия о Хозярах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн Даста / Д.А. Хвольсон : перевод Д. А. Хвольсона. – СПб., 1869. – 210 с.
125. Худяков, М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / М.Г. Худяков. – Казань, 1923. – 320 с.
126. Чехов, Н.В. Народное образование в России в 60-х годах XIX в. / Н.В. Чехов. – М. : Польза, 1912. – 224 с.

Источники на других языках

127. Ал-Курсави, Абу-н-Наср. Китаб ал-иршад ли-л-‘ибад / Абу-н-Наср ал Курсави. – Казань : Типография И.Н. Харитонова, 1903. – 67 с. (на арабском языке).
128. Курсави, Габденнасыйр. Кешелэрне тугры юлга кундеру (Эл-иршад лил гыйбад) / Курсави Г. – Казань : «Иман», 1999. – 150 с.
129. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин (Шиһабетдин Мәржани). Мустафад алахбар фи-ахвал Казан ва-Булгар / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань : Типография Б.Л. Домбровского, 1897. – Т. 1. – 306 б. / Переиздано: Марджани, Ш.Б. Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар (Источники по истории Казани и Булгара) / Шигабутдин Марджани. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1989. – 414 с.
130. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин (Шиһабетдин Мәржани). Мустафад алахбар фи-ахвал Казан ва-Булгар / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань: Типография университета, 1900. – Т. 2. – 368 б.

131. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин. Ал-Хакк ал-мубин фи махасин ауда‘ аддин / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань : Матба‘ат Чирков, 1889. – 18 с.
132. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин. Ал-Хикма ал-балига ал-джаниййа фи шарх ал-‘акаид ал-ханафиййа / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань: Типография Вечеслава, 1888. – 168 с.
133. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар); перевод со старотатарского Р.К. Адыгамова. – Ч. 1 / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. – 255 с.
134. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин. Мукаддимат китаб вафиййат ал-аслаф / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань : Тип. Г.М. Вечеслава, 1883. – 411 с.
135. Ал-Марджани, Шихаб ад-дин. Назурат ал-хакк фи фардиййат ал-‘иша’ ва ин лам йагиб аш-шафак / Шихаб ад-дин ал-Марджани. – Казань: Матба‘ат Хизана, 1870. – 164 с.
136. Баязитов, Г. Безнең мэдрэсэлэр / Г. Баязитов // Нур. – 1906. – 1 апр.
137. Баязитов, Г. Мэдрэсэ һәм шәкертлэр / Г. Баязитов // Нур. – 1906. – 21 марта.
138. Баязитов, Г. Шәкертлэр / Г. Баязитов // Нур. – 1906. – 9 марта.
139. Бигиев, М. Әдәбияте гарәбия илә голуме Исламия / М. Бигиев. – Казан : Мәгариф, Е.к (Лито-тип. И.Н. Харитонова), 1911. – 72 б. : Переиздано в переводе на современный татарский язык А.Г. Хайрутдиновым – Казан : «Иман» нэш-ты, 2000. – 127 б.
140. Бигиев, М. Озын көннәрдә руза / М. Бигиев. – Казан : Электро-типография «Умидь», 1911. – 204 б.
141. Бигиев, М. Рәхмәте илаһийә борһанлары / М. Бигиев. – Оренбург : Шәрәк, 1911. – 97 б.
142. Бигиев, М. Халык нәзарына берничә мәсьәлә / М. Бигиев. – Казан : Электро-типография «УМИД», 1912. – 72 б.
143. Бигиев, М. Шәригате исламийә / М. Бигиев. – Петроград : Максудов, 1917. – 72 б.

144. Булгари М. Нәһжел-фәрадис / Төз. Нуриева Ф. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2002. – 382 б.
145. Гаспринский, И. // Терджеман. – 1885. – 17 дек.
146. Дафтари Чингиз Наме китабы фасыл дастан нәсел Чынгыз хан ве хэм аксан Тимер нәселеннән биян идар. Тарих йозендә. – Казан, 1889. – 204 б.
147. Йосыф г-м кыйссасы. Казан : «Иман» нәш-ты, 2010. - 63 б.
148. Кол Гали. Йосыф китабы / Әхмәт Исхак күчермәсе. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1999. – 224 б.
149. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф : Поэма / Кол Гали. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1989. – 221 б.
150. Колый М. Хикмәтләр. :Тозуче, иске татар теленнән кучеруче Мәсгуд Гайнетдин.– Казан : «Иман», 2014. - 136 б.
151. Котб. Хосрәу вә Ширин (шигъри роман) / Котб. – Казан : Мәгәриф, 2003. – 367 б.
152. Култаси, Ш. Хикмәт жәдидә (Новый метод) / Ш. Култаси. – Казань, 1896. – 62 с.
153. Марджани [сборник] : Шиһабетдин Мәрҗани хәзрәтләренең вилядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәте илә нәшер ителде. – Казан : Мәгәриф, 1915. – 585 б.
154. Насыри, К. Кавагыйде китабәт, ягъни тасниф вә имла кагыйдәләрен бәян кылучы бер яна фәндер (Правила письма или наука, излагающая правила письма) / К. Насыри. – Казан, 1892. – 32 б.
155. Насыри, К. Ләһжәи татари (Толковый словарь татарской, арабской и персидской лексики) / К. Насыри. – Казан, 1895. – 328 б.
156. Тукай, Г. Нур / Г. Тукай // Нур. – 1905. – 15 окт.
157. Фахретдин, Р. «Жәвамигуль – кәлим шәрхе» / Р.Фахретдин. – Оренбург : 1911 / Переиздано : Казан : Иман, 1995. – 155 б.
158. Фахретдин, Р. Адабе тәгълим («Укыту кагыйдәләре») / Р. Фахретдин. - Казан: 1908 / Переиздано : Фәхреддин, Ризаэддин. Адабе тәгълим. Укыту

- кагыйдэләре: гыйлем әхлактан тугызынчы кисәк / Р.Ф. Фәхрәддин. – 2 нче басма. – Казан : Академия познания, 2006. – 167 б.
159. Фәхрәддин, Ризаәддин. Асарь: Мәмләкәтемездә улан ислам галимләрәненң вә мәшһүркемсәләрәненң тәржемә вә табәкаләре, тарихе вәлядәт вә вафатлары вә башка әхвалләре хакында язылмыш китабдыр, 2 жилд, 15. – Оренбург : «Шәрәкь» к-ханәсе, 1908. – 504–564 б. – гарәп шр. / Переиздано : Фахрәтдин Р. Асар. – Т. 1 / Р. Фахрәтдинов. – Казань : Рухият, 2006. – 359 б.
160. Фәхрәддин, Ризаәддин. Гаилә : Йорт вә өй эчендә гаилә вә жәмәгәтьләр арасында ригая идергә тиешле улан, Ислам әдәбләрене баян идкән бер рисаләдер, 6 жөзъә. – Оренбург : Тип. Г.И. Каримова, 1902. – 75 б.
161. Фәхрәтдин, Р. Гаилә. – 3 басма. / Р. Фәхрәтдин. – Казан : «Милләт» к-ханәсе, 1909. – 69 б.
162. Фәхрәтдин, Ризаәтдин. «Шура» ның тел ярышы / Р.Фәхрәтдин. – Оренбург : «Вақыт» матб., 1910. – 195 б.
163. Magoudi. Les praires d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – Paris, 1861–1877. Т. I–IX.

Список использованной литературы

Литература на русском языке

164. Абдуллин, Я.Г. Татарская просветительская мысль / Я.Г. Абдуллин. – Казань : ТКИ, 1976. – 319 с.
165. Абдулхаков, Р.Р. Краткая характеристика литературы периода Золотой Орды [Электронный ресурс] Р. Р. Абдулхаков // Молодой ученый. – 2012. – №11. – С. 253–255. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/46/5568/> (дата обращения: 29.02.2020).
166. Абу Хамид ал-Газали. Начало праведного пути /Абу Хамид ал-Газали : перевод с арабского Р.Л. Саяхова. – Уфа : «Яшель», 2006. – 96 с.

167. Адыгамов, Р.К. Габдрахим Утыз-Имяни / Р.К. Адыгамов. – Казань: Из-во «Фэн» АН РТ, 2005. – 234 с.
168. Азаматов, Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа : «Гилем», 1999. -194 с.
169. Аминов, Т.М. Дореволюционная Уфа как центр профессионального образования : Монография / Т.М. Аминов. - Уфа : Гилем, 2004 - 217 с.
170. Амирханов, Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период / Р.У. Амирханов // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 22 – 24.
171. Амирханов, Р.У. Образование татарской нации. Культурное сближение и слияние различных групп татар / Р.У. Амирханов // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 300–301.
172. Амирханов, Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры) / Р.У. Амирханов. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2002. – 239 с.
173. Ашнин, Ф. Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка /Ф.Д.Ашнин // Тюркологический сборник 1977 Академия наук СССР. – М. Издательство «Наука» 1981. – С. 1–15.
174. Бартольд, В.В. Сочинения : Работы по истории Ислама и Арабского халифата / В.В. Бартольд. – М. : Наука, 1966. – 787 с.
175. Безрогов, В.Г., Пичугина, В.К. Между эпимелией и пайдейей : забота о себе как о ближнем в античной педагогической культуре // Между прошлым и будущим : Теория и история педагогики XXI в. : Матер. межд. заоч. Научно-практич. конференции, посв. пам. Ф.А. Фрадкина. 18–25 декабря 2013 года. – Владимир : Изд-во ВлГУ; ВИТ-принт, 2014. – С. 104–111.
176. Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики / Л.Н. Беленчук. -М.: Институт эффективных технологий, 2013. – 120 с.
177. Бенин, В.Л. Педагогическая культура толерантности : монографический сборник статей / В.Л. Бенин. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2012. – 171 с.

178. Бим-Бад Б.М. Педагогическая атропология : Учебник практикум. / Б.М. Бим-Бад. – М.: «Юрайт», 2015.– 224 с.
179. Бозиев Р.С. Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX-XX века: этапы, механизмы, движущие силы. – М.: Педагогика, 2006. – 13 п.л.
180. Богуславский М.В. История педагогики : методология, теория, персоналии: Монография. – М.: ФГНУ ИТИП РАО, Издательский центр ИЭТ, 2012. – 436 с.
181. Большая электронная библиотека. Мавля Колый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/literature/text/2151047> (дата обращения 06.04.2020).
182. Бондырева, С.К. Толерантность. Введение в проблему / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М. : Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2013. – 240 с.
183. Буева Л.П. Русская философия о духовности // Высшее образование для XXI века: IV международная научная конференция : Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Вып. 1 / Отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: Изд-во МосГУ, 2007. – С. 40-50
184. Валеев, Р.К., Гатин, А.А. Арминий Вамбери как историк казанских татар / Р.К. Валеев, А.А. Гатин. // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 148 : Гуманитарные науки. – Кн. 4. – Казань : КГУ, 2006. – 230 с.
185. Валеев, Р.М. Казанское востоковедение : истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1998. – 380 с.
186. Валеев, Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья / Ф.Х. Валеев. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1975. – 210 с.
187. Валеева-Сулейманова, Г.Ф. Искусство Казанского ханства : раритеты и методика их изучения / Г.Ф. Валеева-Сулейманова // Казанское ханство : актуальные проблемы исследования. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. – 320 с.

188. Вершинина, Н.А. История педагогики как науковедческая дисциплина [Электронный ресурс] / Н.А. Вершинина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 30. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-pedagogiki-kak-naukovedcheskaya-distsiplina> (дата обращения: 10.02.2021).
189. Вишленкова, Е.А. Казанский университет Александровской эпохи : Альбом из нескольких портретов / Е.А. Вишленкова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – 240 с.
190. Волков Г. Н. Этнопедагогика : Учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. зав./ Г.Н. Волков — М.: Academia, 2000. — 168 с.
191. Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века / М.Х. Гайнуллин. – Казань : Тат. кн.изд-во, 1975. – 307 с.
192. Гайнуллин, М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар / М. Гайнуллин. – Казань, 1955. – 96 с.
193. Галиуллина, Д.М. Специфические особенности «татарского джадидизма» конца XIX – начала XX вв. / Д.М. Галиуллина // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2018. – № 38 (3–4). – С. 61–68.
194. Галлямова, А.Г. История Татарстана и татарского народа 1917–2013 гг. / Под ред. А.Г. Галлямовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 656 с.
195. Ганкевич, В.Ю. Крымскотатарские медресе : Курс лекций / В.Ю. Ганкевич. – Симферополь : Доля, 2001. – 76 с.
196. Гафаров, А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.) / А.А. Гафаров. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 564 с.
197. Георгиев П.В. «Учёные записки Казанского университета» в поле научных коммуникаций России (1834–1917) [Электронный ресурс] / П.В. Георгиев. // Ученые записки Казанского университета. – Сер. гуманитар. наук. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchyonye-zapiski-kazanskogo>

universiteta-v-pole-nauchnyh-kommunikatsiy-rossii-1834-1917 (дата обращения: 12.09.2022).

198. Гермез, М. Муса Джаруллах Бигиев : Учебно-методические и научные материалы для составления учебных пособий, курсов лекций, хрестоматий, а также научно-исследовательской работы студентов / М. Гермез. – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – 167 с.

199. Герменевтика в теологии: учебно-методический комплекс / Авт.-сост. С.Ю. Романов. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2013. – 52 с.

200. Городенко, Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] / Д.В. Городенко // Гуманизация образования. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-natsionalnogo-obrazovaniya-nerusskih-narodov-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-yy> (дата обращения: 16.12.2021).

201. Горохов, В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В.М. Горохов. – Казань : Татгосиздат, 1941. – 170 с.

202. Горохов, В.М. Школьное образование среди татар Поволжья в XIX и в начале XX века. / В.М. Горохов. – Казань : Татгосиздат, 1947. – 50 с.

203. Григорьева, Т.П. Буддизм и современная мысль / Т.П. Григорьева // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 135–137.

204. Давлетшин, Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа / Г.М. Давлетшин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2004. – 431 с.

205. Джурицкий, А.Н. История российской педагогики : учебное пособие / А. Н. Джурицкий. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. – 232 с.

206. Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань : Фест, 1996. – 443 с.

207. Дюдуаньон, А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и Мавераннахре. // Ислам в татарском мире :

- История и современность. – Материалы международного симпозиума. – Казань : «Панорама-форум», 1997. – 378 с.
208. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика / А.С. Запесоцкий. – М.: Наука, 2002 – 456 с.
209. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. : в 2 т. – Т. 1. / Б.Н. Заходер. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1962. – 280 с.
210. Зиливинская, Э.Д. Архитектура Золотой Орды. – Ч. 1 : Культовое зодчество / Э.Д. Зиливинская. – М.; Казань : Отечество, 2014. – 228 с.
211. Зиливинская, Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории : колл. Моногр. / Э.Д. Зиливинская, Д.В. Васильев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 968 с.
212. Знаменитые люди о Казанском крае. [Вып.1] / Сост. А.В. Гарзавина. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1987. – 184 с.
213. Ибнеева, Г.В. Путешествие Екатерины II : опыт «освоения» имперского пространства / Г.В. Ибнеева. – Казань : Изд-во Казан. Университета, 2006. – 254 с.
214. Ибн-Фадлан, А. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комментарий под ред. И.Ю. Крачковского; Акад. наук СССР; Ин-т истории и Ин-т востоковедения. – М., Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. – 194 с.
215. Ибрагим, Т. На пути к коранической толерантности / Т. Ибрагим. – Нижний Новгород : ИД «Медина», 2007. – 288 с.
216. Ибрагим, Т.К. Коранический гуманизм : Толерантно-плюралистические установки / Т.К. Ибрагим. – М. : ИД «Медина», 2015. – 576 с.
217. Ибрагим, Т.К. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте / Т.К. Ибрагим, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев. – Казань : Татар. кн. изд-во (ГУП ИПК Идел-Пресс), 2002. – 238 с.
218. Ислаев, Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье / Ф.Г. Ислаев. – Казань : Татар, кн. изд-во, 1999. – 125 с.

219. Иванова С.В. Организационно-методологические основы подготовки диссертации: учебно-методическое пособие / И.В.Иванова. - М.: ИНФРА, 2022 - 106 с.
220. Ислам в Российской империи: Законодат. акты, описания, статистика / Сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д.Ю. Арапов. – М. : Академкнига, 2001. – 366 с.
221. Исламская педагогика. Роль воспитания в подготовке человека к несению бремени своей миссии в жизни. Казань : Изд-во «Иман», 2000. -136 с.
222. Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия : постижение педагогической культуры человечества : Материалы Шестой национальной научной конференции. – М. : АСОУ, 2010. – 148 с.
223. Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: традиции и новации в истории педагогической культуры: материалы седьмой нац. науч. конф. – М. : АСОУ, 2011. – 168 с.
224. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: Учебное пособие – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – 374 с.
225. История Татарии в материалах и документах. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 503 с.
226. История Татарской АССР. – Казань : Таткнигоиздат, 1973. – 240 с.
227. История Татарстана и татарского народа : учебное пособие / А.Г. Галлямова, И.Р. Миннуллин, А.Ш. Кабирова, А.А. Иванов, Р.Б. Гайнетдинов, Л.И. Алмазова. – Казань : КФУ, 2014. – 434 с.
228. Исхаков, Д. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах / Д. Исхаков. – Казань, 1997. – 78 с.
229. Исхаков, Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XIV – начале XV в. / Д.М. Исхаков // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 286.
230. Исхаков, Д.М. От нации «мусульманской» – к нации татарской / Д.М. Исхаков // Татарстан. – 1995. – № 9–10. – С. 80.

231. Исхаков, Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. : Научно-методическое пособие / Д.М. Исхаков. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, серия *biblioteca tatarica*, 2004. – 132 с.
232. Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. : Сборник документов и материалов. – Казань: Изд-во «Гасыр», 2005. – 255 с.
233. Каймаразов, Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане / Г.Ш. Каймазов // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 198 с.
234. Калинин Н.Ф. Казань : Исторический очерк / Н.Ф. Калинин. – Казань : Таткнигоиздат, 1955. – 414 с.
235. Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
236. Кант, И. Лекции по этике. – М. : Республика, 2000. – 431 с.
237. Каппелер, А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 133.
238. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. – М. : Традиция-Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
239. Каримуллин, А.Г. Татарская книга начала XX века / А.Г. Каримуллин. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1974. – 262 с.
240. Каримуллин, А.Г. У истоков татарской книги / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татарское книжное издательство, 1971. – 224 с.
241. Кемпер М. История суфизма в Поволжье и Приуралье / М. Кемпер // Мир Ислама. – 2005. – № 3. – С. 5–10.
242. Кемпер, М. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане : Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. / М. Кемпер. – Казань : Российский исламский университет, 2008. – 675 с.

243. Конт, О. Дух позитивной философии : Слово о положительном мышлении / Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 80 с.
244. Конт, О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И.А. Шапиро. – Под ред. Э.Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с.
245. Крайсман, Н.В. Политика российского правительства в миссионерской деятельности в Поволжье и Приуралье : XVIII век. / Н.В. Крайсман. – Казань : КНИТУ, 2012. – 156 с.
246. Крылова Н.Б. Очерки понимающей педагогики: Книга для молодого педагога, ищущего альтернативные пути в педагогике / Н.Б. Крылова, Е.А. Александрова. – М. : Нар. образование, 2003. – 441 с.
247. Кульпин, Э.С. Социально-экономические кризисы Восточной Европы в судьбе Казани / Э.С. Кульпин // Средневековая Казань : возникновение и развитие. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. – 294 с.
248. Кэмпбел, Л.Е. Мусульманский вопрос в России : история обсуждения проблемы / Л.Е. Кэмпбел // Исторические записки. – 2001. – № 4. – С. 132.
249. Лингвистическая относительность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Linguistic_relativity#cite_note-McComiskey2002-10 (дата обращения 07.01.2020).
250. Лобачевский, Н.И. Избранные труды по геометрии / Под ред. П.С. Александрова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 596 с.
251. Лобачевский, Н.И. Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / Под ред. П.С. Александрова, И.Н. Бронштейна, Б.Л. Лаптева, А.И. Маркушевича, В.В. Морозова, А.П. Нордена. – М. : Наука, 1976. – 664 с.
252. Маликов, Р.Ш. Тюрко-татарская гуманистическая педагогическая мысль средневековья / Р.Ш. Маликов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1999. – 304 с.

253. Марданова, Ф.Ф. Роль казанского университета в изучении духовной культуры татар Поволжья. // Ученые записки казанского университета. – 2020. – Т. 162. – Кн. 3. – С. 181–195.
254. Марджани : ученый, мыслитель, просветитель / Сб. статей. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1990. – 191 с.
255. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Ч. I. / Ш. Марджани. – Пер. со старотатар. Р.К. Адгамова. – Казань : Изд-во «Фэн», АН РТ, 2005. – 255 с.
256. Махмутова, А.Х. Проект, не успевший стать законом / А. Махмутова // Эхо веков. – 2001. – № 1–2. – С. 41.
257. Махмутова А.Х. Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман Волго-Уральского региона в Конце XVIII – начале XX вв./ А.Х. Махмутова // Научный Татарстан. – 2011. – №1. – С.173-194.
258. Медресе г. Казани XIX – начала XX в. : Сб. док. и матер. / Сост. Л.В. Горохова, Р.А. Гимазова, Н.С. Горицкая, Н.А. Шарангина. – Казань : Гасыр, 2007. – 319 с.
259. Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в. : Сборник документов и материалов. – Казань : Гасыр, 2012. – 280 с.
260. Миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения 07.01.2020).
261. Михайлова, С.М., Коршунова, О.Н. Миссия университетов в России : век XIX [Электронный ресурс] / С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова // Учёные записки Казанского университета. – Серия Гуманит. науки. – Кн. 4. – Казань, 2006. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-universitetov-v-rossii-vek-hih> (дата обращения: 04.10.2022).
262. Михайлова, С.М., Коршунова, О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья / С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова – Казань : Изд-во «Фэн», 1997. – 106 с.

263. Муфтахутдинова, Д.Ш. Эволюция конфессиональной политики российского государства по отношению к мусульманам Поволжья и Приуралья (вт. пол. XVI – нач. XX в.) : монография / Д.Ш. Муфтахутдинова. – Казань : Рос. ислам. инст., 2018. – 346 с.
264. Мухамадиев, А.Г. Золотая Орда / А.Г. Мухамадиев // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 147.
265. Мухаметзянов, И.М. Из истории исследования поэмы кутба «Хосров и Ширин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-issledovaniya-poemy-kutba-hosrov-i-shirin>. (дата обращения 29.04.2020).
266. Мухаметшин, А.Г. Становление и развитие педагогической мысли в казанском крае VIII – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А.Г. Мухаметшин. – Нижний Новгород, 2009. – 403 с.
267. Мухаметшин, Р.М. Ислам как культурный и политический фактор трансформаций в современной России / Р.М. Мухаметшин // «Татарский мир». – 2002. – № 6 (16).
268. Мухутдинов, Д.В. История ислама в России : учебное пособие / Д.В. Мухутдинов. – Под общ. ред. В.В. Трепавлова. – М. : ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019. – 294 с.
269. Набиев, Р.А. Векторы толерантности : религия и образование / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань : Мэгэриф, 2006. – 239 с.
270. Набиев, Р.А. Ислам в Татарстане : Опыт толерантности и культура сосуществования / Авторы-составители: Р.А. Набиев, Госман-хазрат Исхаков, А.Ю. Хабутдинов. – Казань: 2002. – 104 с.
271. Набиев, Р.А., Гафаров, А.А. Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX – начале XX в. / Р.А. Набиев, А.А. Гафаров // Ученые записки Казанского университета. – Казань: 2011. – Т. 153. – Кн. 3. – С. 120.

272. Оганесян, С.С. Священные Писания единобожия о периодизации стадий ментального развития этносов и народов и стратегическом направлении развития человечества / С. С. Оганесян // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2 (54) – С. 26–39.
273. Оганесян, С.С. Священные писания о неизбежности перехода от религиозного права к светскому / С. С. Оганесян // Представительная власть – XXI век. – 2018. – № 1–2. – С. 30–34.
274. Оганесян, С.С. Тора, Новый Завет и Коран – закон, правопорядок и законопослушание / С.С. Оганесян. – М. : Гуманитарий, 2011. – 552 с.
275. Оганесян, С.С., Сабитова, Г.А. Законодательная система Корана – основа для формирования веротерпимости в многоконфессиональных и полиэтнических государствах / С.С. Оганесян, Г.А. Сабитова // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 1 (36). – С. 62–67.
276. Оганесян, С.С., Сабитова, Г.А. Коран – мировоззренческая основа формирования веротерпимости в многоконфессиональном государстве / С.С. Оганесян, Г.А. Сабитова // I Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : Материалы научно-практических конференций форума : Болгар, 13–19 октября 2019 года. – Казань : МеДДоК, 2020. – С. 333–337.
277. Оганесян, С.С., Сабитова, Г.А. Ментальные цивилизации язычества и единобожия: отличия и схожесть / С.С. Оганесян, Г.А. Сабитова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – М., 2020. – С. 230–238.
278. Оганесян, С.С., Тарим А.Х. О причинах трансформации духовных ценностей наших современников / С.С. Оганесян, Тарим А.Х. // Ценности и Смыслы. – 2021. – № 3 (73). – С. 136–147.
279. Оганесян, С.С., Тарим Хаади. Равноценны ли конституции современных светских государств и Священные Писания религиозных эпох? / С.С. Оганесян, Т. Хаади // Представительная власть – XXI век. – 2020. – № 7–8. – С. 33–37.

280. Оганесян, С.С., Хаади, Т.А. К вопросу о системе образования и воспитания людей с научным мировосприятием в условиях цивилизации / С.С. Оганесян, Т.А. Хаади // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – М., 2021. – С. 177–184.
281. Оганесян, С.С., Хаади, Т.А. К вопросу о функциях священных писаний и конституций государств в разные ментальные эпохи / С.С. Оганесян, Т.А. Хаади // II Международный форум «Богословское наследие мусульман России» : Сборник научных докладов конференций. – Сост. Д.М. Абдрахманов [и др.]. – Казань : ИД «МеДДок», 2021. – С. 308–315.
282. Оганесян, С.С., Хаади, Т.А. Проблемы правового восприятия явлений экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях : общетеоретический и историко-философские аспекты / С.С. Оганесян, Т.А. Хаади // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – № 2 (54). – С. 237–246.
283. Оганесян, С.С., Хаади, Т.А. Фактор формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности в системе образования казанского ханства XV–XVI вв. / С.С. Оганесян, Т.А. Хаади // Отечественная и зарубежная педагогика – 2020. – Т. 1. – № 5 (71). – С. 158–166.
284. Панькин А. Б. Формирование этнокультурной личности / А. Б.Панькин. – М.: МПСИ, 2006. – 280 с.
285. Пичугина, В.К. История педагогики, сравнительная педагогика и педагогическое образование : проблемы и перспективы конструктивного взаимодействия / В. К. Пичугина // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 4 (71). – С. 57–61.
286. Пичугина, В.К., Безрогов, В.Г. История педагогики в современную эпоху / В.К. Пичугина, В.Г. Безрогов // Педагогика. – 2016. – № 8. – С. 104–113.
287. Пичугина, В.К., Крыхтина, С.Ю. Воспитание музыкой и театром в древнегреческой педагогической культуре / В.К. Пичугина, С.Ю. Крыхтина // Вестник Тюменского государственного университета. – Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2017. – Том 3. – № 4. – С. 217–228.

288. Полонский, А. Православная церковь в истории России : синодальный период / А. Полонский // Преподавание истории в школе. – 1996. – № 1. – С. 8.
289. Портал «Архивы России» : Федеральное агентство архивов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/state/tatarstan/nacionalnyu-archiv> (дата обращения 26.04.2020).
290. Рахимов, С.Т. Ш. Марджани и Казанская татарская учительская школа / С.Т. Рахимов // Шигабутдин Марджани : наследие и современность. – Сборник статей. – Казань, 1998. – С. 129–134.
291. Ремнёв, А.В. Татары в казахской степи : соратники и соперники Российской империи [Электронный ресурс] / А.В. Ремнёв // Вестник Евразии. – 2006. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatary-v-kazahskoy-stepi-soratniki-i-soperniki-rossiyskoy-imperii> (дата обращения: 08.11.2021).
292. Риза Фахретдин об особенностях исламского воспитания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://islam-today.ru/istoria/riza-fahretdin-ob-osobennostah-islamskogo-vospitania/?desktop=true> (дата обращения 08.09.2019).
293. Сабитова, Г.А. О трансформации духовных ценностей / Г.А. Сабитова // Сборник материалов научно-практич. конференции «VII Форум преподавателей мусульманских образовательных организаций». – Казань : ДУМ РТ-РИИ-КФУ, 2020. – С. 206–211.
294. Сабитова, Г.А. Толерантность как основа безопасности государства (на примере Золотой Орды) / Г.А. Сабитова // Материалы Всерос. научно-практич. конференции. – 16–18 апреля 2020 года. – Казань : Изд-во АН РТ, 2020. – С. 167–170.
295. Савин, М.В. Становление истории педагогики как отрасли социогуманитарного знания [Электронный ресурс] / М.В. Савин // Историко-педагогический журнал. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-istorii-pedagogiki-kak-otrasli-sotsiogumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 11.02.2021).

296. Садриев, А. Миф или исторический факт? / А. Садриев // Журнал Sohbet. – 2018. – № 3. – С. 14–17.
297. Сальникова, А.А. Татарская «Алифба» : история и современность / А.А. Сальникова, Д.М. Галиуллина; [пер. на татр. яз. Х.Г. Файзрахмановой] : монография. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2016. – 512 с.
298. Саматова, Ч.Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Казанского учебного округа) : автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Саматова Чулпан Хамитовна. – Казань, 2010. – 28 с.
299. Сафиуллина, Р.Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа / Р.Р. Сафиуллина. – Казань : Алма-Лит, 2003. – 214 с.
300. Сахих Ал Бухари. Мухтасар (сборник хадисов). – Перевод Владимира (Абдуллы) Михайловича Нирша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mir-knig.com/read_263917-1 (дата обращения 12.08.2022).
301. Саяхов, Р.Д. Педагогические идеи толерантности в мусульманских первоисточниках / Р.Д. Саяхов // Наука, образование и религия против идеологии экстремизма : сборник материалов для практической деятельности по профилактике религиозного экстремизма. – Уфа : Мир печати, 2017. – С. 56–62.
302. Саяхов, Р.Л. Активизация педагогического потенциала мусульманских религиозных первоисточников / Р.Л. Саяхов // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivizatsiya-pedagogicheskogo-potentsiala-musulmanskikh-religioznyh-pervoistochnikov> (дата обращения: 13.10.2021).
303. Сковородкина И.З. Преемственность народных традиций в региональной образовательной среде // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции - XXXV сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при

отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования. - Вологда, 2022. - С. 415-422.

304. Соловьев, И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. 1 / И.М. Соловьев. – СПб. : Книгоизд-во типо-литографии «Энергия», 1914. – 215 с.

305. Степанян, М.Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) / М.Т. Степанян. // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 20–29.

306. Султанбаева К.И. Генезис этнокультурных образовательных концепций в отечественной педагогике во второй половине XIX - начале XX веков : автореферат дис... док. пед. наук: 13.00.01./ К. И. Султанбаева– М.:2018. - 41 с.

307. Султанбеков, Б.Ф. От конфронтации к взаимопониманию (из истории христианско-русских взаимоотношений в России) / Б.Ф.Султанбеков // Культура мира : от утопии к реальности. – Казань, 1999. – С. 165–166.

308. Счетчик населения Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://countrysimeters.info/ru/World> (дата обращения 01.01.2020).

309. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана : научное издание / И.Р. Тагиров. – 2-е изд. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. – 454 с.

310. Тагиров, И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа : (XX век) / И.Р. Тагиров. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1999. – 467 с.

311. Тагиров, Э.Р. Регионология. Основы региональной политики. – Ч. 1 / Э.Р. Тагиров, А.Д. Верясов. – Казань : Изд-во ООО «Центр инновацион. технологий», 2004. – 126 с.

312. Тагиров, Э.Р. Сабантуй в локальном и глобальном цивилизационном пространстве / Э.Р. Тагиров, Д.Р. Шарафутдинов. – Казань : Изд-во ООО «Центр оперативной печати», 2004. – 48 с.

313. Тагиров, Э.Р. Татары в оптике Большой истории человечества : миротворческий аспект / Э.Р. Тагиров. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. – 328 с.

314. Тауфик, И. О Марджани – историке и реформаторе / И. Тауфик // Шигабутдин Марджани : наследие и современность. – Сборник статей. – Казань, 1998. – С. 143–145.
315. Тафсир Ас-Саади [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn----8sbemuhsaeiwd9h5a9c.xn--p1ai/chitat-koran-na-arabskom/al-anam/#ayat-155> (дата обращения 21.09.2022).
316. Традиции и новации в истории педагогической культуры : монография : в 2 т. / Под ред. Г.Б. Корнетова. – М. : АСОУ, 2011. – 218 с.
317. Тукай, Г. Избранное : Перевод с татар. / Г. Тукай. – М., 1986. – 406 с.
318. Тукай, Г. Сочинения: в 5 т. – Т. 2. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1985. – 400 с.
319. Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии за 1878–1905 годы (томы I–XXI), составленный действительным членом Общества И.В. Альфонсовым. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1906. – 142 с.
320. Указатель к известиям общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете за 1906–1927 гг. (томы XXII–XXXIII) / Составлен Н.И. Воробьевым. – Казань : Из-во Казан. ун-та, 1928. – 21 с.
321. Урманчеев, Ф.И. Лиро-эпос татар среднего Поволжья: основные проблемы изучения байтов / Ф.И. Урманчеев. – Казань: Тат. книж. изд-во, 2002. – 256 с.
322. Урусова, Л.Х. Гендерная толерантность в современном обществе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-tolerantnost-v-sovremennom-obshchestve/viewer> (дата обращения 27.04.2020).
323. Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / Под ред. М.И. Кондакова. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1988. – 494 с.
324. Фаизов, С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. : Очерк истории / С.Ф. Фаизов. – М. : Спутник, 1999. – 76 с.
325. Фархшатов, М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90 гг. XIX в. / М.Н. Фархшатов. – М. : «Наука», 1994. – 144 с.

326. Фахрутдинов, Р.Г. История татарского народа : монография / Р.Г. Фахрутдинов, Р.Р. Фахрутдинов. – 2-е изд. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2021. – 415 с.
327. Фахрутдинов, Р.Р. Межкультурная толерантность как фактор стабильного развития региона : опыт исследования / Р.Р. Фахрутдинов, О.Л. Панченко, Б.Р. Фахрутдинов // Транснациональная и региональная адаптация мигрантов-мусульман Евразии : Сб. статей. под ред. Р. Р. Фахрутдинова. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2019. – 120 с.
328. Фахрутдинов, Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – начале XX в. : очерки политической истории / Р.Р. Фахрутдинов. – Казань : Мэгэриф, 1998. – 127 с.
329. Фридерих, М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / М. Фридерих. – Пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань : Татарское книжное издательство, 2011. – 343 с.
330. Хаади, Т. А. Педагогические принципы первоисточников ислама как основа духовной устойчивости и стабильности / Т.А. Хаади // сб. материалов IX Международной научно-исследовательской конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» г. Грозный – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2022. – С. 369 – 377.
331. Хаади, Т.А. Актуальность исторического опыта формирования толерантности татар-мусульман в эпоху глобализации / Т.А. Хаади // сборник научных трудов межд. научно-практич. конференции «Образовательное пространство в информационную эпоху» : под ред. С.В. Ивановой. – М. : ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2021. – С. 10 –119.
332. Хаади, Т.А. Принципы реляции, взаимодействия и осознанного познания в первоисточниках Ислама //сб. материалов межд. образ. конференции «Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия». В 2 т-х. Т. II. - Уфа: Издательство, 2022 - С. 186 -192.

333. Хаади, Т.А. Толерантность как нравственная основа жизнедеятельности татар-мусульман Поволжья и Приуралья / Т.А. Хаади // сб. мат. VII Межд. научно-практич. конференции Уголовно-исполнительная система и русская православная церковь, другие традиционные для России религиозные объединения: взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных. – СПб. : Ун-т ФСИН России, 2021. –С. 109–119.
334. Хабибуллина Г.Ю. Исламское образование. Инновационные процессы в конфессиональном образовании. – Часть 1.: Уч. пособие (для студентов, углубленно изучающих историю и культуру ислама). – М.: ООО «ГК ИТЛ», 2007. – 164 с.
335. Хабибуллина Г.Ю. Исламское образование. Инновационные процессы в конфессиональном образовании. – Часть 2.: Уч. пособие (для студентов, углубленно изучающих историю и культуру ислама). – М.: ООО «ГК ИТЛ», 2007. – 110 с.
336. Хабибуллина Г.Ю. Методика преподавания исламских дисциплин: учеб. пособие / Г.Ю. Хабибуллина. – Казань:Изд-во КГУ, 2013. – 172 с.
337. Хабутдинов, А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917) : институты, идеи, люди / А.Ю. Хабутдинов. – Отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2010. – 208 с.
338. Хабутдинов, А.Ю. Родной язык : 100 лет классическим учебникам / А.Ю. Хабутдинов // Медина аль-Ислам. – 2010. – № 103.
339. Хайрутдинов, А.Г. Муса Джаруллах Бигиев / А.Г. Хайрутдинов. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. – 180 с.
340. Хайрутдинов, А.Г. Последний татарский богослов (жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань: «Иман»,1999. - 138 с.
341. Хайрутдинов, А.Г. Социально-философские аспекты татарского мусульманского религиозного реформаторства (на материалах творческого наследия М.Д.Бигиева) : дис. ...к.ф.н.: 09.00.11 / А.Г. Хайрутдинов. – Казань, 2004. – 176 с.

342. Хайрутдинов, А.Г. Сущность и содержание веры с точки зрения Мусы Бигеева [Электронный ресурс] / А.Г. Хайрутдинов // Ислам в современном мире. – 2017. – № 13 (2). – С. 73–90. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2017-13-2-73-90> (дата обращения: 04.03.2021)
343. Халидов, А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. – М. : Наука, 1985. – 304 с.
344. Халиков, А.Х. Волжская Булгария XII–XIII вв. и особенности формирования общебулгарской народности / А.Х. Халиков // Поэт-гуманист Кул-Гали. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1987. – С. 88–101.
345. Ханбиков, Я.И. Из истории педагогической мысли татарского народа / Я.И. Ханбиков. – Казань : Таткнигоиздат, 1967. – 232 с.
346. Ханбиков, Я.И. Основные направления в развитии педагогической мысли татарского народа в XI–XX вв. : автореф. дис. ... докт. пед. наук / Я. Б. Ханбиков. – Москва, 1968. – 162 с.
347. Ханбиков, Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. / Я.И. Ханбиков. – Казань : Таткнигоиздат, 1968. – 184 с.
348. Хасанов, Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации / Х.Х. Хасанов. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1977. – 327 с.
349. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие : историко-документальный сборник / пер. со старотат. А.М. Ахунова и И.Ф. Гимадеева; сост. и отв. редактор Д.В. Мухетдинов. – Нижний Новгород : ИД «Медина», 2008. – 152 с.
350. Хузиахметов А.Н. Общественно-педагогическое движение в России: нравственно-воспитательная парадигма. Монография. - Москва: Изд-во "Школьная пресса", 2011. – 178 с.
351. Червонная, С.М. Искусство Татарии / С.М. Червонная. – М. : «Искусство», 1987. – 352 с.
352. Численность последователей основных религий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 13.04.2020).

353. Шагавиев, Д.А. Татарская богословская мысль XIX – нач. XX в. и Шихабутдин Марджани / Д.А. Шагавиев. – Казань : Хузур, 2018. – 240 с.
354. Шагавиев, Д.А. Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX в.) : Курс лекций / Д.А. Шагавиев. – Казань : Болгарская исламская академия, 2018. – 168 с.
355. Шангараев, Р.Р. Атаулла Баязитов : просветитель и защитник ислама / Р.Р. Шангараев // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. – Казань : Издательство «Ислам-пресс», 2010. – С. 265–283.
356. Шарафутдинов, Д.Р. Традиционная культура татарского народа (XIX – начало XX в.) : Юность древнего Сабантуя / Д.Р. Шарафутдинов. – Казань : Изд-во ООО «Центр оперативной печати», 2004. – 640 с.
357. Шарафутдинов, З.Т. Педагогическое пространство татарского народа : монография / З.Т. Шарафутдинов. – Казань : КГПУ, 2000. – 180 с.
358. Швейцер, А.Д. Упадок и возрождение культуры. Избранное. – М. : «Прометей», 1993. – 512 с.
359. Юзеев, А.Н. Татарская религиозно-философская мысль X–XIX веков / А.Н. Юзеев // Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте – Казань: 2002. – С 125–137.
360. Юзеев, А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX в. / А.Н. Юзеев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2001. – 192 с.
361. Юзеев, А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков : эволюция, основные направления и представители. – Книга вторая. / А.Н. Юзеев. – Казань : Иман, 1998. – 123 с.
362. Юзеев, А.Н. Татарская философская мысль татарского народа / А.Н. Юзеев. – Казань, 2007. – 214 с.
363. Юзеев, А.Н. Хусаин Фаизхан – первый татарский просветитель / А.Н. Юзеев, Д.В. Мухетдинов. – Нижний Новгород : Медина, 2011. – 274 с.
364. Юзеев, А.Н. Шихаб ад-дин Марджани : мыслитель, религиозный реформатор, просветитель / А.Н. Юзеев. – Казань : Иман, 1997. – 60 с.

365. Юсупов, М.Х. Шигабутдин Марджани / М.Х. Юсупов. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2005. – 271 с.
366. Яковлева, Е.Л. Проникая в миры инклюзии / Е.Л. Яковлева. – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 224 с.
367. Ялалов Ф. Г. Этнодидактика народов России: преемственность, традиции, инновации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Нижнекамск: Изд-во «ИМИ Чишмэ», 2005 – 340 с.

Литература на других языках

368. Abu Ghuddah, Abd Al-Fatah. 2017. Prophet Muhammad: The Teacher. An Insight into His Teaching Methods. Translated by Muhammad Z. Abu Ghuddah. Swansea: Awakening Publications.
369. Görmez, M. Musa Carullah Bigiyef / M. Görmez. – Ankara: 1994. – 228 s.
370. Kazan, Moscow, St. Petersburg : Multiple faces of the Russian Empire. Казань, Москва, Петербург : Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997. – 416 с.
371. Memon, Nadeem A. 2007. The Prophetic Standard: Incorporating the Instructional Methods of the Prophet Muhammad in Islamic Schools. ISNA Education Forum Papers. Available online: <http://www.isna.net/2007-education-forum-papers/> (accessed on 14 November 2018).
372. Oganesyanyan S.S, Khaadi T.A. On the requirements of a new mental civilization to the system of education and upbringing of students. Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research (Eds. Svetlana G. Maximova, Roman I. Raikin, Alexander A. Chibilev, Marina M Silantyeva). Volume 3, 2022.
373. Oganesyanyan S.S., Sabitova G.A. The role of the education system in countering and preventing extremism and terrorism in youth environments / Systemic Challenges and Changes in Education: Perspectives from Russia. Studies in Systems, Decision and Control. (eds Arinushkina AA, Neustroev SS). – Springer. Cham. – 2020. – P. 232–241.

374. Sabitova G.A., Oganesyanyan S.S. Do the holy scriptures and the constitutions of modern secular states have equal value and significance? / London Journal of Research in Humanities and Social Sciences. Volume 20. Issue 16. Compilation 1.0. Pg. 1–8.
375. Sahin, Abdullah. 2013. New Directions in Islamic Education : Pedagogy and Identity Formation. Paperback : Kube Publishing Ltd; Reprint edition (May 12, 2015). – 304 p.
376. Sergei Sayadovich Oganesyanyan, Tarim Anverovna Khaadi (2021). Psychological Problems Connected with the Transition of Modern Humanity from Religious Civilizations to the Scientific World View // Clinical Psychology and Mental Health Care. 2021. 4(1).
377. Гобэйдуллин, Г.С. Тарихи сэхифэлэр ачылганда: сайланма хезмэтлэр / Г.С. Гобэйдуллин. – Казан : Татар, кит. нэшр., 1989. – 335 б.
378. Гомэров, И.Г. Рухи мирас : эзлэнүлэр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редколл.: И.Г. Гомэров (проект жит. һәм жав. мөх.), М.И. Әхмэтжанов, З.З. Рәмиев. – Казан : ТӘҺСИ, 2018. – 6 нчы чыг. – 300 б.
379. Горохов, В.М. Педагогика тарихыннан очерклар / В.М. Горохов. – Казан : Таткнигоиздат, 1956. – 124 б.
380. Идегей. Татар халык дастаны / Идегей. – Казан : Татар кит. нэшир., 1988. – 254 б.
381. Мөслими. Төварихы Болгария // Мирастан биш сэхифә : XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкәрләре. – 2011. – Б. 128–190.
382. Насыйри К. «Ләһжәи татари»дан / К. Насыйри // Сайланма әсәрләр. – 4 томда. Т. 3. – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2005. – 273 б.
383. Педагоги Бобинские и Иж-Бобьинское медресе : Историко-документальный сборник (на татарском языке). – Казань : Рухият, 1999. – 239 с.
384. Татар педагогик фикере антологиясе : 2 томда – 2нче том : XX–XXI гасыр башы. – Казан: Тат. кит. нэшр., 2016. – 486 б.
385. Татар педагогик фикере тарихы. – Казан : ТФА Ш.Мәржәни исем. Тарих институты, 2017. – 308 б.

386. Татар әдәбияты тарихы. – Т. 1. – Казан : Татар китап нәш-ты, 1984. – 164 б.
387. Татар әдәбияты тарихы : сигез томда = История татарской литературы : в восьми томах; төз. Р. Ф. Рахмани. – Казан : Татар китап нәш-ты, 2014. – 469 б.
388. Фәхрәддин, Р. Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр / Р. Фәхрәддин. – Казан : Рухият, 2011. – 211 б.
389. Фәхрәтдин, Р.Ф. Балаларга нәсыйхәт / Р.Ф. Фәхрәтдин. – Казан : Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – 280 б.
390. Фәхрәтдин, Р.Ф. Ислам дине – Нинди дин? / Р.Ф. Фахрәтдин // Фәнни-биографик җыентык. – Казан : Академия познания, 2006. – 68 б.